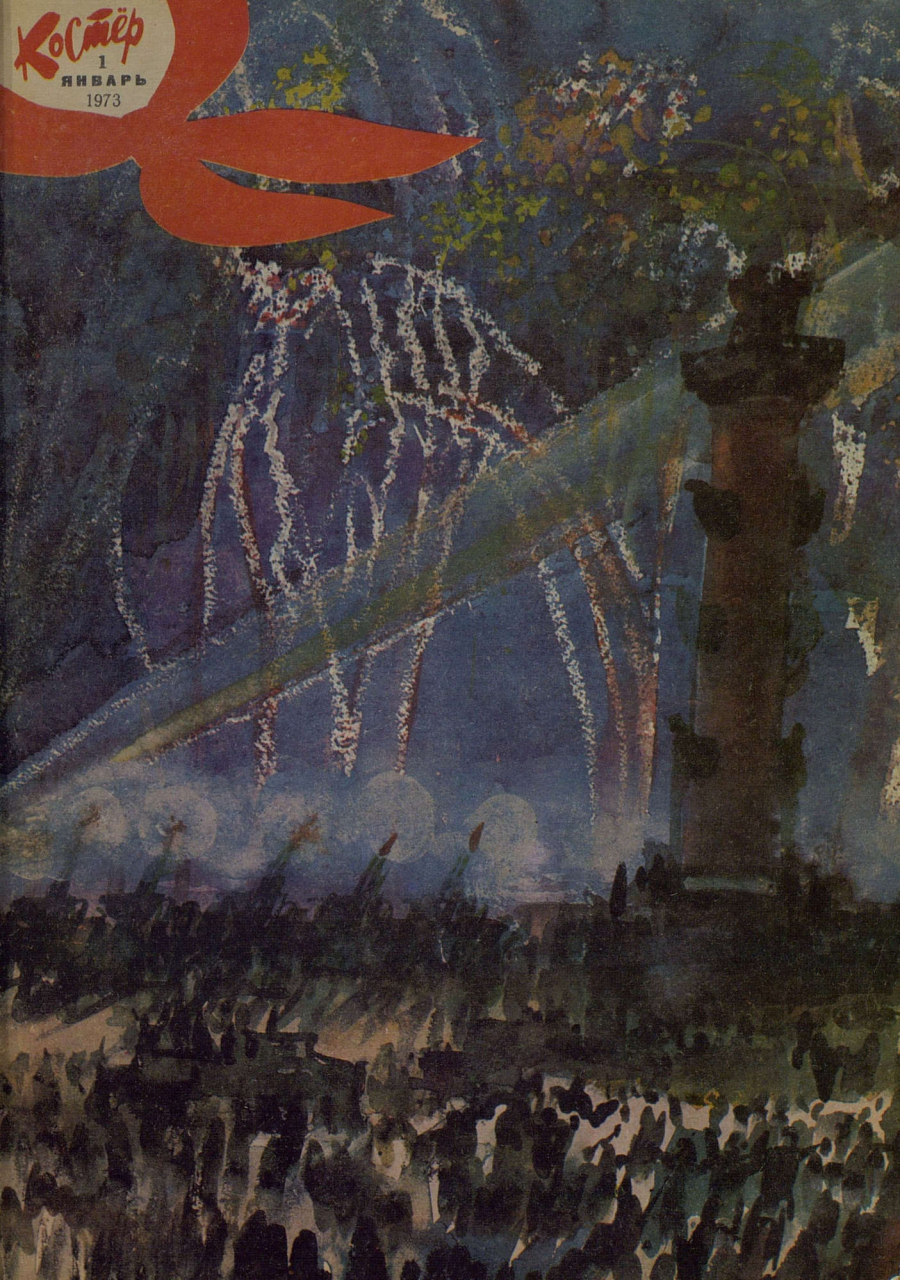


Хосієр  
1  
ЯНВАРЬ  
1973



# Костёр

1  
ЯНВАРЬ  
1973

Ежемесячный журнал  
ЦК ВЛКСМ  
Центрального Совета  
Всесоюзной пионерской  
организации им. В. И. Ленина  
Союза писателей СССР

Издается с 1936 года



Взвейтесь  
кострами,  
синие ночи!

1

Тили-били  
и многое  
другое

6

Тане  
посвящается

21

ОТ ПРИЗРАКОВ  
НЕ УБЕГАТЬ

34

КТО В ГТО?

58

## МАЛЬЧИК

Валентина Бианки

Рисунки Г. Ясинского

Сейчас зима. Там, где я живу, из окон видны заснеженные ветки деревьев; стекла в матовых узорах инея. А с тем мальчиком, о котором я хочу вам рассказать, мы встретились совсем в другой обстановке, в разгар жаркого южного лета.

Дело происходило в Артеке. Стоял август, и некуда было деваться от жары — и к морю днем не хотелось идти, такой раскаленный висел над Крымом воздух. В его знойном мареве никли даже бабочки, даже стрекозы.

А мальчику, наверное, было все равно. Как мне показалось, он и не замечал, что ртутный столбик пересек цифру «35». Что там цифры! Ему не до погоды! Ему некогда! Вообще-то его состояние было вполне объяснимо, ведь его выбрали делегатом V Всесоюзного слета пионеров, и он жил в Артеке в такую пору, когда хлопот у него и у других делегатов было по горло.

Мальчика звали... Впрочем, я не буду вам говорить, как его звали. Я буду называть его просто Мальчик. Потому что он был в разговорах со мной очень откровенен, а вы сами знаете, что когда ты открываешь свою душу, то, может быть, тебе потом не очень-то приятно развернуть газету или журнал и обнаружить там свой рассказ. Тем более, мне не удалось специально попросить у Мальчика разрешения написать о наших беседах: в последний раз мы хотели с ним встретиться после закрытия слета — но куда там! В брызгах прощального фейерверка, когда вспыхивали и гаши, шипя, огненные змеи, спирали и пальмы, только раз передо мной в толпе промелькнуло его лицо.

Потом огни погасли, стало темным-темно. И Мальчик исчез в смеющейся бурлящей тысячной толпе артековцев...

Художник Валентин Иванович Курдов всю блокаду работал в осажденном Ленинграде: рисовал сатирические плакаты, делал зарисовки в партизанских отрядах, иллюстрировал блокадный „Костер“.

И самой радостной работой была для него обложка „Костра“, „Салют в честь снятия блокады“.

Сегодня, почти через тридцать лет, заслуженный деятель искусств РСФСР В. И. Курдов повторил для журнала эту обложку.



А теперь по порядку. В первый раз мы встретились с Мальчиком в зале артековского Дворца пионеров на конференции «Говорят правофланговые страны». Шло обсуждение марша «Всегда готов!». Мальчик не выступал и, судя по всему, не готовился выступать: те, кто готовится, всегда нервничают, ни на кого не обращают внимания, а он сидел, положив ногу на ногу, и спокойно слушал выступления, время от времени разглядывая соседей.

Потом Мальчик выкинул штуку. На вид он был такой положительный, даже солидным казался. Похоже, что он сперва просто сдерживался. До тех пор, пока на трибуну не вышла девочка в буденовке. И вот после того как она предложила внести в марш три новых маршрута и произнесла название первого из них — «Пионер — всем ребятам пример», Мальчика точно пружинкой подкинуло.

сколько в твоём отряде культурных, сколько дисциплинированных? Ответь-ка!

Он задавал свои ехидные вопросы, а председатель его не останавливал: терпеливо ждал, хотя времени было, конечно, мало: слетовский день уплотнен до предела. Однако, видно, не зря, открывая конференцию, председатель, член штаба слета, произнес такую фразу:

— Думай, о чем говоришь! Говори то, что думаешь. Болеешь споры. В споре рождается истина!

В перерыве мы с Мальчиком познакомились. Он сказал, что приехал из Москвы. И что ему тут, в Артеке, страшно нравится, и все, что он слышит и видит, приносит ему пользу. Это важно, потому что у него порядочно недостатков. Например, — сказал он, не особенно даже стесняясь, — вы не знаете, какой я жирный!

Кто-то сзади хихикнул.

— Да, да. Это сейчас не видно, какой я жирный. А когда я купаюсь — ого. Сразу заметно.

— Ну-ка, дай руку.

Он протянул. Бицепс и правда был не ахти.

— А спортом ты занимаешься?

— Да. Я сейчас увлекаюсь йогой. Там есть упражнения на внушение. Можно себе внушить, например, что не надо расстраиваться. Помогает.

— Неужели?

— Честное пионерское. Я однажды...

Мы разговаривали вполголоса, почти шепотом, да и то наш разговор шел не подряд, а с промежутками, потому что мы с ним оба слушали выступающих и говорили в основном в паузах, когда очередной оратор шел к трибуне. Правда, ораторы очень редко шли обычным шагом, чаще бежали, и нам с ним оставалось мало времени, чтобы перекинуться словом. Но поговорить с Мальчиком мне было очень интересно. И ему со мной, кажется, тоже. Во-первых, он был разговорчивый и искренний (искренние люди довольно редко бывают разговорчивы, вы за-

# ИЗ АРТЕКА

Фото В. Постникова

Представьте себе большой зал, заполненный делегатами. Каждый, конечно, хочет взять слово, каждый тянет руку. А Мальчик никому не дает говорить. Сто вопросов — звонок, на весь зал:

— Ага, ты, Таня, говоришь «пионер — всем ребятам пример». А скажи-ка: кому пример? У нас все ребята — пионеры!

— Октябрятам...

— Ага, октябрятам! (Мне показалось, что Мальчик даже чуть-чуть передразнил Таню). Но они — ма-лень-ки-е! Маленькие, понимаешь? От кого же пионер будет отличаться? От комсомольцев? Нас и сравнивать нельзя!

Таня хотела что-то возразить, Мальчик перебил:

— А как итоги будешь проводить? Как? Галки ставить,



мети?), а во-вторых, он, оказывается, принадлежал к числу тех собеседников, которым приятно не только поговорить самим, но и послушать другого человека (вы замечали, что это бывает далеко не всегда?).

Тут Мальчик прервал свой рассказ, так как выбежала очередная ораторша. Она как раз говорила о спорте. Правда, про йогов в ее речи не было ни слова. Просто она делилась опытом. В их школе ребята организовали олимпийские команды... «Всем советую усебя такие команды организовывать! Мы приветствуем маршруты «Сильные, смелые, ловкие!»

— А что, попробуем! — сказал Мальчик.

Конечно, вот так, сейчас, мне было неясно, возьмется ли Мальчик, вернувшись домой, за это дело, или он говорит просто оттого, что увлекся. Мальчик очень легко увлекался.



Один раз мы с Мальчиком чуть не поссорились. Хотя сердиться на него, возможно, было глупо. Обнаружилось, что Мальчик всерьез увлекается пионерской работой, он член совета дружины и хочет, чтобы у них все побыстрей наладилось. Вот тут он и спросил:

— А если кто не хочет выполнять мое задание? Как его заставить?

«Мое задание»... «Заста-

Мальчик подумал и сказал по-взрослому:

— Это оригинальная точка зрения. Вот у меня есть сестра, она еще не пионерка, ей шесть лет. Так она совсем другой человек, чем я. Более практичный. Ей даже доверяют дома то, что мне не доверяют. Например, посуду носить. А химией она пока не увлекается. Но я с ней стараюсь найти общий язык!



ся — это было понятно сразу. Однако же у него, как вы поймете чуть позже, хватало и упорства. Скажите: легко ли, например, в двенадцать лет закончить восемь классов, перейти в девятый и учиться по всем предметам хорошо? А он, оказывается, уже перешел в девятый. Он, наверно, будет ученым. Наука и только наука? Ну, нет. Это сейчас уже многие понимают. Без физической закалки ни науку, ни любую другую большую работу не вытянешь. Одной йогой не обойдешься. А Мальчик обходится? Обходится. Пока. Но недолго еще будет обходиться. Теперь, наверно, когда есть новый маршрут, если сам не втянется в спорт, ребята его втянут. Нет, я думаю, он и сам теперь возьмется.

вить»... Почему-то мне сразу вспомнилась речевка, бывшая очень популярной в коммуне юных фрунзенцев, в Ленинграде: «В коммуне нет начальства, хозяин — коллектив, а кто начальство корчит, тот скверный, мерзкий тип!» Но, может быть, я зря так реагирую? Может, он просто неудачно сказал?

— Как ты сказал?

— Ну, если даешь ему поручение, а он не хочет. Идите, говорит, со своими поручениями, мне неинтересно...

— А разве нельзя сделать, чтобы было интересно?

— Так он химией не интересуется, кино не интересуется...

— А может, ты не интересуешься тем, что ему интересно? Например, спортом? Или птицами?

С тех пор, что бы ни происходило в огромном Артеке, мы с Мальчиком встречались и, если была возможность, старались поговорить.

Вы знаете, как звучало первое Торжественное обещание юных пионеров? Вряд ли. Мальчик раньше тоже не знал. Он стоял в большом светлом зале с окнами, выходящими на горы, и читал эту клятву:

ЧЕСТНЫМ СЛОВОМ ОБЕЩАЮ, ЧТО БУДУ ВЕРЕН РАБОЧЕМУ КЛАССУ, БУДУ ЧЕСТНО ПОМОГАТЬ СВОИМ ТРУДОВЫМ СОБРАТЬЯМ, ЗНАЮ ЗАКОНЫ ПИОНЕРОВ И БУДУ ИМ ПОВИНОВАТЬСЯ...

— Утверждено V съездом РКСМ 17 октября 1922 года,—



вслух прочитал Мальчик и прибавил:

— Это, оказывается, было так давно — первая клятва. Еще даже моих папы и мамы на свете не было. А ведь похоже на наше Обещание...

А мне вспомнилось: не дальше как сегодня утром в лагере «Лесной» делегаты приняли такое решение: «В маршрут «Пионерстрой» просим внести предложение — организовать в отрядах и дружинах особые посты по оказанию практической помощи рабочим предприятиям, колхозов и совхозов».

Годы идут, а главное остается.

Мы были на выставке, посвященной юбилею юных ленинцев. Тут были собраны разные документы, фотографии мальчишек-революционеров, мальчишек-разведчиков в Великую Отечественную, мальчишек-тимуровцев.



Гостей — и ребят, и взрослых — по выставке водили пионеры-экскурсоводы. Девочка с косичками подняла указку:

— Это, — сказала она, — первые вожаки пионеров Москвы и всей страны. Первый слева — Валериан Александрович Зорин, а дальше...

В зале громко захлопали в ладоши. Мальчик обернулся. Все аплодировали, повернувшись к группе, где стояли несколько пожилых людей. Один из них смущенно улыбался.

— Я его уже видел, — прошептал Мальчик. — Это и есть Зорин Валериан Александрович. Он создал первый пионерский отряд на Красной Пресне. А сейчас он знаете кто? Дипломат. Чрезвычайный и Полномочный посол СССР

по особым поручениям. А вот там, видите? Александр Жаров, поэт. Рядом с ним, в капитанской форме Тимур Гайдар. И с ним Мамлакат Нахангова, слышали?

Повезло Мальчику, очень повезло! И всем нам — тоже. Одно дело — читать в книжках о Мамлакате Наханговой, которая в тридцатые годы прославилась на всю страну тем, что собирала хлопка больше, чем многие взрослые. Она собирала хлопок обеими руками, и правой, и левой, за ней никто не мог угнаться! А совсем другое дело — видеть ее рядом с собой, — первую пионерку, награжденную высшей правительственной наградой, орденом Ленина. Одно дело знать, что есть на свете Тимур Аркадьевич Гайдар, сын писателя Гайдара, а другое дело — вот так быть рядом с ним здесь, в Артеке, лагере, который так любил его отец, писавший здесь свои «Дальние страны»... Мы с Мальчиком завтра услышим, как Тимур Гайдар скажет делегатам слета:

— Вы не очень-то всерьез принимайте, ребята, когда вам говорят, что вы сейчас слишком благополучно живете. Это вам взрослые просто так говорят. Именно для того, чтобы вы радостно, светло жили, и боролись наши отцы. И мой отец за это боролся. Но те, кто сражались и погибли, завещали вам, молодому поколению, расти отважными, помогать людям и горячо любить свою Родину. Пожалуйста, ребята, помните об этом всегда!

Я, конечно, не ручаюсь, что Тимур Аркадьевич Гайдар точно такими словами говорил. За мысли ручаюсь, а за слова нет. Дело в том, что когда сын Гайдара начал говорить, мы сразу забыли о своем намерении записать его выступление. Надо сказать, что незадолго перед этим всем делегатам выдали особые, очень красивые сумки в синюю красную клетку, и в каждой

сумке лежал толстый блокнот и шариковая авторучка. На слете ведь очень много интересного, в памяти все не удержишь, а дома рассказать захочется. Поэтому делегаты поступали так: сидят на сборе или на конференции, плоская сумка на коленях — вот тебе и столик. На сумку — блокнот и пиши. Когда говорил Гайдар, никто не писал. Все забыли об этом. Слушали.

А Жаров? Его тоже слушали затаив дыхание. Не сейчас, не на выставке он выступал. Поэт сейчас просто осматривал выставку вместе со всеми. Поэт, который написал знаменитый пионерский гимн. Он вышел к ребятам в первый день, на открытии слета, и прочитал свое новое стихотворение. Когда Жаров произнес:

*Новую радостью юность  
клокочет...*

*Взвейтесь кострами, синие  
ночи!*—

тогда двое ребят с факелами, особенно яркими в густой синеве артековской ночи, помчались к костру в центре стадиона и прикоснулись к белой бересте поленьев. Вспыхнуло пламя. Все встали и запели «Взвейтесь кострами». Пел и Жаров. Нам с Мальчиком было видно, как он поет.

Надо сказать, что сам Мальчик тоже был знаменитостью. Если уж совсем точно, он был знаменитостью в квадрате. Во-первых, он сыграл большую, чуть ли не главную роль в одном хорошем фильме. Во-вторых, хотя ему было всего двенадцать лет, он перешел, как вы уже знаете, в девятый класс. Между прочим, выяснилось, что особый интерес сверстников вызывал именно второй, а не первый факт Мальчиковой биографии. Сначала мне показалось это странным — когда не говорили про него: «Вон тот мальчик, который снимался в кино», а говорили: «Вон тот мальчик, который уже перешел в девятый класс!» (Вы сами понимаете, что двоечников, да и троечни-

ков тоже, вряд ли послали бы пионеры на свой слет). Каждый из делегатов был умен и ярок. Но в двенадцать лет — в девятом... Ого!

Мальчик увлекается химией. Он подробно мне объяснял, как это у него вышло. Сначала, в младших классах, он учился без особой охоты. Потом ему попался под руку томик какой-то занимательной книжки по химии (Мальчик, конечно, не сказал «какой-то», он помнит и название, и автора. Запомнил на всю жизнь). И вот после этой книжки он стал много читать и перешел в школу с химическим уклоном.

— Остальное уже само получилось. Вы понимаете, чтобы разбираться в химии, нужно и математику хорошо знать, и биологию тоже.

Мальчик всем этим занимался и начал, как он говорит, скакать через класс. Ему, наверное, часто приходилось об этом рассказывать: на слет в Артек съехались множество корреспондентов, и они интервьюировали Мальчика не меньше, чем, скажем, прославленную девочку-балерину Надю Павлову. Но и корреспонденты чаще расспрашивали Мальчика о его учебе, чем о съемках в кино.

Мне нравилось, что Мальчик сам не считал себя знаменитостью. То есть, может быть, вначале и считал немножко, а потом перестал. Мне показалось, что он особенно внимательно смотрел на Тимура Аркадьевича Гайдара и, наверное, замечал, как тот просто, ну, незаметно, что ли, держится — даже свою форму морского капитана надевает только в особенно торжественных, парадных случаях, и когда его спрашивают, он ли был прообразом знаменитого Тимура, негромко отвечает: «Ну, конечно, нет».

По рыжей, выгоревшей от зноя траве мчались мотоциклисты. Если бы стадион Арте-

ка был меньше, мне кажется, их было бы трудно разглядеть. Но поскольку стадион был огромен, и я, и Мальчик, и все мы сумели разглядеть их как следует.

Их было десять. Десять машин, десять мотоциклистов. Каждая машина несла стяг. На первом были изображены раскрытая книга и микроскоп. На втором — очертания нашей страны. На третьем — кирпичная кладка стены и небольшой, по детской руке, мастерок.

— Наши маршруты, — сказал Мальчик. — Мыслят Марш!

Многие маршруты были близки и понятны ему. В частности, СОЛИДАРНОСТЬ. Так как он говорил свободно, как взрослый, то мог бы легко объяснить это кому угодно. Но Мальчик знал, что и объяснить не нужно, потому что это знают все его товарищи. Мальчик хотел бы не объяснять, а просто рассказать у себя в школе про ночной стадион у Аю-Дага, где над полем реали эмблемы V Всесоюзного и флаги всех наших пятнадцати республик, и стояли вокруг поля скамьи, окрашенные под цвет муромого моря — ни на одной скамье не оставалось даже свободного краешка.

Пожалуй, лишь тут он увидел, что такое солидарность. До этого он ПОНИМАЛ, а тут УВИДЕЛ. Увидел, когда они шли парадом по уже чуть выгоревшей траве стадиона — ребята Южного Вьетнама в комбинезонах цвета хаки и синих шляпах-шлемах; мальчики



и девочки Франции с длинными волосами, в красно-синих галстуках, на которые они прикрепили большие круглые юбилейные значки Артека; юные маленькие сомалийцы в горчичных длинных платьях и брюках, расшитых синими шнурами; японцы в бело-синих кимоно; поляки в дмотанках национальных костюмах: у мальчиков оранжевые шаровары в зелено-красно-синюю полоску, черные жилетки, а у девочек — юбочки в сине-лилово-зеленую складку, косички с красными бантиками и платочки...

Каждая делегация, пусть в ней было всего двое, всего один человек, шла со своим знаменем. И Вьетнам, и Куба, и сражающаяся Ангола... Сколько границ пришлось пересечь, сколько километров оставить под крылом самолета, за кормой парохода!

А больше мне не пришлось поводить Мальчика. Мы хотели с ним еще раз встретиться после закрытия слета — но куда там! В брызгах прощального салюта, когда вспыхивали и гасли, шипя, огненные змеи, спирали и пальмы, передо мной в толпе промелькнуло его лицо. Таким он и запомнился мне.

Вот уже почти полгода прошло после Артека. Как ты живешь, Мальчик? Я думаю, столько узнав и почувствовав на слете, ты стал немного другим человеком. И может быть, ты приблизился к пониманию главного в твоей жизни? Помнишь, что говорил тебе Тимур Гайдар? Может быть, ты понял главное в твоём Марше? Он — для тебя, для того, чтобы ты рос настоящим, и не дело считать на пальцах маршруты да раздумывать, как «по каждому отчитаться». Удалось ли тебе, Мальчик, вернувшись домой, поведать об этом ребятам так, чтобы они все поняли. Мне кажется, что удалось.



# Тане посвящается

...В тот день Витя Медведев волновался, как никогда. На открытии памятника юной ленинградке Тане Савичевой ему поручили читать отрывки из поэмы Сергея Смирнова.

Было это в прошлом году, в канун 50-летия Всесоюзной пионерской организации имени Ленина. Весь поселок собрался на митинг. И гостей тоже было много. Имя Тани Савичевой известно каждому советскому человеку. Ее, блокадный дневник — девять страничек записной книжки — стал обличительным документом на Нюрнбергском процессе, суде над фашистскими преступниками. Первая запись в дневнике сделана 26 декабря 1941 года, последняя — 13 мая 1942 года. За эти четыре с половиной месяца погибла вся семья Савичевых, все шесть человек умерли от голода. И о каждом из них маленькая Таня сделала записи в дневнике. На последней страничке можно прочесть: «Савичевы умерли все, осталась одна Таня».

...Отлитые в металле эти странички укреплены на полуразрушенной кирпичной стене. Таков по проекту учителя Дмитрия Куртышкина памятник Тане в Шатках. Почему именно в этом селе? Да потому что раз узнали о судьбе Тани шатковские следопыты. Эстафету поиска пятиклассники приняли от выпускников своей школы.



В прошлом году газета «Правда» сообщила, что красные следопыты Шатковской средней школы разыскивали могилу ленинградки. Ребята узнали, что Таня вместе с детским домом № 48 была вывезена из осажденного Ленинграда по Дороге жизни. Врачи самоотверженно боролись за ее жизнь. Но здоровье девочки было безнадежно подорвано. Спасти ее не удалось. Медсестра Нина Михайловна Середкина, ухаживавшая за Таней до последнего часа, свела ребят на могилу Тани. Пионеры и комсомольцы захотели как можно больше разузнать о жизни мужественной пионерки. От родных Тани следопыты получили редкие снимки.

Ребята сами заработали деньги на памятник Тане.

Отряд Вити Медведева оказался первым в дружине по сбору средств на памятник. Поэтому-то и доверили Вите вести торжественный митинг.

...Каждый новый факт из жизни Тани дорог ребятам.

Отряд Вити Медведева уже написал письмо в ленинградскую школу, где училась Таня. И даже пытается узнать, кто сейчас живет в огромном доме, где когда-то жила Таня.

В Шатковскую школу приходит множество писем с вопросами о Тане. И с просьбой прислать портрет девочки. Следопыты не оставляют без ответа ни одного письма... А на могиле Тани и у подножия памятника колышутся гладиолусы, ирисы. Даже самым сухим и жарким летом цветы здесь не вянут: отряд Вити Медведева безупречно несет дежурство.

Поэт Сергей Смирнов знаком с пионерами из этого отряда. Он подарил им поэму «Дневник и сердце» с такой надписью: «Пионерам Шатковской средней школы, красным следопытам, горячим сердцам, зорким глазам нового поколения, кровным друзьям Тани Савичевой».

В. Шумилин,  
Шатки, Горьковская область  
Фото А. Новикова



# СЛАВНАЯ МОЙКА— СВЯЩЕННЫЙ БАЙКАЛ

ПОВЕСТЬ

Михаил Глинка

Рисунки В. Бескаравайного

## ТИЛИ-БИЛИ

Перемена была как перемена, и только в конце коридора четверо мальчишек из седьмого «а» стояли в бумажных треуголках и держали руки по швам. А около них толкались другие семиклассники.

Мы с Андриюшкой к ним подошли посмотреть, и я их спросил:

— А чего это вы тут стоите?

Тогда все четверо отдали честь и хором сказали:

— Мы стоим здесь, ваше благородие, за то, что не умеем играть в футбол!

— Чего-чего? — спросил Андрей.

— А ну, мелочь, брысь! — сказал один.

— Уговор! Уговор! — закричали остальные семиклассники. — Уговор дороже денег!

— Вы еще из третьего класса кого-нибудь

позовете, чтобы они нас спрашивали, — сказал тот, в треуголке.

— А мы и этих не звали! Они сами подошли! Уговор! Уговор!

Андриюшка мигом все сообразил.

— Ребята! — сказал он. — Все же мне непонятно, зачем вы тут стоите?

Кругом даже затихли, а эти, в треуголках, снова приложили по два пальца к треуголкам и доложили:

— Мы стоим здесь, ваше благородие, за то, что не умеем играть в футбол!

— Приходите, — сказал Андриюшка, — мы вас научим.

Что тут началось! Я думал — его сейчас в окно выкинут, такая поднялась свалка!

Андрей убежал, но заодно и мне пришлось



убегать, потому что те, которые стояли в треуголках, совсем озверели. Я вбежал в наш класс, а за мной влетел семиклассник, и мы стали носиться вокруг парт. Вдруг, смотрю, он уже на четвереньках, а сзади него Нинка Томашевская на одной ножке подпрыгивает, а за вторую руками схватилась и то ли делает вид, что плачет, то ли действительно плачет. Он вскочил — и к ней.

— Ты, — кричит, — кукла на резинках! Чего ты ножки ставишь? Я ж тебя одним ногтем могу на стекле размазаты!

Смотрю — он на полторы головы выше Нинки. Я классное полотенце скомкал в комок, а оно мокрое еще, хорошее, и — через парты в семиклассника! Голову он не успел убрать — полотенце так и шмякнулось! Он сначала даже не понял, а потом прямо взвыл, как серый волк. И ко мне. Через парты. Да только Нинка опять его сзади за ногу схватила. Он в парте и завяз. Обернувшись, хотел ей дать, а она отскочила и стоит, не убегает. И нога у нее как будто прошла.

— Ну! — говорит семиклассник. — Сейчас я вам объясню!

А тут звонок. И в класс сразу наши повалили. Семиклассник с меня глаз не спускает.

— Я тебя, — говорит, — шуруп белобрыйсы, еще найду!

И — из класса. Чуть Евдокию Васильевну не сбил. А за ней Андрияшка проскальзывает, востепанный весь, видно, его изловили все же. Пишет мне на уроке записку: «Надо убежать — бить нас придут!»

Но убежать не удалось. Евдокия Васильевна задержалась нас после звонка, а как только она вышла, в класс сразу же ворвались семиклассники — уже не только те, что стояли в треуголках, — и нас с Андреем уволокли к себе. Прямо татаро-монгольское иго! Нинка Томашевская бежала рядом и ножки им подставляла, и еще кое-кто с ней — но не дружно. Не отбили нас. А потом Нинку кто-то из семиклассников назвал «невестой», она и отстала. А нас затащили в седьмой «а».

— Что мы с ними сделаем? — говорят. — Может, в шкаф их посадим? Или по десять горючих?

— Давайте, — говорит один (самый, кстати, маленький из семиклассников, меньше даже Андрияшки), — давайте мы им за шиворот чернил нальем...

Маленькие всегда самые вредные, это даже по зоологии известно.

Чернил не налили, побоялись, но воды все же налили. Пятеро держали, шестой лил. По полкружки.

— По шейному желобочку, — говорит, — по шейному желобочку... Чобы шею держали чистой и чобы к старшим не задирались...

Вышли мы от семиклассников, идем как-то негордо, ноги сдвигать не хочется.

— Протекло, — сообщает Андрияшка. — А у тебя?

Что тут спрашивать! Мне меньше, чем ему налили, что ли? Мокнет все, липнет. До самых подколенок.

— Знаешь, — говорит Андрияшка, — давай-ка урок промотаем. Лучше нам сейчас в класс не ходить. Пойдем над физкультурным залом на батарее подсохнем...

Пошли. Сели. Слышу — пар стал подниматься.

— Отомстить надо, — говорит Андрей.

А я тоже только об этом и думаю. За что они нас так? За тряпку, что я этому барсуку в нос кинул? Так он еще не того стоил. Может, мы с Томашевской дружим — откуда он знает? Я до того распалился, что мне и правда стало казаться, будто я к Томашевской не так отношусь, как к другим девочкам. Я бы, может, об этом даже серьезно подумал, если бы она все время нарочно при мне не причесывалась. Чуть я к ней поближе подойду, она сразу вынимает гребенку и начинает волосы чесать. А они у нее густые, так и трещат.

— Ты, — говорю, — как электростанция!

— А умней, Митенька, ничего не можешь придумать?

Зачем придумывать? Все девочки одинаковые — воображают, что мы только о них и думаем.

— Отомстить надо, — говорю я Андрею, — только как?

— Они сегодня после школы опять в футбол будут играть, — говорит он.

— В тили-били, — поправляю.

Тили-били — это вроде футбола, но в одни ворота.

— Надо им как-нибудь помочь, — говорит Андрей. — Ты как, сушишься?

— Сушусь. А ты?

— И я. Сушеный скоро буду. Ну, так что придумаем-то?

— Мяч, — говорю, — надо куда-нибудь забить.

— Мяч... — говорит Андрияшка, — это мысль... Не... Мы забьем, а они достанут! Нет, не годится.

— А так, чтобы не достали?

— А как это сделать?

Как? Мы сидели, сушились и думали. И придумали.

За отсутствием на уроке нам, понятно, ввели по замечанию, и Нина мне сделала сочувствующие глаза, но уже не до нее было, я все думал, где достать длинную бечевку. Андрияшка, наверно, тоже думал об этом, мы с ним еще на географии чуть не слопотали по замечанию, но обошлось, потому что урок был последний и географичка куда-то торопилась. Как учителя торопятся — одно удовольствие наблюдать, они тебя с полуслова понимают, не то что в начале урока.

— Придумал, — сказал Андрей, когда урок кончился. — У девочек в том шкафу, где рукоделие, есть толстые нитки.

— Не выдержат, — сказал я.

— Еще как выдержат. У них там сороковой есть размер — это тонкие, и десятка — толстые. Я на десятке змея запускал, и портфель, правда, без книг, с балкона вниз передавал. Выдержит. Но вообще-то можно и вдвое взять нитку.

Окна нашего класса выходили на школьный двор. Во дворе после уроков семиклассники играли в тили-били.

План был такой: я добываю от нашего класса ключ, запираю в классе и вывешиваю из форточки длинную нитку. Андрюшка внизу привязывает к нитке авоську (авоська у него всегда лежала в портфеле, чтобы он за хлебом из школы заходил) — и ждет. Как только в игре случится удобный момент и мяч выбьют на аут около Андрюшки, он хватает его и пихает в авоську, а я авоську поднимаю.

За Андрюшкой гнаться долго не будут, потому что мяч-то все же не у него, а на виду. Кроме того, чтобы Андрюшке легче было убежать, портфель его на время операции доверяется Томашевской, которая стоит тут же, за углом школы. Я вытаскиваю нитку, пока мяч не повиснет около нашего окна, заматываю нитку за оконную задвижку и либо успеваю убежать, либо остаюсь в запертом классе, потому что семиклассники, конечно, в школу ворвутся. О том, как вернуть ключ на место в учительскую, мы пока не думали.

План Нине очень понравился. Она сказала, что если мы сделаем, что задумали, то семиклассники будут опозорены.

— Мы тоже так думаем, — сказал Андрюшка.

— А может, я буду внизу? — спросил я.

— Нет, — сказала Нина. — Ты, Митя, будешь наверху, это опасней.

— Это почему же опасней? — спросил Андрей.

— Так уж. Опасней.

— Мне тоже могут наkostenять, — сказал Андрей.

— Могут. Еще как могут, только ты бегаешь быстро... А тебе точно наkostenяют, — шепнула она тихонько мне, когда Андрей привязывал сетку к нитке. И глаза ее снова стали большими и круглыми. Не нравилось мне это.

Ключ я добыл довольно легко. Я вошел в учительскую, будто за мелом, хотя уроки уже кончились, но завуч в это время распакевал каких-то малышей и внимания на меня не обратил, только кивнул. Наш ключ лежал на столе, покрытом сукном, среди других ключей, я сгреб его незаметно и еще, поймав для виду мел, сказал, что найти не могу.

— Значит, у тети Маши возьмем, из кладовой, — посоветовал завуч.

— Хорошо, — сказал я и побежал в класс.

Семиклассники уже сложили кучей свои пальто на скамейку и, съежившись от мороза, спорили, кому с кем играть. Мяч у них был хороший — это и отсюда, с третьего этажа, было видно.

Андрюшка с Ниной прошли мимо семиклассников и посмотрели вверх на мое окно. Я им помахал рукой. Они мне тоже помахали. Нина взяла у Андрюшки портфель и отошла дальше.

Андрей стал подходить прямо под окно, мне уже было его не видно, и я решил, что надо окно раскрыть. Оно у нас на зиму не заклеивалось, чтобы быстро проветривать. Я открыл раму и лег животом на подоконник. Стало холодно, но зато все видно. Нитку я держал в руках. Снизу к нитке уже подходили малыши и даже подергивали, но Андрей стоял рядом и малышей отгонял. Авоська лежала на земле, чтобы было не так заметно.

Семиклассники начали игру, забегали под окном. Играли молча, норовили побольше толкаться и побольше бить по мячу, видно, все продрогли. Андрюшка стоял около нитки и еще к мячу не выскакивал ни разу — семиклассники пока что не устали и держались за мяч цепко — аутов не было.

Мне скоро надоело смотреть, как они гоняются, и я тоже замерзая стал, но тут водворе что-то бахнуло, я глянул в ту сторону и увидел Нинку, которая стояла у стены, держа в руках перегоревшую лампочку. Нинка бахнула второй раз и замахала мне руками над головой и запрыгала. У ног ее стояли два портфеля.

— Тащи! — вдруг услышал я снизу голос Андрея, но не сразу сообразил. А когда сообразил, то чуть не свалился с подоконника. Я дернул за нитку, тут же догадался, что дергать нельзя — оборвешь, и потянул нитку ровно, и почувствовал на конце ее тяжесть, как бывает на конце лески...

Потом я глянул вниз, увидел качающийся в авоське мяч, и под ним подпрыгивающих и орущих семиклассников. Андрей бежал через двор, а за ним гнались двое; Нины с портфелями не было.

Мяч качался около второго этажа. Семиклассники, зайдя под самую стену школы, кидались вдоль нее ледышками, старались попасть в авоську — прямо кидать боялись — сразу за мячом было стекло.

Я подумал, что, может, так его лучше и оставить висеть, но тогда его можно было достать из окна ниже, а что там за классы — кто их знает! Я подтянул мяч повыше, совсем под наш подоконник.

Ледышки стали летать мимо нашего окна. Я положил мяч на карниз, прикрутил нитку и быстро закрыл окно. Крика семиклассников внизу сразу не стало слышно.



В коридоре было тихо. Но когда я хотел уже повернуть ключ, в конце коридора раздался топот, я быстро закрылся и вынул ключ. Семиклассники подбежали и стали дергать ручку. Они кричали, что из меня сделают котлету, биштекс, и свиную отбивную, и шашлык. А из носа — винегрет.

Потом они решили узнать — тут ли я. Они стали карабкаться друг к другу на плечи и заглядывать в стекло, что над дверью. Но я тихонько прилип к стене, и они увидели только свой мяч, привязанный на морозе за окошком, чтобы в тепле не испортился. Тогда они снова взвыли и стали рвать дверь.

В это время я услышал зычный голос — это пришла тетя Маша. Тетя Маша лицом очень походила на Петра I, но роста была совсем маленького — будто Петр ушел по поясу в землю. Но осанка и взгляд у нее были точно как у Петра. Даже усы у тети Маши не то чтобы пробивались, а можно сказать, пробились. И властная была она тоже, как Петр I.

— А ну, из школы, архаровцы! — сказала она. Ей даже не нужно было никого звать на подмогу.

— Да он тут! Закрылся! — кричали семиклассники. — Наш мяч утащил и закрылся!

— Кому сказала?!

Я услышал какой-то тяжелый шум, будто работал бульдозер.

— Да, тетя Маш!..

Она их выгребла из коридора, как совком. А потом вернулась к двери. Зазвенели ключи. Но я-то знал, что надо говорить.

— Спасибо, тетя Маша, — сказал я. — Вы всегда за справедливость.

— Выходи!

— Вы всегда за справедливость и за слабых... — повторил я. — Вот за Анджелу Дэвис... Я знаю...

Тетя Маша любила общие митинги. После них она бывала под впечатлением. Остановит кого-нибудь из учителей за рукав, смотрит вверх и спрашивает:

— А он, бедняжка, все сидит?..

— Кто?

— Да Манолис... — говорит тетя Маша и, тяжело вздохнув, уходит по коридору — юбка до земли, ног не видно, ну точь-в-точь как Петр I по поясу в воде.

— Выходи! — сказала она. — Окна бы перебили — кому отвечать?! Герой — штаны с дырой! Погоди... Узнаю — ушли ли...

Визу она открыла мне черный ход, дала по шапке подзатыльник, от которого я полдюра бежал, догоняя ногами самого себя. И оказался на улице.

Вечером, когда меня отправили из дома прогулять, я не удержался и заглянул в школьный двор. Мяч, как ананас к празднику, висел за окном. На дворе никого не было.

## УГЛЫ НАКЛОНА

За медведем мы гоняемся уже лет семь.

Мы живем в Ленинграде, на Мойке, недалеко от квартиры Пушкина, но я был еще совсем маленьким, еще в детский сад ходил, а уже знал, что такое «овсы». «Овсы» — это такое поле, медведь на это поле приходит ночью. На краю «овсов» стоят три сосны, и к ним охотники высоко над землей приколачивают три жердины, чтобы ночью на этих жердинах сидеть, подкарауливать. Папины друзья иной раз целый вечер говорят об одних овсах. Я тоже говорю. Мне все понятно, о чем они говорят, только одного я не понимаю и всегда об этом спрашиваю:

— А что, если деревьев на краю поля не будет?

Взрослые замолкают, долго на меня смотрят, будто впервые увидели, а потом кто-нибудь из них говорит:

— Нет, такого не бывает.

— Как же не бывает, — говорю, — вот у нас под Выричей овес есть, а деревьев около этого поля нет!

— То овес, а то овсы, — говорит дядя Тигран. У нас с ним примерно равные права среди медвежатников, поэтому он всегда со мной очень серьезно спорит. Иной раз даже отведет

меня одного в сторонку и начинает советовать — можно увеличить пороховой заряд, если пулю сделать полегче, или не стоит? Я ему всегда говорю, что стоит, но только пулю надо не полегче, а потяжелее.

— Смелый ты парень! — восхищенно говорит дядя Тигран и улыбается. — А не боишься, что разорвет?

— Да ну, чего там бояться! Зато уж даст, так даст!

— Это верно, — мечтательно говорит он. — А чуешь, какая отдача будет?

— Сотрясения мозга не получишь — и ладно, — прохода мимо нас, говорит мимоходом дядя Сергей. — А тебе, Тигран, и вообще бояться нечего...

— Это почему?

— Да уж так.

— Странно, — говорит дядя Тигран.

Он преподает у нас в школе труд. Меня, наверно, в эту школу потому и отдали, что там работала дядя Тигран, и если бы он захотел, то плохи бы были мои дела, но он не захотел, чтобы дела мои были плохи, и еще давно, только меня определили в школу, пришел как-то к нам домой, принес мне, как и раньше приносил, полкармана зубчатых колесиков и сказал ро-



дителям и мне, что хочет с нами всеми троими поговорить. Мы удивились, но сели вокруг стола, и дядя Тигран, глядя на нас своими круглыми глазами, сказал:

— Условимся раз и навсегда: в школе я для Митьки — Тигран Грантович, а здесь — дядя Тигран, и никаких поблажек — в школе, и никаких школьных дел — здесь... Нахулиганит — замечание в дневник...

— Да проще же... — сказала мама.

— Хочу досказать. Если вы на это не согласны — либо Митьку отдавайте в другую школу, либо я уйду в другую.

— Еще чего, — сказал папа.

А мама, как все женщины, решила, что потом будет, как она захочет, и я замечал, что она вдруг, как бы невзначай, возьмет да и спросит у дяди Тиграна, как я там в школе. Посмотрели бы вы, как дядя Тигран начинал тогда орать! В общем, она в конце концов перестала его подлавливать. А я научился делить его на дядю Тиграна и на Тиграна Грантовича, хотя все равно это было одно и то же. Он мне, правда, один раз замечание вкатил, но я дневник недели на две замотал, а когда показал его, то уже после замечания по труду стояли две пятерки. Мама часто пилила дядю Тиграна и говорила ему слова, вроде «непедагогично» и «двойственность не способствует развитию правдивости», но дядя Тигран был настоящий мужчина, и на такое ловить его было бесполезно, и когда он приходил к нам, мы, как и раньше, обсуждали всяческие вопросы по медвежьей охоте и дружили.

— А все-таки почему должны быть три дерева на краю осов? — спрашиваю я. — Вот у нас в Вырице...

— Дмитрий! — говорит папа. — Взрослые о делах говорят...

— О чем? — спрашивает мама. — О делах?

Она в это время накрывает на стол. И нормально так спрашивает, будто плохо расслышала папины слова. Но все мужчины вдруг переглядываются, замолкают, а потом начинают около мамы кружиться.

— Какая вы, Танечка, сегодня красивая...

— Хотите, Танечка, мы вам посуду поможем носить?

— Танечка, а это правда, что вас ваши студенты боятся?

— Зачем это им меня бояться? — говорит мама.

А папа молчит. Потом, уже когда все ухнет, а я лежу в кровати, я слышу — папа слегка смущенно, но волнуясь тоже, говорит маме:

— Понимаешь, дорогая, сафари дело очень серьезное, его надо со всех сторон обсудить...

— Понимаю, — говорит мама.

Я тоже понимаю. «Сафари» — это большая охота. У меня уже много таких слов накоплено. «Овсы», «жакан», «жевало», «экстрактор», «залабазить». «Залабазить» — это в лесу спря-



тать, чтобы потом найти снова. Можно консервы залабазить, можно байдарку под ветками залабазить, а может и медведь лабаз устроить, и если ты нашел медвежий лабаз, то надо прятаться самому и ждать.

— Понимаю, — говорит мама. — Сафари в Ленинградской области — это очень серьезно.

— Вот вы странный какой-то все же выбрали тон, Танечка, — говорит папа. Он иногда вдруг переходит с мамой на «вы». Я заметил, что мама после этого сразу же перестает с папой спорить и на следующий день ему что-нибудь покупает — носки какие-нибудь красивые или двадцать пятую курительную трубку, и говорит, что это в счет будущих именин. Папа у нас свои дни рождения не празднует, и мама наузнавала откуда-то, когда именины Александра — оказалось, что они то ли три, то ли пять раз в году. Папа сердится — говорит, что именины могут быть в году самое большее один раз, но трубок у него все прибавляется.

Как-то папа принес домой целый портфель бело-серенкой, как папиросная бумажка, ткани.

— Что это? — спросила мама.

— Это треть парашюта. Совершенно случайно достал.

— А для чего?

— Какие-нибудь можно будет штючки шить...

— Какие это «штючки»?

— Куртку, например.

— Куртку? — сказала мама. — Саша, ты немного болен. Ты как облако будешь в такой куртке. Ты еще из марли бы решил шить. Да еще какая-то скользкая. В руки брать не хочется! И ни линии, ни силуэта...

— Вот именно, — говорит папа, будто мама ему что-то подарила. — Вот именно! Именно, что никакого силуэта. А представляешь, если ее еще выкрасить! В зеленый с коричневым!

— Ну и будешь пятнами, как жаба.

— Послушай, Тань, — восхищенно говорит папа. — Поможешь, а?

— В чем?

— Ну, выкрасить под жабу?

— Тут и помогать не нужно, — говорит мама. — А что за нужда?

— Да так, — говорит папа. — Есть, в общем, одно дельце.

Мама подозрительно на него смотрит.

— Это для овсов, — говорю я. — Маскировка.

— Ишь какой! — страшно довольный говорит папа. — Соображать начинает!



Зима кончается. Я хожу каждый день в школу, хотя ходить хочется и не каждый день. Все последние дни семиклассники нас с Андрюшкой ловят в школе. Но Томашевская распроследила слух, что мы — герои, защищали



честь всего класса, и нам теперь уже полегче — чаще всего отбиваемся. Не всегда, правда. Воды за шиворот мне еще разок налили. Теперь уже целую кружку.

— По ж...члобочку, — говорят, — по желобочку...

На большой перемене вылили, и домой я пришел еще не до конца досохший. Вечером мама на мое белье с подозрением посмотрела, но я ей не сказал всего, — сказал, что жарко было.

А у Томашевской все-таки каких-то винтиков в голове не хватает. Я сижу там на батарее, сохну, историю проматываю, вдруг она является.

— Ты, — говорю, — откуда тут?

— А я с тобой здесь посижу.

— Еще чего!

— Боишься, что задразнят? — говорит она. И гребенку вынимает.

— Хватит, — говорю, — передо мной трещать. Убери расческу!

— А хочешь их потрогать?

Совсем у нее завертон какой-то.

— Зачем это?

— Я, — говорит, — знаю, что хочешь. Ты только вид, Митенька, не делай!

— Какой вид?

— Ну, вот такой...

— Какой это «такой»?

— А вот такой это... Я же видела, как ты на Валю Стронкину смотришь!

Нашла с кем себя равнять! Валя Стронкина из восьмого — как киноартистка, которую в школьную форму переделали.

— Угадала? — говорит Нина.

— Что угадала-то?

— Вот то и угадала!

— А что это ты за мной следишь?

— Я? — даже расчесывать свои кудри перестала.

— Не я же, — говорю.

— Эх, ты! А я еще к тебе пришла.

Никто ее не просил этого делать. Батареи и без нее горячие.

— И ты мне больше ничего не скажешь? — говорит.

Будто я в кругосветное плавание ухожу и на прощание обязательно должен что-то ей сказать.

— Замечание тебе вкатят — вот что, — сказал я. — И ты будешь потом ныть, что это из-за меня...

— А из-за кого же? — говорит она и улыбается. — Конечно, из-за тебя, Митенька...

— Я тебе не Митенька, а Беляков...

— Эх ты, — говорит, — а я еще им помогала...

— Да какое отношение имеет то, что ты помогала?.. Ко всему этому!

— К чему?

— Ну, ко всему!



— К чему всему-то?

Вот поговори с ними, тронутыми!

— Ну, к волосам твоим, — говорю, — к Вале Стронкиной...

Я уж и не знал, чего она от меня хочет, знал только, что если нас здесь вдвоем застукают, это будет похуже, чем замечание в дневнике. А мне во что бы то ни стало надо было еще на батарее посидеть — а то я и в коридоре не мог появиться.

— Послушай, Томашевская, — сказал я. — Уйдешь ты отсюда или нет?

Ушла в конце концов. Но сначала волосами тряхнула, будто хотела их оторвать, а потом еще посмотрела на меня. Я от одного ее взгляда, наверно, должен был просохнуть.

В общем, совершенно незачем ходить в школу каждый день. Вот сегодня, например, на математике симметрию проходили. А мы, мальчишки, по труду ее давным-давно прошли — я уж не помню — год или два назад. Когда с металлом или с деревом работаешь, как же о симметрии можно не знать? А у девочек — другое дело — они на труде пугавицы третий год пришивают и кисель варят. Их какая-то Прасковья учит. Вот им надо симметрию объяснить, а нас-то за что в этот день держать в школе?

Зима кончилась. Папа приходит домой поздно. То он вдруг говорит весь вечер без умолку о своем Марсе, то молчит, и тогда мама закрывает к нему в комнату дверь, а сама начинает стирать в ванной. А я читаю «Девятого третьего год» или точу коньки — катки вдруг растаяли, но вдруг их снова заморозит?

Как-то однажды вечером начинаю без перерыва звонить телефон и без всякого зову приходит много народу. Дядя Сергей и дядя Тигран тоже приходят. А папа только что переоделся в свою любимую и самую проношенную рубаху и сидит разводит какой-то ядовитый клей, чтобы приклеить стекло к стеклу.

— Послушай, Александр, — говорит дядя

Сергей, — а сколько народу было на твоём докладе в Географическом обществе?

— Не считая меня, шесть, — говорит папа.

— Иди ты! — говорит дядя Сергей — Отличное доказательство преждевременности. Твое открытие опередило нужду в нем. Люди еще не могут его использовать.

— Да какое это открытие? — говорит папа. — Подумаешь, углы наклона...

— Не умаляй, не умаляй! — говорит тетя Мила, жена дяди Сергея. Я, когда увидел ее в первый раз, подумал, что она фигуристка — у нее всегда все так аккуратно, что никакой ветер ее не растреплет. — Не умаляй своего открытия, — говорит тетя Мила. — У нас сегодня институт по твоему поводу гудел. Все ко мне приходили и спрашивали: «Вы, кажется, знакомы с Беляковым? Знаете, что в газете написано? «Известный планетолог Беляков открыл закономерность, свидетельствующую, что планета Марс в отличие от других планет Солнечной системы...»

— Да, — значительно говорит дядя Тигран. — Марс, Беляков и Солнечная система — три имени собственных. Там что угодно можно говорить — маленькое открытие, большое открытие, а все равно — Марс, Беляков и Солнечная система... Саша, мы тебе завидуем!

— Углы наклона... — говорит папа.

— Ладно, — говорит дядя Сережа. — Все в мире в конце концов зависит от углов наклона. Не так уж это и мало. А я вот письмо с Байкала получил.

— От того мужика? — спросили папа и дядя Тигран вместе.

— Зовет, — сказал дядя Сергей. — Но ты знаешь, Саш, я в этом году дальше Вологодчины не смогу уехать. Дела. Так что уж сообщай сам.

— А сильно зовет? — спросил папа.

— На, почитай.

И дядя Сергей вынул из кармана письмо.

Я еще не знал, что благодаря этому письму мы с папой поедем в этом году искать медведей на Байкале.

## КТО ЧТО УМЕЕТ

Дядя Сергей — рабочий. Он — фрезеровщик. Но пока я его на заводе не увидел, я совершенно не так все представлял. Ну, как мальчишки о заводе думают? Я вот думал, что это коробка метров в пятнадцать, и там наверху балки закопченные, и краны над тобой все время грузы тащат. И станки визжат, а у каждого станка стоит дядька или парень с черными ногтями, и от него через плечо все время летит стружка. А если надо перекинуться словом с соседом, то орут на ухо. И если ты рабочий, так у тебя всегда либо щека в мазуте, либо

локти, и опилки в ушах — ну, что-нибудь такое...

Но посмотрели бы вы на дядю Сергея, когда он приходил куда-нибудь в гости! Да он как дипломат какой-нибудь выглядел — малиновый галстук-бабочка, темный костюм... У него были там еще всякие замшевые куртки, одна даже из антилопьи кожи, но он всегда чуть поострее одевался, чем другие, и в антилопьи куртке приходил только когда у папы медвежатники собирались. Но это все ерунда, главное, что они с папой спорили на равных.

То есть, конечно, в чем-то и папа больше знал, но в чем-то и дядя Сережа, и уж тут папа молчал. И мне было непонятно, как это дядя Сережа — и вдруг просто рабочий.

Папа ходил к дяде Сереже на завод, наверное, раза три в неделю — потому что дядя Сережа именно и работал на заказах папиного института, и вот однажды после уроков папа меня взял с собой на завод.

Мы приехали к проходной, и сначала было меня не пускали, а потом папа кому-то позвонил, и оттуда тоже позвонили, и из двери у проходной вышел громадный дядька с зеленым воротником, и долго на меня смотрел, словно соображал — украду я что-нибудь с завода или нет. Но карманы у меня на куртке были совсем маленькие, и это, наверное, его успокоило.

— Нехай идэ, — сказал дядька.

По двору завода ездил тележки и ползали грузовые машины без номеров — такие старые, что их, наверное, даже папа не мог помнить.

Я у него спросил.

— Да нет, — говорит, — я все же помню. Это ЗИС-5. Очень много сделавшая для страны машина.

А машина эта — будто из ящиков сделана — ни одного закругления — только колеса. Но ползает еще — тюки возят, коробки какие-то. Почетная старость — сильно не нагружают.

В комнате, где работал дядя Сережа, стояли всего два станка и было освещение дневными лампами. Может, это и был цех, только, по моему, скорее зал. Дядя Сережа в белом халате сидел около станка и рассматривал чертеж. Нога на ногу, в зубах сигарета. Даже непонятно, кто из них ученый — папа или дядя Сережа.

— Ну, Сашка, вы и наворотили, — сказал дядя Сережа. — Третий день расхлебываем.

— Я тебе сейчас все объясню.

— Попытайся. Только учти сначала, что по восьмому классу точности такие поверхности еще никто не умел обрабатывать.

— А ты за что, интересно, орден получил? — спросил папа.

— Ты о деле говори, — сказал дядя Сережа.

Тут они сцепились над чертежами и потом пошли ругаться к каким-то инженерам, откуда вернулись уже впятером и обо мне совсем забыли, а я рассматривал станок дяди Сережи, который был громадным, но блестящим, как машина швейная машинка. Инженеры кричали «эвольвента!», «парабола!», «вязкость материала не допускает!», а я все бродил по комнате. Одна стена его была полностью завешана зубчатыми дисками. И тоненькими, как бумага, и толстенными, и маленькими, и большими — зубцы у всех были кровожадные, с наклоном в одну сторону, и остро заточенные.

— Это набор фрез, — сказал мне дядя Сережа. — Круговые резцы для металла. Фреза.

— Вот именно, — сказал папа. — И если один из лучших фрезеровщиков города отказывается...

— Странное ты животное, — сказал дядя Сережа. — Что значит «отказывается»? Если станок на это неспособен, что тут можно поделать? Руки-то станка не заменят?

— Да, — вздохнул папа. — Правда, кажется, я знаю одного человека, у которого есть такие руки...

И дядя Сережа вдруг стал очень серьезным и сказал:

— А что? Это мысль. Может, и верно с Тиграном посоветоваться?

— Кстати, есть повод, — сказал папа. — Он звал в воскресенье лить пули.

Тут я вспомнил, что дядя Тигран и дядя Сережа уже начинают готовить папу на Байкал, и мне страшно захотелось, чтобы он взял и меня. Но заговаривать об этом сейчас было не к месту. Вообще папа время от времени задавал мне всяческие воспитательные вопросы:

— Ты мужчина или девочка плаксивая? По-мужски ты можешь себя вести?

Вот когда он в очередной раз это скажет, я ему и отвечу: «Воспитывай меня как мужчину, я мужчиной и буду». А он спросит: «Как это?» И тогда я ему скажу: «На Байкал-то не берешь за медведом». Тут дело и устроится, потому что папа у меня такой — если видит, что в чем-то неправ, то никогда не делает вид, что прав.

С Томашевской мы дня два не разговаривали, но в пятницу у нее на рисовании не оказалось резинки, она стала оглядываться поверху, словно меня не видит, и я положил резинку на край парты. Она ее сразу взяла и тогда меня увидела, и опять стала вглядываться. Хотя бы на уроках бросила свои привычки — я уже сразу пожалел, что дал ей резинку.

А потом подходит ко мне на перемене и говорит:

— Мить, пойдем в кино в воскресенье?

— Вдвоем, что ли?

— Нет, — говорит, — втроем, тетю Машу еще пригласим...

— Зачем тетю Машу?

— Ну и дурак ты, Беляков.

И убежала. А на следующей перемене снова подходит, словно ничего такого мне и не говорила.

— Пойдешь или нет? — спрашивает.

— Я ж дурак.

А она уперлась своими глазами в меня и расчески вынимает. Я молчу.

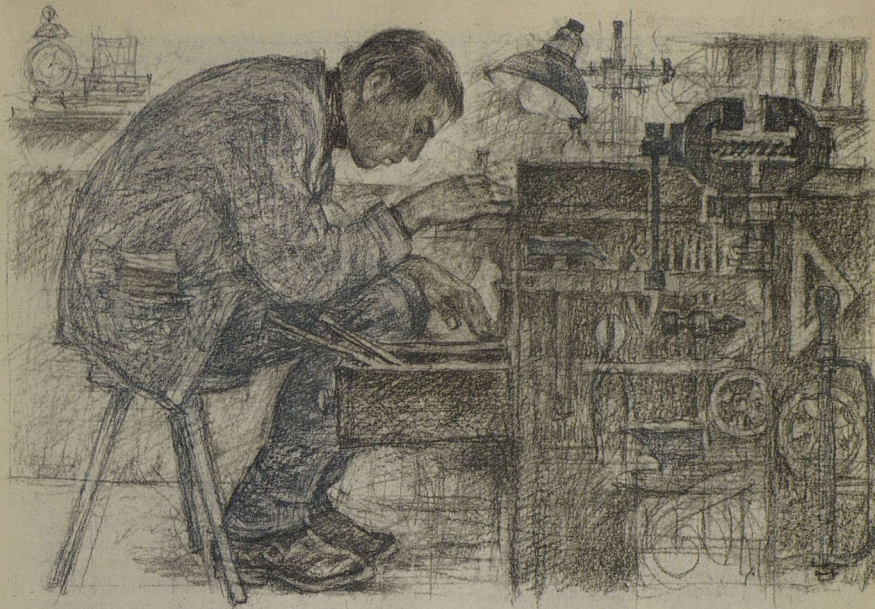
— Ну? — говорит. — Так как?

— Я ж дурак.

— А я это и без тебя вижу!

Так я и не знал — идем мы или нет, но в субботу папа мне сказал, что если я хочу, то





могу с ним в воскресенье идти лить пули к дяде Тиграну.

— Мог бы и не спрашивать, — сказала мама.

— А вдруг у Митьки дела поинтересней есть. Как, Мить?

— Из свинца будем лить? — спросил я. О Томашевской я сразу забыл. Да я ей и не обещал ничего.

— Из свинца, — сказал папа.

— Нет у меня других дел, — сказал я. Страшно люблю плавить свинец. Он становится как ртуть и пищит, если его лить на мокрую доску. И мне еще нужно было просверлить несколько дырочек на железе, чтобы ее приспособить к конструктору — там у одной машины крыша должна быть, — и мы с Андреем решили сделать ее из жести. Можно, конечно, гвоздем было дырки пробить, но лучше уж сверлить — аккуратненькие чтобы были.

А дядя Тигран вообще-то довольно удивительный был человек. Он все мог сделать. Ну, скажем, наручные часы. Там ведь тьма всяких колесиков и бриллиантиков, и все подогнано друг к дружке по-комариному. Если папе поручили бы одну только стрелку для таких часов изготовить, то он бы десять лет бился, но никогда бы ему ее не сделать. Или кривая

стрелка бы получилась, или позолота на ней бы неровная была, или вообще бы он плюнул и сказал: «Да не могу я ее сделать, что вы ко мне пристали — я другими вещами занимаюсь!» А к дяде Тиграну все наши знакомые женщины несли украшения чинить — он и у мамы нашей ее колечки и подпавил, и укорачивал, и расширял. Дядя Сергей хоть и шпынял все время дядю Тиграна по мелочам, но если речь заходила о металле, дядю Тиграна слушал. У нас никто из знакомых, кроме дяди Тиграна, не умел ни золото паять, ни сталь отшлифовывать, ни камни резать.

А сделать сталь черной или синей — так это вообще дяде Тиграну раз плюнуть. У него дома такой стол громадный был — в полкомнаты, и в первом верхнем ящике коллекция градусников: от метрового, как на старых вокзалах, до малюсенького, вроде спички. Да... так вот, если бы дядя Тигран захотел — ну, необходимость такая возникла, то он бы сам, без всякой чужой помощи мог, например, часы сделать. И рассчитал бы все, и выточил, и даже еще что-нибудь новое наверняка придумал у них внутри, чтобы были долговечнее или там поточнее. Такой уж у него глаз был. Дядя Сергей его обычно по плечу хлопал и говорил:

— Ты, Тигран, коммерческую цену имеешь, тебя можно на валюту продавать. В тебе не-

которые механизмы работают, самому тебе неизвестные...

— Какие механизмы? — возмущался дядя Тигран. — Просто я люблю всякое железо...

— Железо он любит! — говорил дядя Сергей. — Ты ж ничего о себе не знаешь. Это инстинкты. Ты продукт ста поколений цеканщи-

ков. Ты — темный человек, но ценный. Тебя можно продать на валюту.

— Вот возьму и обижусь, — говорил дядя Тигран.

— Ты? Обидишься? У тебя такого инстинкта нет. С тобой, напротив, надо пожестче обращаться, чтобы ты получше работал.

## УТРО

Каждое утро, когда мы завтракали, по радио передавали сводку погоды, мама кричала нам: «Замолчите!» — и хватала карандаш. Особенно она почему-то волновалась, когда записывала погоду в других городах. У нас на кухне всюду валялись бумажки, на которых были написаны названия городов и цифры, и папа в них старательно вписывал: «ртуть поднимается» или «высота волны». Мама особенно сердилась на «высоту волны», хотя об этой высоте и вправду сообщали каждое утро. Вот и сейчас тоже объявили:

— Ветер западный, слабый до умеренного, высота волны в Финском заливе...

— Пиши, Митя! — сказал папа.

— Ничего смешного нет, — сказала мама, — самый что ни на есть естественный интерес. А вот ты, Митя, спроси у папы, для чего у него когда-то на велосипеде был спидометр?

Я понял, что мне надо из кухни смыться, хотя это несерьезно у них, вроде зарядки...

Когда мы вышли с папой из дому, было уже часов одиннадцать, и хотя все люди были в зимних воротниках и на Мойке еще держался протоптанный тропинками лед — все равно в воздухе уже была весна. Из-под крыш чирикали воробьи, дом с медальонами, напротив, через Мойку, стоял совсем-совсем голубой. Зимой он, конечно, тоже был голубым, но зимой его как-то не замечаешь, а сейчас он стал под цвет небу. Около дома с медальонами две девочки на асфальте расчерчивали мелом клас-сики, а Томашевская стояла к ним боком и иде-лала вид, что в нашу сторону не смотрит.

— Ты что уставился, Дмитрий? — спросил меня папа. — Может, хочешь остаться?

— А вы без меня будете пули лить?

— Придется, — сказал папа.

— Ну уж нет, — сказал я. — Фигушки.

— В последнее время я что-то в языках от-стал, — сказал папа, — не всегда тебя пони-маю.

— Говорю, что потом как-нибудь погуляю.

— А-а, — сказал папа. — А ты свою же-станку не забыл, которую надо просверлить?

Небо было голубым, таким голубым, что дым из труб, который кое-где все же шел, никак в нем не растворялся. То есть он дедался куда-то, но не в небо — оно было таким голубым, что даже летом такого не увидишь.

— А знаешь, Митя, — сказал папа. — Ведь в этом небе сейчас есть все те звезды, которые видны ночью, только из-за яркого света солнца их сейчас не разглядеть.

— Как это? — спросил я.

— Ну вот, представь себе, что сейчас, в сол-нечный день, кто-то пытается тебе сигналь-ить зажженным фонариком с той стороны Невы...

Мы как раз вышли на мостик и сквозь Мош-ков переулоч увидели через Неву кусочек сте-ны Петропавловки.

— Вот представь, что там, со стены крепо-сти, сейчас тебе сигнализируют фонариком. Увидишь ты этот сигнал или нет?

Я оглянулся с мостика на девочек около до-ма с медальонами. Томашевская все еще де-лала вид, что на нас не смотрит. Две другие, я не знал, как их зовут, уже прыгали на одной ножке.

— Увидишь ты, как тебе сигнализируют? — повторил папа.

— Увижу, — сказала я.

— Слушай, — сказал папа. — Возвращай-ся-ка лучше домой и скажи маме, что я оста-вил тебя гулять.

— Нет, пап, — сказал я. — Я с тобой пойду.

— Ты уверен, что этого хочешь?

Конечно, я был уверен. Я был уверен, что чем дальше, тем небо будет все синей, и тем все неподвижнее будет стоять у голубого до-ма Томашевская, и тем дольше будет смотре-ть мне вслед.

Можно на Байкал уехать, а потом вернуть-ся, а Томашевская все стоит...

— Пойдем, папа, — сказала я.

Мы пошли по улице Халтурина к Марсову полю. Солнце нам светило в лицо. Мы жму-рились.

Вдруг рядом с нами загрохотало, загреме-ло и из водосточной трубы кусками посыпал-ся лед. Я вздрогнул и схватил папу за руку.

— Весна, — сказал папа и вздохнул.

Не хотелось идти, держась за руки, и все же хотелось. Мне вообще в последнее время че-го-то одновременно и хотелось и не хотелось.

— Пап, — сказал я, — можно тебя об од-ной вещи спросить?

— Давай, — сказал он, думая о чем-то сво-ем, наверно, опять о звездах.

Мы подошли к самому Марсову полю, где



из утоптанного наста торчали голые кусты. Наст сверкал и синел, с Невы дул холодный ветер.

— Ну, что ж ты, — спросил папа, — раздумал?

Я хотел спросить у него, обязательно ли идти в кино, если тебя приглашает девочка. Я, пожалуй, знал, что он ответит. Он сказал бы: «Обязательно», — и тогда прощай пули. Вообще, мне не очень понравилось, что она меня первая пригласила. Подождала бы, пока я сам это сделаю...

— Что за привычка у тебя дурная появилась! — сказал папа.

Я даже вздрогнул.

— Плетешься как улитка, — сказал папа. — Устал, что ли, уже? Мне ведь тебя тащить приходится!

Это он неверно говорил, что такая привычка у меня появилась. Она всегда была — как только меня брал кто-нибудь за руку, я сразу же переставал знать, где иду, — и только думал, думал, думал... А может, мне все же надо было пойти с ней в кино?

Когда мы пришли к дяде Тиграну, сразу вслед за нами пришел дядя Сережа — и они сразу же все трое заговорили о Марсе, углах наклона и о том, как обработать какую-то там поверхность.

Дядя Тигран вдруг посмотрел на них своими круглыми глазами и сказал, что есть, по меньшей мере, два способа улучшить возможности, и один из них — окислить эту поверхность, то есть сделать ее еще более твердой.

Папа и дядя Сережа посмотрели друг на друга, и папа спросил:

— А второй способ?

— Вы сначала прикиньте первый.

— Хорошо, — сказал папа, и они взяли с дядей Сережей бумагу и шариковые ручки и сели за стол. Похоже становилось на то, что пули лить будем не скоро. Я прошел в другую комнату, где стоял огромный стол дяди Тиграна, и стал понемногу вытягивать ящики — совсем на немного вытягивать и смотреть, что там. Тут и инструменты были всякие, и приборы, и провода, и коробочки...

— А это что, дядя Тигран? — спросил я, вытянув один из ящиков.

— Это? — сказал он. — А-а! Это военный ящик. Гильзы.

— От винтовок?

— Не только, — сказал он, — есть даже от легких пушек.

Жутко интересный был ящик.

— А это? — спросил я.

— Это осколок от мины.

— Противотанковой?

— Нет, минометной.

— А, — сказал я. — Это от той, которой вы с дядей Сережей чуть папу не прихлопнули.



— Во-во, — весело сказал дядя Тигран и засмеялся.

— Мне папа рассказывал, — сказал я. — Вы потом еще вместе какой-то взрыв устроили.

— Папа путает, — сказал дядя Тигран. — Это уже на следующий год было. Мы уже в один пионерлагерь тогда все вместе поехали.

— А расскажете?

— Само собой, — сказал дядя Тигран. — Кому и знать, как не тебе. Само собой, расскажу, только не сейчас.

— Вот именно, — входя в комнату, сказал дядя Сергей. — Мы, Тигран, прикинули насчет окисления. Вообще, не так худо. Попробуем. А что за второй способ?

— Так вам сразу все семейные секреты и выдай, — сказал страшно довольный дядя Тигран. — Может, и окисления хватит.

— Может, и хватит, — задумчиво сказал папа. — Ну, что — за дело? Лить пули?

— Где у тебя реквизит, потомок чеканщиков?

— Там, где ему и положено быть, — ответил аккуратный дядя Тигран и открыл еще один ящик.

Пули, которые мы в то воскресенье лили, назывались двойными турбинами. Они были с дыркой внутри. И с обеих сторон — снаружи и по стенкам дырки — у этих пуль шли глубокие винтовые канавки. В воздухе такая пуля начинает вертеться, как волчок, а если во что-нибудь попадет, то разваливается на кусочки, и кусочки эти рвут все кругом. Довольно зверская штука!

— На медведя, так уж на медведя, — сказал дядя Сережа. — Медведь лошадям шейные позвонки перекусывает, так против него приходится кое-что придумывать. Или ты, Митрий, считаешь, что на медведя надо ходить с рогатиной?

— С рогатиной, конечно, честнее, — сказал я.

— Мы тоже так думаем, — сказал дядя Сережа. — Но, знаешь, для рогатины особое древко нужно — рябиновую, понимаешь ли, жердину. А где ее достанешь? Надо весеннюю, особую, выдержать ее как следует...

— Трудно, — сказал я.

— Вот и приходится пока заниматься ружейной охотой, — сказал дядя Сергей, он у нас все же главным по медведю был. — Мы, Митрий, понимаем твоё отношение к этим пулям, мы к тебе даже в некотором смысле соединяемся, но пока ничего не можем сделать, медведя все же надо победить...

Формочку для пуль дядя Тигран выточил на каком-то особом станке. Снаружи она была как медный кубик с двумя дырками. Пули вываливались блестящие, как серебро, хотелось сразу же взять их в руки.

— Дядя Тигран, мне надо тут несколько дырочек просверлить, — сказал я и вынул лист жести.

— Так в чем же дело?

— Вы можете?

— Да ты сам справишься. Вон там станок. Только зажди как следует, чтобы на сверло не замотало. Сережа, покажи ему.

Мы с дядей Сережей подошли к сверлильному станку. Я знал, где он включается. Мы выбрали сверло, и дядя Сережа завинтил его в патрон.

— Зажди жость, — сказал он.

— Да и так можно...

— Зажди жость, — повторил он.

А зачем ее было зажимать? Дырок-то нужно было много — штук десять — так что, каждый раз заново и зажимать? Я включил станок.

Дядя Сережа его выключил.

— Зажди жость, — спокойно сказал он.

Ну, я зажал. Включил. Опустил сверло. Оно, как бумагу, прошило жость. Поднял сверло, развинтил тиски, передвинул жость. Хотел опустить сверло снова.

— Зажди жость, — как автомат сказал дядя Сережа.

Пришлось опять зажать.

— Вот так.

После пятой дырки он отошел.

— Скоро ты там? — спросил меня папа.

— Сейчас.

Я досверливал седьмую. Не стал я больше зажимать жость. Держа ее в руке, я нажимал на рычаг сверла. Вот уже почти просверлил... Но тут кусок жести вырвался у меня из пальцев и завертелся на сверле. Я не успел отдернуть руку — рубануло по пальцам. Я заорал и отскочил от станка.

...Они все трое стояли и смотрели, как на сверле крутится погнутая жестянка, и на мои пальцы. Не до кости, но здорово резануло, а главное, жаль, что не левую — завтра у нас письменная контрольная...

И стыдно было.

— Я считаю, что Митьке повезло, — сказал дядя Сережа. — Хотя одну вещь он на всю жизнь запомнит.

Пальцы мне полили йодом и замотали. Но никто не жалел, даже папа. Только спросил — больно или не очень. Я подождал, когда совсем нестерпиво от йода стало, и сказал:

— Не очень...

— То-то, — сказал дядя Сережа. — Пойди-ка, вынь сверло и поставь его на место, в гнездо...

Теперь то, что он говорил, я в оба уха слушал. Мне даже приятно стало делать то, что дядя Сережа хочет, чтобы я делал. Папа засмеялся и сказал, что его сын, то есть я, явно сообразительней дождевого червя.



На большой перемене Томашевская подошла ко мне с каким-то списком и, не глядя, говорит:

— Беляков, на собаку сдавал?  
— На какую собаку?  
— Как «на какую»? — говорит. — Мало того, что ты вообще... Так еще и жмот!  
— Что значит «вообще»?  
— А вот то и значит!  
— Что это «то»?  
— Что? Сказать?  
— Ну, скажи, скажи!  
— А то, что с тобой вообще... настроение только портить! Да еще и жмот!

— Ты, — говорю, — дообзывается сейчас! Выдумала тут...

— Я? Выдумала? Она там голодная, скулит все время, а ты тут сытый...

Нас уже обступили, слушают.

— Эх ты! — говорит Нинка. — Весь класс уже сдал, а ты жмотничаешь. Ну, ничего, когда мы ее выкормим — ты лучше не подходи. Я ей скажу: «Взять!» Она тебя и повалит. И загрызет. И поделом! Уговаривались ведь каждую неделю по десять копеек собирать? Уговаривались? И ты, жмотина, тоже руку тянул!

И тут я вспомнил. Ну, было такое недели две назад. Девчонки нашли эту собаку где-то около школы — грязная вся она была и в крови. Лохматая такая шавочка, средненькая, и почти на ногах не стояла. Хромает, и где ни погладишь — болячки. Домой ее никто не взял — все равно родители бы не разрешили, а Нинка тогда у мальчишек стала раз узнавать, где наш подвал находится. Подвал этот был закрыт, но мы знали, как туда проникнуть, а кроме нас больше никто. Подвальчик был ничего себе. Во-первых, там были зеркала — спичку зажжешь, и она раз пять отражается — даже страшно. И потом еще там стояли бидоны с олифой. Мы факел зажгли из олифы, так еле потушили. Закопченные, как из трубы, вылезли.

— Эх ты! — говорит Томашевская. — Сам-то вон какой сытый, а больной собаке десять копеек жалко!

— Да замолчи ты, — говорю. — Я тебя просто позлить хотел. Сейчас сдам...

Сунул руку в карман, а там — пусто. Как же так? Ведь были утром. Двадцать копеек было. В другом кармане поискал. Все равно нет.

— Нет, — говорю, — денег.

— Нет, да? — и смотрит на меня, будто я преступник. — А восьмого марта на лимонад нашлось?

— Ну и что?

— А сейчас — нет?

— А сейчас нет.

Ну до чего же глупая все-таки!

— Вот ты какой, оказывается, Митенька... — говорит.

— Я тебе не Митенька, а Беляков!

— Ты и собаке — тоже Беляков. И кошке. Большой — тоже Беляков. Ты и котенка можешь ногой раздавить — и не оглянешься!

— Послушай, — говорю. — Отстанешь ты все-таки? Я ведь к тебе не пристаю, правда?

От нас уже все отошли, потому что видят — нет у меня денег. Мало ли у кого их не бывает — почему это у меня в кармане обязательно деньги должны быть? Я ведь их не зарабатываю.

— Ты и меня можешь ударить, — говорит Томашевская, не глядя. — Я-то помню, как во втором классе...

Вот характер злопамятный, а? Три года назад динул ее портфелем — все кругом давно забыли, я — и то не помню, а она, оказывается, до сих пор под впечатлением.

— Ну, еще что скажешь? — говорю.

Молчит.

— Все? — спрашиваю.

— Нет. Не все.

— Ну, что еще?

— Раз ты денег не сдаешь, значит, должен поработать...

— Как?

— Пойти в магазин и на общественные деньги купить для собаки еду. И отнести ей.

— Да я и не знаю, что ей покупать...

— Зато я знаю.

— Ты и покупай!

— А ты?

— А что я?

— Значит, так и не хочешь для собаки ничего сделать?

— А ты ведь уже покупаешь?

— Еще не покупаю. Это ты будешь покупать.

— Да что нам двоим-то в магазине делать?

— Почему двоим? Ты покупать один будешь.

— А ты?

— А я — только тебе говорить, что покупать.

Всю перемену не отцеплялась.

В подвал я полез первым. Там было такое низкое окошечко, вроде щели, забитой досками. Но две доски мы уже давно оторвали и приставили их на место только для виду. Я дождался, когда на дворе стало пусто, и быстро влез. А Томашевская стоит.

— Лезь, — говорю.

— А я вся перепачкаюсь...

То, что я измазался, ее не волнует.

— Ты же все-таки мальчик, — говорит. Спотыкаться не стал.

— Так и будешь там торчать?  
— Нет. Сейчас приду. Ты там погоди немного. Я сейчас.

Портфели мне кинула и убежала. Жду.

И вдруг — дворничиха идет. Я досками закрылся. Спрятался, а доски все рукой придерживаю, чтобы они не обвалились. Она подошла к самому окну и на совок что-то подбирает — галоши ее чуть не по голове у меня шаркают! Вот, думаю, сейчас еще Томашевская явится. Чуть-чуть выглянул — вижу, она вдаль с газетой в руках маячит.

Только дворничиха ушла, Томашевская подбегает, кладет газету на землю, чтобы не испачкаться, и лезет ко мне в подвал. Я только доски обратно успел приладить — смотрю в щель — дворничиха опять появилась.

— Тихо, — говорю Нинке. — Видишь?

— Вижу, — шепчет.

А собака в глубине подвала уже подскуливает — Нинкин голос услышала.

Дворничиха идет и по сторонам смотрит. И то верно — стены здесь глухие, деться человеку некуда — где же девочка с газетой? Куда делась?

Смотрю — газету-то оставили, лежит еще!

— Идиотка! — говорю. — С тобой в разведку ходить! Волосы только свои чесать и можешь!

Молчит.

— Держи, — говорю, — доски!

Руку тихонько под доски просунул, взял за краешек газету и, когда дворничиха отвернулась, быстро газету втянул.

— Иди, — шепчу, — за мной, да только не споткнись!

— Да что я тут — в первый раз, что ли?

— Ну, так и двигайся!

— Темно тут... Страшно.

— Ты ж, — говорю, — не в первый раз здесь!

— Не в первый, а все равно страшно!

А собака вовсе скулит. Хоть не лает.

— Может, тебе факел сейчас зажечь? — шепчу. — Или бенгальский огонь? Страшно, видите ли!

— Мить, ты мне руку дай...

Протянул я ей руку назад.

— Что ты, — говорю, — пальцы в пальцы вдеваешь?

А она под самым ухом мне шепчет:

— Зато мне теперь не страшно...

— Да не крути мне пальцы, я тебе руку как человеку дал!

— А тебе, — говорю, — неприятно разве?

Я руку потянул — Томашевская не отпускает. Ну, думаю, еще не хватало! Я изо всей силы как рвану — и тут плечом что-то толкнул, повалилось, заскрежетало, а потом — жак! Грохот, звон. Зеркало на тот свет отправили. И убежать некуда... Стоим, не дышим. А тут еще собака:

— Тявк!

Весело так — мол, не бойтесь, я жива. Слышу — Нинка всхлипнула.

— Молчи! — шепчу. Потому что слушаю, что там дворничиха на дворе делает. Но ничего не слышно. А раз не слышно, надо на разведку идти. Стекло под ногами хрустит, ужас... Добрался я до окошка, в щель глянул, смотрю, дворничиха стоит посреди двора, как дозорный богатырь, и из-под руки смотрит в нашу сторону.

Убежать-то можно было, если бы я один был. А с этой?

Я вернулся опять, по стеклам хрущу.

— Где ты? — говорю.

— Здесь.

Я еще два шага сделал и носом ей в лоб уткнулся.

— Еще, — говорю, — разбить что-нибудь хочешь?

— Это ты, — говорит, — разбил.

— Ничего. Нам еще обоим будет за это.

Чувствую, опять боится. Ну и пусть.

— Видела, какие здесь зеркала?

— А какие?

— То-то и оно... Театральные, — придумал я, — ты разве не видела?

— Нет.

— Дворничиха за милицией пошла, сейчас приведет.

— Правда? — говорит.

Заплачет сейчас, чувствую. Все-таки не хватает у них чего-то такого... Ну, зачем плакать, пока еще не поймали?

— Да, — говорю, — с тобой только в разведку и ходить... Нет там никого. И как мы тут бьем все и колотим — никто не слышит. Может, еще одно грохнем? Чтобы не скучно было?

Пробрались мы на ощупь к собаке, сели на какой-то ящик. Сидим. Собака у нас под ногами чавкает.

— Знаешь, Мить, — говорит Томашевская. — Ведь ее нельзя тут все время держать. Я читала про одного солдата — он в подземном складе просидел несколько лет, — так он потом на свет ослеп.

— Заливаешь. Как это он несколько лет мог просидеть? Что он ел-то?

— Там склад с продуктами был.

— А пил что?

— Забыла, — сказала Томашевская. — Но это точно, я читала. А потом он ослеп.

— То человек, — говорю.

— А какая разница? У собак глаза, может, еще чувствительней, вон они как видят.

— Это у кошек глаза лучше, — сказал я.

Дворничиха не уходила со двора часа, наверно, два. Мы уже давно стали видеть в подвале — глаза привыкли, и даже собрали стеклышки от зеркала в кучку, а выйти нам все было нельзя.



— Давай фильмы рассказывать, — сказала Томашевская. — Хочешь, я тебе «Ватерлоо» расскажу?

— Давай, — сказал я. Я-то сам видел «Ватерлоо», но интересно было, как девчонка такой фильм может пересказать.

— Сначала он прощается с солдатами, — начала она.

— Кто он?

— Ну, кто, кто?.. Ты уж совсем, что ли, не знаешь? Наполеон. Старый такой показан, плаксивый. Ножки короткие. Наклонится — и все вверх посматривает. Смешно... «Солдаты четвертого! — говорит. — Вы всегда были мне детьми!» И там солдат — седой-седой — плачет. А потом, когда Наполеон уехал, король показан — тот уж совсем старый, еле на ногах стоит, и королю докладывают: «Узурпур высадился на юге».

— Кто?! — спросил я.

— Узурпур. Что ты смеешься?

— Ну, ваяя дальше, — сказал я.

— И король из Парижа убежал. А Наполеон снова стал воевать. И тут на него уже все страны поднялись...

Но Томашевская больше ни разу не ошиблась, только «прусаков» назвала «прусами». А откуда ей такие слова знать — она ж девчонка!

А потом она замолчала. И я тоже ничего не говорил. Уже, наверно, шестой час был, дома мне должно было влететь, да и ей тоже. Но дворничиха все не уходила.

— Ты есть хочешь? — спросил я.

— Ага. А ты?

— Хочу.

Собака услышала знакомое слово и стала тереться о наши ноги. Она-то была сейчас сытая.

— А ты почему на восьмое марта не мне подарок сделал? — спросила Томашевская.

А что я ей должен отвечать? Я ничего и не ответил.

— Думаешь, нужен был Стронкиной твой подарок?

И не думал я отвечать.

— Ты скажи еще спасибо, что никто из учителей не узнал...

— Это про что?

— А про то, что ты восьмиклассникам подарки даришь...

— А это; кстати, и не твое дело, — сказал я. Я и не знал, что Томашевская пронохала.

— А ты бы хотел ее поцеловать? — вдруг спросила Томашевская.

— Помолчала бы ты, — говорю. — Вот, честное слово, последний раз с тобой дело имею.

— Нет, а хотел бы?

— Хотел бы, — сказал я ей назло. — Да еще как!

Нинка вскочила и побежала к окошку. В подвале было посветлее, потому что солнце к концу дня осветило двор.

Нинка оторвала доски и полезла из подвала, не глядя, есть ли кто во дворе, но дворничихи уже не было.

— Ну, чего ты? — крикнул я. Но она даже про газету забыла.

Только пройдя полдвора, вспомнила, что нет портфеля. Вернулась. Остановилась около окошка. Ноги ее вижу.

— Отдай мой портфель.

«Отдай». Будто я у нее его отбирал.

Я еще посидел немного, не знаю только, для чего, погладил собаку, за ушами у ней почесал. Томашевская мне обещала, что когда они собаку вырастят, эта собака меня загрызет.

— Ты загрызешь кого-нибудь? — спросил я. Собака привстала на меня передними лапами и лизнула прямо в нос. Говорят, глисты там и так далее. А все равно приятно.

Я выкинул из подвала портфеля, вылез, подстелив газетку, как девчонка. Досочки заставил, оглянулся. Все, кажется, в порядке. А на строение все равно было мерзкое. И вечно его мне Томашевская портит.

*Продолжение следует*

## ПОЮЩАЯ БЕРЕЗКА

*Глеб Горбовский*

Смотри — хватило смелости! —  
не в парке, не в лесу,  
на башне старой крепости —  
поднять свою красу!

Да и сама березка-то  
считает, что она  
туда, как птица, послана  
и летом — петь должна...

Ей там, бродяжке, нравится  
парить над городком.  
К ней в гости добираются  
лишь птицы с ветерком.

И в самом деле,  
если ты  
прислушаешься к ней:  
поет березка песенки,  
поет она — ей-ей!

*Рисунок А. Орлова*





Ира Севастьянова



Вася Ключко



Лариса Костина



Оля Костина



Ким Александрович Андреев



Марина Курасова



Лена Ганюшина

БЕРЕНДЕИ—НЕ ВОЛШЕБНИКИ. ОНИ ТОЛЬКО УЧАТСЯ

## БЕРЕНДЕИ ВЫХОДЯТ ИЗ ЛЕСА

Согласитесь, такое не часто бывает: среди бела дня увидеть живого Берендея — волшебного лесного царя из старинной доброй сказки. Увидеть, когда он из сумрака леса выходит на залитый солнцем луг.

Но что это? За Берендеем шагает... второй... третий... И все это происходит не в кино, а на обыкновенной опушке леса. Неподалеку от знаменитого водопада Кивач.

Самое время расспросить, почему они так себя называют. Но в это время мы подошли к дому с вывеской: «Школьное лесничество «Берендей».

Я поднялся на крыльцо, занес ногу над порогом и... отпрянул назад. Из прохладного сумрака прямо в лицо мне бросилась какая-то птица. Мазнув меня по лбу крыльями, она над моей головой вы-

летела на улицу и была такова.

Что за напасть?

— А это у нас в сенях ласточки гнездо слепили, птенцов высидели, — сказала мне девочка со значком «Техник-лесовод». Я потом узнал, что Ира Севастьянова ее зовут, семиклассница. Спокойно так сказала и вежливо, а в глазах чертики прыгают.

— Что же, — спрашиваю — они и людей не боятся?

— А у нас здесь, — отвечает Ира, — ни звери, ни птицы людей не боятся.

— Да-а...

## КТО ЖЕ ТАКИЕ БЕРЕНДЕИ?

Если на этот вопрос отвечать в двух словах, то получится очень просто: славные ребята. То есть обыкновенные, на первый взгляд.

— Сережа, сделай серьезное лицо, — говорит кто-то на крыльце, обычном месте вечерних посиделок ребят. Сере-



жа Пелконен не заставляет себя долго упрашивать, и крыльцо едва не обрушивается от взрыва хохота...

Идет Лена Ганьшина в дом. Но как-то странно. По приставной лестнице на крышу пристройки, а с крыши — в окно мансарды. Возвращается с книгой в руках, но уже через дверь.

— А отчего обратно не через окно? — спрашивает она.

— Через дверь удобнее, — не моргнув, отвечает Лена.

И немало разных других «фокусов» видел я у Берендеев. Смешных, озорных и очень симпатичных мне. Но где же, размышляя я, встретишь семи-, восьмиклассников невеселых и недружных, неинтересных и скучных? Впрочем, наверно, встретишь. Там, где нет у ребят общего, захватывающего дела, которое бы живым смыслом наполняло каждый прожитый день. И самих ребят делало бы иными. Берендеи же нашли такое дело. Это — лес.

Лес — главное богатство Карелии. И главная забота республики. По 16—18 миллионов кубометров древесины заготавливают ежегодно в Карелии. Меньше нельзя! Древесины нашей стране требуется очень много.

А нового леса в Карелии за год прирастает всего 11 миллионов кубометров. Значит, пока вырубается больше, чем прирастает. И запасов хватит лет на 15—20. А что же потом? Прощай, карельский лес? Нет, так нельзя. Надо что-то делать. А что?

Взрослые опытные лесоводы знают. Осушать заболоченные леса — тогда они растут в десять раз быстрее. Сажать новые на месте вырубленных. Собирать для этого семена и закладывать питомники. Охранять лес от пожаров. Устраивать гнездовья птиц — врагов для вредителей леса...

Все это сумеют сделать и ребята, особенно если их подучить. Можно сказать, это не только государственное, это истинно пионерское дело. Вот

почему, когда в Карелии стали создавать школьные лесничества, много ребят захотело работать в них.

А знаете, кто предложил создавать школьные лесничества? Карельский филиал Академии наук СССР.

Одно такое лесничество организовали в Петрозаводске, при республиканской станции юных натуралистов. И назвали его именем доброго лесного царя Берендея. Ну, а все, что в него входило, стали, естественно, Берендеями.

Ныне многие Берендеи уже закончили среднюю школу и учатся в Лесотехнической академии. Они навсегда связали свою судьбу с лесом. А на их место пришла смена. Вот с ней-то я и познакомился в заповеднике «Кивач», где у ребят и летний лагерь, и учебная база.

## ЧТО УМЕЮТ БЕРЕНДЕИ?

Очень многое.

Оля Костина и Вася Ключко старательно обрабатывают пристольные круги у дубков. Рыхлят почву, удаляют сорняки, чтобы все питательные вещества достались только деревьям. Марина Курасова секатором обрезает сухие ветки. Лена Ганьшина измеряет и записывает диаметр стволиков и высоту дубков. А потом все вместе идут готовить новый опыт.

Ким Александрович Андрей — самый главный Берендей, наставник и руководитель ребят — подводит их к высокому красивому дереву. Крона — идеальный конус. Хвоя густая, крепкая, темно-зеленая. На верхушку взглянешь — шапку потеряешь. Ким Александрович рассказывает:

— Это редкое дерево. Пихта бальзамическая. Родина — Северная Америка. У нас в Карелии насчитывается всего десяток-полтора экземпляров. В промышленных целях мы ее пока не разводим. А жаль. Пихта растет у нас прекрасно. По 50—70 сантимет-

ров за год. И очень красива. Посмотрите, любой парк украсит. И все-таки главное в том, что вот этому фотоаппарату, — указывает он на «оружие» Бориса Черемисина, — для бинокля и микроскопа нужен пихтовый бальзам. Стекла во всех объективах склеиваются именно пихтовым бальзамом. Без него не обойтись. Он преломляет солнечные лучи так же, как и оптическое стекло.

Чудеса да и только...

А Ким Александрович продолжает:

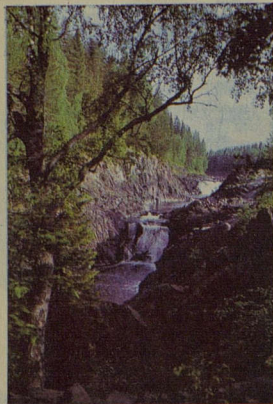
— К сожалению, семена пихты оказались невосхожими. Попробуем размножить ее вегетативно. Нижние ветви пригнем к земле, пришпилим рогатками и будем поливать. Укоренятся ветки — отделим их от матери-дерева, и будут новые растения, маленькие пихточки.

Очень серьезные, несмотря на все шуточки-прибауточки, очень деловые люди Берендеи. В заповеднике «Кивач» во владениях ребят — питомники, опытные участки, дендрарий — всего 582 гектара леса. Ребячьими руками эти гектары расчищены, ухожены. И, видимо, неплохо ухожены: дирекция заповедника платит ребятам за их работу. На заработанные деньги они и живут в лагере. И готовят себе еду, и содержат в порядке свое жилье.

Но самое главное, что они умеют, — это понимать смысл того, что делают. Умеют любить родную землю. Оберегать ее богатство. Делать ее еще краше. Не только на сегодня. На многие-многое годы и десятилетия.

И внуки нынешних Берендеев будут еще любоваться рошей сибирского кедра, выращенной ими из семян в Петрозаводске. «Юбилейная» — так называли ее Берендеи — в честь 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Но сами Берендеи считают, что знают и умеют еще очень мало. И я согласился с ними,



когда немного пожил в «Киваче». В самом деле.

...Идем мы вместе с Берендеями в лес, и за каждым поворотом, в каждой деревне открывается маленькое чудо. Ясно, что не так-то просто ответить на вопрос, что такое лес? Очень много надо знать! Вот почему.

## БЕРЕНДЕИ ИДУТ В АКАДЕМИЮ

Да, почти поголовно Берендеи записались в Малую лесную академию, когда она открылась при Институте леса того же Карельского филиала Академии наук СССР. Сокращенно Малую лесную называют МЛА.

— Это что же — новая пионерская игра? — неосмотрительно спросил я при встрече у ректора МЛА, кандидата сельскохозяйственных наук Владимира Ивановича Ермакова.

Владимир Иванович, по-моему, даже обиделся.

— Какая игра? — сказал он сердито. — Это очень серьезно. Чрезвычайно серьезно! Лесному хозяйству республики не хватает лесничих, техников-лесоводов, просто грамотных лесников. МЛА приобщит ребят к лесному делу, привьет им любовное, бережное отношение к лесу, даст им профессиональную ориентацию. Вырастит из сегодняшних семиклассек настоящих ученых-лесоводов.

Я не знал, как исправить свою неловкость, а Владимир Иванович продолжал:

— Мы придаем МЛА огромное значение. Лекции для ребят читает председатель президиума Карельского филиала Академии наук СССР, член-корреспондент АН СССР Николай Иванович Пьявченко. Доктор биологических наук Геннадий Михайлович Козубов. Доктор сельскохозяйственных наук Николай Иванович Казимиров.

Больше тридцати лекций прослушали ребята. По лесоводству и лесоведению. О глав-

ных лесообразующих породах — сосне, ели, березе, осине, ольхе... Цикл лекций по биологии леса. О типах лесов.

Да, это было очень серьезно. И очень интересно. Ребята не только лекции слушали. На основании своих юннатских опытов в заповеднике, работы в лабораториях они подготавливали рефераты — маленькие научные исследования — и защищали их по всем правилам защиты научных работ. На ученом совете МЛА. При оппонентах.

Наша знакомая Лена Ганьшина, например, защитила реферат на тему: «Определение деревьев и кустарников зимой». Наверное, не просто это. А Лена даже маленькое открытие при этом сделала: выявила в одном из садов Петрозаводска редкий вид растения — бархат амурский. Второй ее реферат называется «Королева карельских лесов». Это о сосне. На биологической олимпиаде школьников Северо-запада Лена завоевала первое место.

Оля Костина стала знатным карельской березы. Три года Оля занимается этой породой и может рассказать о том, как разводить березу семенами, когда лучше сажать, как выращивать. Вместе с Толей Гугосяном она получила за свою работу бронзовую медаль и денежную премию Выставки достижений народного хозяйства.

А Сережа Пелконен, тот самый, что так неподражаемо умеет делать серьезное лицо, покидает академию. Дирекция заповедника «Кивач» пригласила его на постоянную работу лаборантом. Сережа кончил восьмилетку, поступает на заочное отделение лесотехнического техникума. Будет работать и учиться. Ему даже жилье в заповеднике предоставляют. А что? Берендей Пелконен одинаково хорошо управляет с бензопилой «дружба» и с прививкой черенков на растения, свободно



чувствует себя и за лабораторным столом и в заповедном квартале.

## ШКОЛЬНЫЙ ЛЕС

Справедливо кто-то сказал, что есть люди, которые всю жизнь только собираются жить по-новому. Вот-де я завтра... А есть — и другие. Полно, интересно, содержательно живут сегодня. Без сомнения, таковы Берендеи и их товарищи из школьных лесничеств Карелии. И знаете, что они успели сделать только за один год, эти 80 школьных лесничеств?

Посадили лес на площади в 2500 гектаров.

Провели уход за лесом на территории 4680 гектаров.

Собрали 102 тонны шишек сосны и ели на семена, 426 килограммов лекарственных трав.

Изготовили 4139 птичьих гнездовий.

Вырастили саженцев для 425 гектаров леса.

Посадили в городах и поселках 10 000 кустарников и деревьев.

Внушительные цифры! А ведь всего школьников в Карелии — 80 000. Если каждый посадит по пять деревьев — сколько будет? Будет целый школьный лес. Есть такая мечта у Берендеев.

И ведь посадят! И вырастят.

Нам с фотокорреспондентом Б. Черемисиним жаль было уезжать из заповедника. Не потому только, что там места изумительные. Больше всего жаль было расставаться с Берендеями.

Мы стояли у автобуса, вот-вот готового тронуться в путь. А мимо нас шли они. В лес. По своим делам. На лица улыбки. Глаза — лукавые. Будто говорят: «Мы еще не волшебники. Мы только учимся».

Волшебники? Нет, конечно. Но хорошие специалисты из Берендеев, я думаю, получатся. И подлинные патриоты родной земли.



Рассказы наших читателей

## Чертаков

РАССКАЗ

Чертаков — это мой двоюродный брат. Младший. Нынешним летом я жил с ним вместе у бабушки, в селе Поддубки, и о том, какого труда мне стоило перенести его общество, судите сами.

Сразу, как только мы встретились, я сказал себе: «Парень! Держись подальше от этого типа». И пошел от него прочь. Он поплелся следом. Я пришел к выводу, что у него совсем нет гордости, зато нахальства — хоть отбавляй.

На другое утро я был разбужен громовым голосом: «На зарядку становись!» Я сунул голову под подушку. Но какой может быть сон, когда над ухом во всю мощь гремит радио. Я открыл глаза и увидел Чертакова: он посреди комнаты делал какие-то упражнения. «Сбавь звук!» — завопил я. Добившись своего, я укрывшись с головой и снова стал засыпать. Но тут раздался грохот под окном. Я подскочил, высунулся из окна и увидел Чертакова. Стуча молотком, он старался приделать бабушкиному оцинкованному корыту вид лодки.

— Кто тебе позволил взять корыто?! — зорал я.

— Бабушка ушла в магазин и сказала: «Делай, что хочешь».

Чтобы не слышать стука и грохота, я ушел на задворки, к реке. Вскоре туда же приволокся и он со своим корытом. Довольно-таки храбро он полез в воду, взгромоздился на корыто и, барахтая в воде руками, поплыл к другому берегу. Сначала его корабль держался на воде неплохо, но вскоре центра тяжести переместился, и корыто, прощально блеснув оцинкованным дном, пошло ко дну. Я полез в воду спасать своего двоюродного брата.

Корыто нашел сразу, Чертакова нигде не было. Вынырнув в очередной раз, я вдруг увидел: Чертаков сидит на берегу и у ног его — совсем как в сказке — разбитое корыто.

Я вылез на берег, взял Чертакова за ворот, он подцепил свое Кон-Тики, и так, грохоча корытом и поднимая пыль, мы двинулись к дому.

Бабушка, увидев, что стало с корытом, ахнула и сразу же накинута на меня. Я предвидел такой финал и не удивился.

После обеда Чертаков сказал мне ангельским голосом:

— Бабушке уже полегчало. Пойдем ловить рыбу.

...Пока мы ловили рыбу, у моего брата созрел новый план. Он подошел к камню, лежащему на берегу, и попытался поднять его. Но — мало каши ел, — камень оставался на месте. Тогда я, как старший брат, подошел, пнул камень ногой и понес туда, куда меня подзывал Чертаков. «Зачем ему понадобился этот камень?» — размышлял я, подходя к краю небольшого обрывчика. Я поднял камень одной рукой повыше, дабы мой братец воочию убедился, что сил у меня достаточно и при случае могу продемонстрировать...

Мой вой испугал, наверно, не только Чертакова, но и лягушек, которые попрыгали в воду. Камень с моей руки сорвался и ударил по ноге.

Чертаков с сожалением посмотрел на мою ногу, принес какую-то доску и еще один камень, поменьше, и устроил трамплин для прыжков в воду. А я сидел на берегу, смотрел, что он делает, и думал: долго мне еще страдать по его милости?

А ведь всего-то ему девять лет. Что же будет дальше?

Володя Палагутин, 8 класс,  
поселок Джалтыр Целиноградской области

## ОБЫКНОВЕННЫЕ И НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ,

о которых я хочу рассказать, случились в начале прошлого века в Петербурге и Москве.

Но, может быть, вам знакомы эти приключения. Поэтому не стану пересказывать их, а только скажу, что многие удивительные события, о которых пойдет речь, произошли с молодым человеком, приехавшим в 1805 году в Петербург из Парижа, где он учился. Этот молодой человек был незаконным сыном вельможи, владевшего миллионами. Вот оглавление книги, которую можно было бы написать о нашем герое:

### Часть I. ВНЕБРАЧНЫЙ СЫН

- Глава 1. Сын миллионера приезжает из Парижа.
- Глава 2. Роковое пари.
- Глава 3. Полицейский на медведе.
- Глава 4. Тайна мозаикowego портфеля.
- Глава 5. Граф умер — да здравствует граф!

### Часть II. ВЕЛЬМОЖА

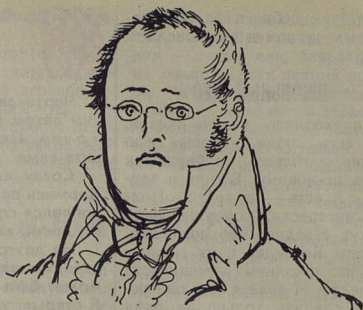
- Глава 1. Красавица любит табакеркой.
- Глава 2. Граф в халате.
- Глава 3. Свадьба.
- Глава 4. Добрые дела миллионера.
- Глава 5. Дуэль.
- Глава 6. Новая любовь.

### Часть III. ПЛЕННЫЙ

- Глава 1. Великая битва.
- Глава 2. Графа подозревают.
- Глава 3. Миллионер исчез из дома.
- Глава 4. Переодетый граф ищет оружие.
- Глава 5. Встреча с любимой.
- Глава 6. Пистолет в руках сумасшедшего.
- Глава 7. Убить Наполеона!
- Глава 8. Граф спасает ребенка из плающего дома.
- Глава 9. Ожерелье красавицы-армянки.
- Глава 10. Под конвоем французских улан.

### Часть IV. СЧАСТЛИВЕЦ

- Глава 1. Суд над поджигателями.
- Глава 2. Русский граф и французский маршал.
- Глава 3. Расстрел.
- Глава 4. Лиловая собачонка.



Глава 5. Освобождение.

Глава 6. Граф встречает любимую.

Эпилог. Счастливая семья графа.

Надеюсь, что вы узнали человека, о жизни которого пойдет речь. Это Пьер Безухов, герой романа Толстого «Война и мир». Оглавление книги выглядело бы примерно так, если бы ее написал другой писатель, не Толстой. Одни только приключения Пьера в занятой французами Москве могли бы составить увлекательнейший роман вроде «Графа Монте-Кристо».

Подумать только, этот богатый, одевший и вооруживший на свои средства полк в тысячу солдат (вспомните, сколько усилий нужно было приложить д'Артаньяну, чтобы купить себе лошадь и мундир мушкетера); этот миллионер прячется в чужом доме, в соседней комнате с сумасшедшим, просит чужого слугу достать ему кучерской кафтан и пистолет!

От кого он прячется? Тут сплетение обстоятельств, достойное романов Дюма. Всесильный главнокомандующий Москвы Растопчин недоумен его связями с подозрительными лицами и требует, чтобы он немедленно покинул город. Но он не хочет уезжать из Москвы, потому что решил убить Наполеона и тем спасти свое отечество и всю Европу. Кроме того, его жена-красавица требует развода, и наш герой избегает объяснений с ее посланным...

Пистолет, который ему достали, попадает в руки сумасшедшего — тот стреляет в вошедшего в дом французского офицера. Наш граф отводит руку безумца и спасает француза... Какая трогательная сцена дружбы двух вчерашних врагов! В порыве откровенности благородный граф открывает новому другу великую тайну своей жизни: он много лет любит одну женщину, любил ее еще девочкой, и эта любовь останется с ним навеки.

Наутро после разговора со спасенным французом граф отправляется исполнить свое намерение и убить Наполеона. Правда, пистолет



ему не удастся спрятать, приходится взять ту-пой кинжал, но это его не смущает.

По дороге он встречается рыдающую женщи-ну. «Девочка!.. Дочь...» — кричит женщина. — «Дитяtko мое милое, сгорело! сгорело!»

Благородный граф, конечно, бросается на помощь и находит ребенка в саду горящего дома. Вернувшись с девочкой, он уже не на-ходит ее родителей, но зато встречает моло-дую армянку, показавшуюся ему «совершен-ством восточной красоты».

Французский солдат пытается сорвать с кра-савицы ожерелье. Но наш граф «бросился на француза и, прежде чем тот успел вынуть свой тесак, уже сбил его с ног...» Чем не граф Мон-те-Кристо со спасенной им гречанкой Гайде?

До сих пор судьба благоприятствовала гра-фу, но теперь она стала к нему сурова: «из-за угла показался конный развезд французских уланов» — и граф был взят под конвой. В нем заподозрили лицо значительное, и, кроме того, все видело его гигантскую физическую силу, поэтому к нему приставили еще четырех улан сверх нормы.

На долю графа выпало еще много испыта-ний. Его судили как поджигателя. Он предстал перед самым жестоком из французских мар-шалов — Даву; на его глазах расстреляли пять арестованных, а он стоял шестым.

Но, конечно, все кончается хорошо — граф освобожден из плена русскими партизанами; жена его умерла, и он может теперь жениться на любимой; в эпилоге мы видим крохотного сына на громадной ладони графа; все приклю-чения кончились; впереди — покой и радость...

Вот такую увлекательную книгу мог напи-сать Лев Толстой — ведь все хитросплетения судьбы Пьера Безухова взяты из его романа, придуманы им. Почему же он не написал при-ключенческого романа, а написал «Войну и мир», читать которую некоторым из вас ка-жется скучным? Неужели потому, что не умел?

Лев Толстой умел все. Но он не хотел пи-сать роман о приключениях.

Чтение, увлекательное только по событиям, сменяющим одно другое: спор из-за наслед-ства — завещание — богатство — свадьба — дуэль — плен — расстрел — спасение — опять свадьба — такое чтение приятно и ин-тересно, может быть, всем, но необходимо оно только неразвитому уму. Лучшие образцы приключенческой литературы — скажем, «Три мушкетера» — непременно несут в себе не только смену событий, но и то, что трогает на-ши чувства: нравственные идеалы. Мы любим Д'Артаньяна не потому только, что он победил во многих дуэлях, перехитрил Ришелье и при-вез королеве ее подвески.

Мы любим Д'Артаньяна прежде всего по-тому, что он был честным человеком и верным другом, умел любить, защищал достоинство женщины, был благороден, смел и добр. Без

всех этих качеств Д'Артаньян не был бы нам так дорог.

Лев Толстой умел придумывать острые, за-хватывающие сюжеты — мы видим, что умел. Но книги, в которых главное — внешняя увле-кательность, были для него литературой второ-го сорта.

Он писал свои книги не для того, чтобы про-сто развлечь нас. Ему хотелось, чтобы мы учи-лись думать и чувствовать, чтобы мы узнава-ли в его героях себя и сверяли себя с ними, чтобы наша жизнь становилась глубже и зна-чительней; он своими книгами стремился сде-лать нас богаче.

Поэтому у него Пьер, проходя все свои тя-жкие испытания, прежде всего думает. Поэто-му у него Пьер вовсе не всегда героичен, чаще он смешон, нелеп, совершает ошибки и кается в них.

Еще в начале романа, в гостиной Анны Пав-ловны Шерер, Пьер все время врывается в раз-говор и говорил не то, чего от него ждали. Уходя, он надел вместо своей шляпы генераль-скую, с плюмажем, и в ту же ночь поехал в разгульную компанию Долохова и Анатолия Курагина, пил с ними, посадил полицейского на медведя и пустил плавать по Фонтанке... Он женился на низкой и бездушной женщине, пле-нившись ее красотой; он стрелялся с Долохо-вым; его попытки облегчить положение своих крестьян не принесли никакого успеха; он сми-рился и стал жить в Москве, «как в старом ха-лате», уютно и бездельно. Но в течение всех этих лет в его душе шла громадная умственная, духовная работа, которой сужде-но было вылиться в начале войны 1812 года. Отправившись на Бородинское поле, Пьер по-нял и оценил простых людей — солдат и опол-ченцев. Всю ночь после этого он решал для се-бя вопрос: как ему—графу Безухову—приоб-щиться к жизни народа. Может быть, в эту ночь он сделал свой первый шаг к декабриз-му — передовому революционному движению того времени.



Но путь его нелегок и непрост, много раз ему бывало и страшно, и стыдно, и больно, и радостно.

Да, перед приходом французов в Москву Пьер ушел из дома, спрятавшись одновременно от графа Растопчина, французских солдат и посланца своей жены Элен. Но главное, от чего он ушел, — от своей прежней жизни, заполненной ненужными делами и ненужными людьми; ушел к внутренней свободе, к новой естественной жизни, которая, как ему казалось, могла начаться сейчас, когда война сломала все вокруг и всех сдвинула со своих мест.

В приключенческом романе автор может не показывать читателю, как изменяется характер его героя. Мы с радостным удивлением узнаем в мудром и сдержанном графе Монте-Кристо простоватого матроса Дантеса; нам даже понятно, что изменения этого характера произошли под влиянием аббата Фариа. Но мы не присутствовали при духовном росте будущего графа Монте-Кристо. Нам довольно того, что человек изменился; теперь он живет иначе, поступает иначе.

У Толстого двадцатилетний Пьер в салоне Анны Павловны и тридцатипятилетний Пьер в эпилоге — член петербургского тайного общества — разные люди; и самая важная для Толстого писательская задача — заставить нас увидеть своими глазами, как изменился характер Пьера, как неопытный юноша становится зрелым человеком с огромным будущим.

Вот это как мы видели на протяжении многих страниц романа; через всю жизнь Пьера прошло мучительное недовольство собой, стремление улучшить и воспитывать себя.

В занятой французами Москве он решает убить Наполеона «с тем, чтобы или погибнуть, или прекратить несчастье всей Европы». Благородно? Очень. Достоинство Атоса и графа Монте-Кристо. Но Атосу и графу Монте-Кристо все удавалось, потому что живут они в книгах. А Пьер живет в настоящей жизни...

Он еще не тот сильный духом человек, разумный организатор, умеющий все предвидеть и ничего не забывать, каким он станет в эпилоге. Он только еще двигается по своему пути — и в нем жив нелепый юноша, так же страстно защищавший Наполеона в гостиной Анны Павловны, как теперь он хочет его убить.

Предприятие Пьера обречено на провал, но мы, как и он сам, не сразу понимаем это. Он собирает душевные силы, но не умеет подумывать о том, что пистолет велик: его нельзя спрятать под одеждой; что нужно не только размышлять, хватит ли решимости убить Наполеона, но, прежде всего, точно знать, когда и где он пройдет.

Оставшись в Москве, Пьер решил скрыть свое знание французского языка. Но при первой же встрече с французом Рамбалем, кото-



рого он, действительно, спас от выстрела сумасшедшего, Пьер забывает свое решение не говорить по-французски. Спасение происходит вовсе не героически: Пьер напуган не меньше Рамбала, и совсем он не хотел оказаться в положении благородного рыцаря, спасающего своего врага...

Еще более нелеп и даже стыден внезапный порыв откровенности, заставивший Пьера рассказать Рамбалу всю историю своей любви к Наташе — то, чего он не мог бы рассказать ни одному человеку на свете.

Наутро, измученный угрызениями совести, Пьер собрал всю свою решимость, чтобы все-таки выполнить намерение убить Наполеона. Но теперь он понял наконец, что пистолет не годится, — и взял тупой кинжал, может быть, подсознательно понимая и то, что никого этим кинжалом не убьешь.

Зачем Толстой рисует все поступки Пьера в таком странном, почти смешном виде? А затем, что они придуманные, неестественные. Убить Наполеона — трудный и сложный замысел, для его выполнения нужна не только отвага, но хладнокровие, умение все взвесить, обдумать — этого-то умения у Пьера нет.

Зато у него есть доброта — и когда он бежит по разрушенным дворам в горящий дом искать чужую девочку, этот его поступок так же естествен, как естественно он бросается





на помощь женщине, с которой срывают ожерелье. Пересказывая этот эпизод как бы для приключенческого романа, я позволила себе совсем немного сократить слова Толстого, потому что полностью они бы никак не подошли для рассказа о мужественном графе.

На самом деле, у Толстого написано так: «Он бросился на босого француза и, прежде чем тот успел вынуть свой тесак, уже сбил его с ног и молотил по нему кулаками».

Выделенные мною слова снижают героическую окраску происходящего. Боей француз! В приключенческом романе ему бы следовало быть по крайней мере в доспехах. И может ли благородный герой молотить кулаками по своему противнику!

Все, что случается с Пьером, происходит просто, совсем не возвышенно — как в жизни. И в плен его берут без всяких красот: «Он бил кого-то, его били и... под конец он почувствовал, что руки его связаны...»

Но после придуманного, неестественного плана убийства Наполеона, которым Пьер «мучился, как мучаются люди, упрямо предпринявшие дело невозможное — не по трудностям, но по несвойственности дела со своей природой»; после того как он провел несколько дней в поисках решимости, — Пьер на пожаре «как бы вдруг очнулся к жизни после тяжелого обморока».

Здесь было его место, здесь он «почувствовал себя освобожденным от тяготивших его

мыслей. Он чувствовал себя молодым, веселым, ловким и решительным».

Оказалось, что спасти чужую девочку легче, чем нести ее, прижимая к себе: испуганный ребенок визжит «отчаянно-злым голосом» и кусает своего спасителя «сопливым ртом». Но Пьер «сделал усилие над собою, чтобы не бросить ребенка», преодолел чувство гадливости. Все это гораздо менее героично, чем ходить по Москве с кинжалом за пазухой в поисках Наполеона, но требует не меньших душевных усилий, и Пьер находит в себе силы, чтобы в нем победило добро.

В последнюю минуту, когда его уводят французские солдаты, Пьер вдруг возвращается к прежнему неестественному, выдуманному миру: «сам не зная, как вырвалась у него эта бесцельная ложь», он заявляет французам, что спасенная им девочка — его дочь.

Этот детски-нелепый, мальчишеский поступок удивил самого Пьера и удивляет нас. Но такие «срывы» могут случиться с каждым человеком на его пути к зрелости, и Толстой не боится показать их, как не боится представить Пьера в смешном или недостаточно героическом виде. Главное для Толстого — не вызывать у читателей слепое восхищение героем, а заставить нас сочувствовать, сострадать ему, жить его жизнью, разделять его сомнения. Восхищение же придет в свой час, когда Пьер достигнет той нравственной высоты, к которой он стремится с первых страниц романа.

## ПЕТЯ РОСТОВ

«Офицер этот, очень молоденький мальчик, с широким румяным лицом и быстрыми, веселыми глазами, доискался к Денисову и подал ему промокший конверт.

— От генерала, — сказал офицер, — извините, что не совсем сухо...»

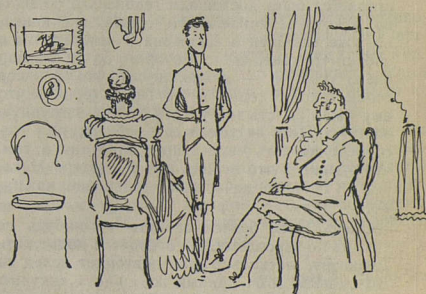
Так мы знакомимся с Петей Ростовым, хотя видели его с первых страниц: толстый маленький мальчик, поспоривший с Наташей, что на именинном обеде она задаст свой отчаянно-веселый и совершенно не предусмотренный хорошим воспитанием вопрос о пирожном; он вертелся вокруг Николая и Денисова, приехавших в отпуск, как всякий мальчишка, который восхищается старшим братом-военным; но мы все еще не замечали его: он маленький...

Когда пришло письмо от Николая о его ранении, девятилетний Петя сурово сказал сестрам: «Вот видно, что все вы, женщины, — плаксы... Я так очень рад и, право, очень рад, что брат так отличился. Все вы нюни!.. Кабы я был на месте Николушки, я бы еще больше этих французов убил...»

Он с упоением играл во взрослого мужчину — эта игра продолжалась до самого 1812 года, до наступления новой войны:

«— Ну теперь, папенька, я решительно скажу — и маменька тоже, как хотите, — я решительно скажу, что вы пустите меня в военную службу, потому что я не могу... вот и все...»

И вот Петя на войне. Что он знает о ней? «Ему все казалось, что там, где его нет, там-то теперь и совершается самое настоящее, герой-



ское. И он торопился поспеть туда, где его теперь не было».

Взрослые люди, окружающие Петю, стараются уберечь его. Генерал, у которого он служит ординарцем, «помяная безумный поступок Пети в Вяземском сражении, где Петя, вместо того чтобы ехать дорогой туда, куда он был послан, поскакал в цепь под огонь французов и выстрелил там два раза из своего пистолета, — отправляя его, генерал именно запретил Пете участвовать в каких бы то ни было действиях Денисова».

Но Петя не послушался генерала, как не послушался позже Денисова и даже Долохова — какой же мальчик в шестнадцать лет, считая себя взрослым, слушается благоразумных указаний старших?

На войне 1805 года мы видели Николая Ростова таким же юным мальчиком. Но Петя не повторяет своего брата, он другой. Сообщив Денисову, что уже был в сражении под Вязмой, он рассказывает, как «там отличился один гусар». Николай в его возрасте непременно рассказал бы о своих подвигах — не заметил бы, как приврал. Петя все время боится завратиться, он очень честен. Передавая казаку саблю, чтобы тот ее наточил, Петя сказал было: «затупи!» — он хотел сказать «затупилась», но тут же поправился — он боялся солгать: «она никогда отточена не была».

Николай, как и Петя, страстно хочет выглядеть взрослым; он подражал Денисову — в этом нет ничего плохого. Но Николай никогда не показал бы своей жалости к пленному мальчику-французу и ничем бы не выдал своих чувств. Петя мучается, что его сочтут маленьким, но все-таки спрашивает, нельзя ли накормить пленного.

Познакомившись, наконец, с Петей, мы узнаем в нем черты его семьи и любимея им: он такой добрый, открытый, чистый! Готов раздать все свои покупки, всем верит, даже маркитанта, продающего свои товары втридорога, считает очень честным.

Попав в отряд Денисова, Петя все время старается быть достойным героического общества, в которое привела его судьба. Он, конечно, уже влюблен в Денисова и «решил сам с собою, что генерал его, которого он до сих пор очень уважал, — дрянь, немец, что Денисов герой, и есаул герой, и что Тихон герой, и что ему было бы стыдно уехать от них в трудную минуту». Петя — совсем еще ребенок, но у этого ребенка есть четкие представления о том, что стыдно и что нужно; как его сестра Наташа, он страстно хочет жить правильно, как надо.

Очень Петя боится сделать что-нибудь не так, не по-взрослому. Он старается подражать Денисову, несколько раз повторяет вслед за Долоховым, что «привык все делать аккуратно», но детское все-таки побеждает в нем: «Я

привык что-нибудь сладкое», — вырывается у него.

Отправившись с Долоховым в лагерь французов, Петя романтически шепчет: «я живым не отдамся», а когда все кончилось, нагибается к Долохову, чтобы поцеловать его.

Но вот что удивительно: жестокий, суровый Долохов «поцеловал его, засмеялся и, повернув лошадь, скрылся в темноте». Мы же знаем Долохова — ему ничего не стоило так оборвать мальчишку, что Петя бы сутки корчился от стыда. Почему же Долохов простил мальчишку его чувствительность — и, может быть, даже сам поддался ей?

Вероятно, потому, что во время их отчаянной поездки Петя, замирая от страха, ни разу этого страха не выдал. Мы ведь помним его брата в первых сражениях — Николай не мог превозмочь себя. А Петя может. С ужасом он убеждает себя, что Долохов не уходит от костра, где сидят французы, расспрашивает, вызывая подозрения... Как легко было бы мальчику самому растеряться! Долохов очень неосмотрительно взял его с собой в разведку, но Петя не подкачал, и это понравилось Долохову.

В ночь перед сражением Петя в полусне слышит музыку и командует ею, и чудится ему, что он создает звуки... «Валей, моя музыка! Ну!» — думал Петя, и звуки слушались его, и он был счастлив. Огромный, никому и даже самому Пете еще неизвестный мир жил в нем — мир, полный красоты и добра.

Не готов Петя к войне и ее жестокости, не понимает он войны. Когда Денисов сказал о Тихоне Щербатом: «Это наш пластун. Я его посылал языка брать», — Петя «решительно не понял ни одного слова», хотя и не показал этого. Он чувствует неловкость при мысли о том, что Тихон только что убил человека, и при споре Долохова с Денисовым о пленниках: Денисов посылает их в город, Долохов расстреливает — Петя инстинктивно старается не понимать этого.

Слушая и наблюдая вместе с Петей, мы видим беспощадность войны, которой он не хочет замечать, потому что играет: то приготавливается к тому, «как он, как следует большому и офицеру, не намекая на прежнее знакомство, будет держать себя с Денисовым»; то страстно просится «в самую... в главную...», умоляет: «мне дайте команду совсем, чтобы я командовал... ну что вам стоит?»

Это «ну что вам стоит?» — детское представление о том, что взрослые все могут, — ранит больше всего, когда читаешь о Пете.

С этим детским представлением он пришел на войну, выстрелил два раза из своего пистолета, накупил у маркитанта изюма и кремней, наточил саблю... Но он выдержал поездку с Долоховым в лагерь французов, потому что играл в свою игру изюм всех сил.

На рассвете, когда невыспавшийся Петя сно-





ва бросается к Денисову с мольбой: «вы мне поручите что-нибудь? Пожалуйста... ради бога...» — Денисов делается суров с ним:

«— Об одном тебя попрошу, — сказал он строго, — слушаться меня и никуда не соваться».

Самое трагическое — контраст между волшебным миром, в котором еще ночью чувствовал себя Петя, и правдой войны, в которой живут все остальные.

Казалось бы, Толстой покажет это сражение глазами Пети, как он всегда делает: Шенграбен мы видели глазами князя Андрея и Николая Ростова; великую битву при Бородине — глазами Пьера... Но на этот раз нам помогает смотреть сам Толстой, не скрывая жестокого быта войны: Денисов ехал молча, стало светать, лошади скользили, туман скрывал отдаленные предметы, один француз «упал в грязь под ногами Петинной лошади...»

Петя не видит всего этого, не слушает Денисова, кричащего на него, — он живет в своем выдуманном, сказочном мире.

«— Ура!.. Ребята... наши... — прокричал Петя и, дав поводья разгорячившейся лошади, поскакал вперед по улице... к тому месту, где гуще был пороховой дым».

Тогда-то и столкнулись два мира: войны и игры в войну. «Послышался залп, провизжали пустые и во что-то шлепнувшие пули». С чудо-

вишной простотой мир войны обрушился на Петю: «во что-то шлепнувшие» — это в него.

Как когда-то под Аустерлицем князь Андрей почувствовал, словно его ударили палкой по голове, — так и теперь все произошло ужасающе просто: казаки увидели, что Петя «тяжело упал на мокрую землю», и «быстро задержались его руки и ноги, несмотря на то, что голова его не шевелилась».

Денисов увидел «еще издали, то знакомое ему, несомненно безжизненное положение, в котором лежало тело Пети», и все-таки не поверил, все-таки вскрикнул: «Убит?!»

Сколько убитых видел Денисов! Но, может быть, только над телом этого мальчика он окончательно понял, что с каждым убитым уходит целый мир — и уходит безвозвратно. Навсегда.

Так что же получается? Выходит, напрасно и бессмысленно погиб прекрасный мальчик, который мог бы жить и нести людям свой талант доброты, душевной щедрости, веселья — и многие таланты, еще не раскрывшиеся в нем?

Война беспощадна и не выбирает, кому сохранить жизнь. Это знает Толстой, севастопольский офицер, учитель яснополянской школы, писатель-гуманист. Но он знает и другое: Петя Ростов впитал в себя чувство, охватившее самых разных людей, когда войска Наполеона пошли по России.

Это сложное чувство заставило старого немощного человека — главнокомандующего Кутузова — взять на себя ответственность за судьбу России, решиться отдать врагу Москву, чтобы сохранить армию и спасти страну.

Это же чувство заставило смоленских купцов жечь свои товары, чтобы не достались французам, а московских барынь — сниматься с насиженных мест и уезжать в дальние деревни, чтобы не жить при оккупантах. Движимые этим чувством, приходят на поле Бородина такие разные люди, как Пьер, князь Андрей, Долохов, и Наташа выбрасывает имущество всей семьи, чтобы вывести из Москвы раненых.

Это сложное чувство называется патриотизмом: как и все лучшие человеческие чувства, оно естественно — никто из описанных Толстым людей не думает, что совершает смелый или героический поступок. Все они просто не могут поступать иначе.

Мальчик Петя пошел на войну потому, что не мог не пойти. Он погиб раньше, чем научился воевать, но он уже умел думать о своей стране больше, чем о себе, — научился жить по законам чувства, которое называется патриотизмом. И это значит, что свою короткую жизнь он прожил недаром.

*Рисунки А. Сленкова*

# СКАЗКА О ДОБРОМ МУРАВЕЕ

Кайсын Кумес



Лез по тропе с поклажей Муравей  
И вдруг увидел дикую Козу.  
Она застыла под скалой, внизу,  
Склонила голову в тени ветвей.

— Чем опечалена, соседка?  
— Ох,  
Мой сын козленок болен,  
Очень плох,  
Единственный... Пришла ко мне беда!  
— А нет ли для него лекарства?  
— Да,  
Есть травка под названием тилен,  
Старик Козел найти ее велел,  
Под язычок козленку положить,  
И все пройдет, сыночек будет жить.  
Целебная, волшебная трава.  
Да только отыщи ее сперва!

— Как травка называется? Тилен?  
— Ты правильно сказал, душа моя.  
— Коль есть трава такая на земле,  
Клянусь тебе, ее добуду я!  
Нет в мире трав, былинки и цветов,  
Которых бы не знали муравьи,  
Утешь козленка, будет он здоров,  
И горести развеются твои.

И Муравей исчез. Спускалась ночь.  
Он шел и думал про детей своих,  
Припомнил, как тревожился за них,  
Мечтал козленку хворому помочь.

Ему листва шептала: помоги!  
И травы шелестели: помоги!  
Жуки ему жужжали: помоги!  
Кузнечики трещали: помоги!  
В горах стемнело. Не видать ни зги.

А маленький козленок не вставал,  
Друзей-козлят уже не узнавал.  
И солнца свет был для него не свет,  
И все равно, закат или рассвет,  
Все сделалось пустое, ни к чему,  
Что прежде было дорого ему.

Спешил неугомонный Муравей,  
Свою старушку маму разбудил,  
И прямо в ухо глуховатой ей  
Он громко закричал что было сил:  
— Не знаешь, мама, где растет тилен?  
Нет, не полено, а трава — тилен!

— Тилен? Прости, я на ухо слаба,  
Да, помню, как же, в детстве ты болел,  
Спасла тебя волшебная трава.  
Мы с бабушкой твоей ее нашли  
В далекой котловине Тирменли.  
Там, под скалою белой, старый дуб,  
Тилен растет под дубом, на корнях.  
Мы шли туда три ночи и три дня,  
Ни разу не переводили дух. —



Пустился Муравей в нелегкий путь  
По неизведанным чужим местам.  
Ни разу не присел он отдохнуть,  
Палило солнце, дождь его хлестал,  
Он шел голодный и бессонный шел,  
И на рассвете шел, и ночью шел,  
И падал, и вставал, и снова шел.  
На третий день добрался до земли,  
Известной под названием Тирменили.  
Вот белая отвесная скала  
И старый дуб. Под ним трава росла.

В тревоге Муравей: «Ну как же быть,  
Хоть и сумел я травку раздобыть,  
Когда ж ее козленку принесу?  
А если опоздаю, не спасу?

Тут Ворона увидел Муравей:  
— Эй, Ворон, опустишь ко мне скорей,  
Козленок умирает в Текели,  
Нашел я травку на краю земли,  
На крыльях ты лекарство отнеси,  
Козленка заболевшего спаси!

— Прочь!—крикнул Ворон.—Что еще за бред,  
Какая травка? Нужен мне обед:  
Зачем в такую даль я полечу,  
Нет дела мне до вас, я есть хочу!

Вдруг Ласточку заметил Муравей:  
— Послушай, помоги тебе моей,  
Козленок очень болен в Текели,  
Хочу, чтоб крылья травку отнесли.

— Конечно, я доставлю без труда.  
Где эта травка? Дай ее сюда! —  
Взяла — и упорхнула в синеву,  
В даль унесла волшебную траву.

Тяжелою дорогою своею  
Назад побрел усталый Муравей.  
Три дня, три ночи шел — и привели  
Его все те же тропы в Текели.

Вот и козленок. Он совсем здоров,  
Пасется вместе с мамой на лугу.  
Бодается, пьет воду из ручьев  
И через камни скачет на бегу.

— Мой брат, — Коза сказала Муравью, —  
Ты сына моего от смерти спас.  
Я накормлю тебя и напою,  
Прошу, живи до старости у нас!

А для козленка свет, как прежде, мил,  
Вода прохладна и трава вкусна,  
Опять он понял, как прекрасен мир,  
И снова солнцем жизнь озарена.

Все это сделал добрый Муравей,  
Ну как не поклониться Муравью!

Тем, кто в беде не оставлял друзей,  
Я посвящаю сказочку свою.

Перевел с балкарского Я. Аким





РАССКАЗ

*Саотомэ Кацумото*

*Рисунки В. Гусева*

Фотография Икэда находилась на углу асфальтированной улицы.

Очень интересно было заглядывать в мусорный ящик возле этой фотографии.

Откроешь крышку, а там — клубки красных, зеленых и всяких разных пленок, будто змеи,

свернувшись, лежат. А иногда, если повезет, можно вытащить оттуда пустую катушку без пленки — такое колесико из алюминия или латуни.

Колесики попадались разные: большие и маленькие. Маленькие были особенно хороши. И так тщательно сделаны.

Сёдзи подобрал как-то несколько пустых коробочек из-под пленки, проделал в них дырки, прикрепил колесики, и получились автомобили. Целых восемь штук!

Еще бы две коробки найти — и будет десять.

Сёдзи представил себе, как эти десять автомобилей, соединенные ниткой, покатаются по татами<sup>1</sup>, и осторожно открыл крышку мусорного ящика.

Но ящик был пуст. Видно, мусорщик уже успел побывать здесь.

— Тьфу! — плюнул с досады Сёдзи.

Потом, сгорбившись, пошел прочь. Позади громко хлопнула крышка мусорного ящика. Стук этот отозвался во всем теле. И тут Сёдзи подумал, что живот у него также пуст, как этот ящик.

— Как есть хочется! — прошептал он, бредя по дороге. — Живот будто прирос к спине.

Там, где кончалась красная кирпичная стена стекольного завода, на пустыре, валялись керамические трубы, а дальше, вплотную друг к другу, стояло несколько новых домов.

Наверно, это были дома какой-нибудь компании — все одинаковые, как на подбор. Каждый дом огорожен голубым заборчиком.

Сёдзи вдруг остановился.

Коротко стриженная девочка, прильнув лицом к щели в заборе, заглядывала в открытый дом. И было что-то очень знакомое в ее фигуре.

— Мяу! Мяу! — усердно мяукала она, подражая кошке.

Ну, конечно, это была Момоко. Что она тут делает? Сёдзи, радучись, приблизился к ней и хлопнул ее по плечу.

Момоко подпрыгнула, как заводная пружина. Оглянулась и со страдальческим выражением лица прижала руку к груди.

— Что это ты пугаешь? Вот лопнуло бы у меня сердце, что бы тогда было?

— Твое сердце? Да разве оно когда-нибудь лопнет? — презрительно усмехнулся Сёдзи. — Что ты тут делаешь?

— Так я тебе и сказала!

— Ну, ладно. Можешь не говорить. Пожалуйста! Тогда я расскажу людям из этого дома, что ты, как воришка, подглядывала к ним через забор.

Момоко в нерешительности сморщила нос и растерянно улыбнулась.

— Да ничего я не делала. Просто хотела по-

<sup>1</sup> Татами — толстая соломенная циновка размером немного более 1,5 кв. м.



нянчить Нáo-тян. Если он проснется... Только и всего.

— А... Ну-ка, дай-ка я взгляну.

Чтобы убедиться в правоте слов Момоко, Сёдзи вытянул шею и заглянул в шелку забора.

По другую сторону забора цвели желтые патриции, маленький сад был тщательно прибран, а за ним виднелась открытая комната, размером примерно в шесть татами. Там тихо спал ребенок.

И татами и фусума<sup>1</sup> были совсем новыми. Из-за фусумы доносился тихий стрекот швейной машинки.

— Если ты будешь мяукать, как кошка, ребенок проснется.

— Вот и хорошо, Сё-тян!

Откинув со лба густые волосы, Момоко прищурила один глаз и засмеялась.

Вчера, когда она проходила мимо этого забора, Нáo-тян — так звали младенца — визжал, как ошпаренный. Мать носила его за спиной, а он не мог успокоиться.

Момоко взяла да и мяукнула. Малыш тут же умолк, уставился на нее и улыбнулся.

Тогда Момоко сказала: «Тетушка, давайте я его поношу». И целый час она носила ребенка туда-сюда, привязав за спинку.

— А на прощание мне дали сверток из белой бумаги. Когда я его развернула, там оказались вот такие огромные вафли.

— Вафли? Это что — ананас?

— Ох и дикий же ты, Сё-тян! Вафли — это как крембит. Две толстые крышечки, а внутри — крем. Их только на Нихонбаси<sup>2</sup> продают.

— И сколько же тебе дали этих вафель?

— Три. Дома разрезали ножом на части, и всем досталось. Ох и вкусно было! Потом все попросили меня, чтоб я еще раз сходила в этот дом, может, еще дадут...

Таким образом, пребывание Момоко у чужого забора перестало быть загадкой. Момоко хотела нарочно разбудить ребенка, потаскать его на спине и еще раз получить вафли.

Да, это был замечательный план. Сёдзи одобрительно кивнул и, прильнув к щели в заборе, громко завопил:

— Мя-у-у-у!

Его вопль был отлично услышан.

Фусума раздвинулась, и из соседней комнаты вышла худощавая женщина с сердитым лицом. Пройдя мимо постели ребенка, она решительно направилась к забору.

— Ах вы паршивцы!

Сёдзи отпрыгнул от забора и стремглав помчался к стене завода.

— Эх ты, Сё-тян! Рычишь как лев. Соображать надо! — выпалила Момоко, когда они были уже у стены.

— Все равно вафель бы тебе сегодня не досталось.

— Ну и что же! Может быть, она дала бы мне мелочь какую-нибудь.

— Что это ты за живот держишься?

— Очень хочу есть.

— У меня тоже давным-давно живот подвело.

— Слушай, Сё-тян! Не пойди ли нам на кондитерскую фабрику?

— Куда? На какую фабрику?

— А на ту, что за рекой... Там всякие сладости делают. Вокруг белая стена, как у деревнего замка... Нам там много ушек дадут.

— Каких это ушек?

— Пригорелых корочек от печенья. Ох и вкусные же они!

— А их что — всем даром дают?

— Если пойти туда, за реку, может, и дадут.

— На фабрику, значит... Это фабрика Такакара, наверно. Если это фабрика Такара, то я знаю, где это. Там дядюшка Омори хлеб печет. Если его вызвать, он что хочешь даст. Ну ладно, Моко-тян. Пошли.

Сёдзи пул босой ногой камешек на дороге, и они зашагали.

Выйдя из пыльного фабричного квартала, они оказались на шумной, многолюдной улице, где как раз в это время шли извилистой вереницей люди-рекламы. Гудели флейты, грохотали барабаны.

Ребята прошмыгнули у них под ногами на другую сторону улицы.

Мимо продовольственных лавок, над которыми колыхались плакаты, возвещающие о «большой распродаже», непрерывным потоком шествовали домашние хозяйки с корзинками.

А между ними туда и сюда сновали дети.

Момоко вдруг куда-то исчезла. Оказывается, увидела Такко и Какко, своих младших сестренки. Но быстро вернулась.

— Сказали, что отколотят меня, если я по дороге одна все съем. Как будто мне от их щелчков и колотушек хоть капельку будет больно, — усмехнулась Момоко.

— Но за реку нужно идти по большому мосту. Далековато. А ты сама ходила на ту фабрику?

— Меня недавно старший брат на велосипеде возил. Мы тогда целый мешок ушек привезли.

— И вам все даром дали?

— Конечно. Ведь люди эти уши не едят.

— Как не едят? Почему?

— Ничего-то ты не знаешь, Сё-тян. У дорожного печенья ушики обрезают, и эти ушики с удовольствием едят коровы и свиньи. Ты думаешь, отчего они такие толстые?

— Да ну? — изумился Сёдзи.

И откуда Момоко все знает? Ну, конечно, если эти самые ушики идут на корм свиньям, то немножко можно дать и людям. А если попро-

<sup>1</sup> Фусума — раздвижная стена, оклеенная бумагой.

<sup>2</sup> Нихонбаси — улица в Токио.

силь дядюшку Омори, может быть, он и настоящего печеня подбросит.

Сёдзи еще ни разу не был на фабрике, где работал дядюшка Омори. Он только знал, что находится она где-то за рекой. Но это только сказать просто. А ведь надо пройти по дороге вдоль дамбы, потом через переезд, а там будет длинный-предлинный мост. Не так-то близко.

— А что будем делать, если нас застанет ночь?

— Ага! Значит, ты боишься, Сё-тян? Кого же? Обратной?

— Не говори глупостей, — сверкнул глазами Сёдзи. — Ты что, не знаешь, что на переезде видели голубой призрак? Он колыхался над рекой, искал кого-то. Обратной я не боюсь, а вот призраки... Это не шутка.

— Не бойся! Если кто и появится, я сразу его проглочу, как сырое яйцо, — засмеялась Момоко.

— Ишь, какая храбрая! А у самой, наверно, как увидишь призрак, сразу коленки задрожат.

— У кого? У меня? Или у тебя?

— Ах так! Ну, ладно. Покаянемся же ни за что не убежать, если увидим призрак!

Они остановились и скрепили клятву, сцепив мизинцы рук и тряхнув ими.

За переездом нужно было еще долго идти по дороге вдоль дамбы, до большого моста.

Поднялся ветер. Камыши на берегу реки шумно качались, отливая серебром. Над ними пыло ослепительно сверкающее небо. Из труб химического завода на противоположном берегу тонкой ниточкой струился в небо бурый дым.

Они шли, уже тяжело дыша, как усталые собаки. А когда наконец добрались до длинного моста, коленки у них тряслись мелкой дрожью. На мосту кое-где зияли дыры, и сквозь них был виден темный речной поток. Но ноги у них тряслись не только оттого, что они шли по дырявому мосту. Кругом стало темно, нестерпимо хотелось есть, а забрели они уже очень далеко, и от всего этого было жутковато.

Но теперь, когда они столько прошли, уже не имело смысла возвращаться назад.

За большим мостом был еще один мост поменьше. Они, опершись на его перила, взглянули вниз. Там, словно листья, качались на воде несколько лодок. Над железными печками, установленными на лодках, струился белый дым. Сёдзи вдруг очень захотелось домой.

— Устал, Сё-тян? — тихо спросила Момоко. Сёдзи молча кивнул головой.

— Уже скоро. Вон, видишь, виднеется треугольная крыша с зубчиками? Так это рядом с ней, там, где торчит черная труба.

— А... вон где! — сказал Сёдзи осипшим голосом.

Ему представилось, как будут улыбаться То-си и мама, когда он вернется домой с «ушками», и, ссутулившись, он снова пошел вперед. За ним, боясь отстать, быстро шагала Момоко.

Небольшая, обнесенная белой стеной фабрика Такара была как бы втиснута между резиновым заводом и закопченным дочерна металлургическим комбинатом.

Когда они подошли наконец к главным воротам, на них внимательно уставился сквозь очки охранник с красным лицом и суровыми усами торчком.

Они бросились от него бежать и попробовали пробраться во двор завода через задние ворота.

В воротах стоял грузовик, а рядом толкал тележку мужчина в светлой, кремового цвета, спецовке.

— Нет ли здесь дядюшки Омори? — спросил Сёдзи, вытянувшись во весь свой рост, чтобы казаться выше.

— Омори, говоришь?

— Дядюшка Омори, такой тощий, как москит.

— Ха-ха! Здорово это вы его прозвали... Похож, похож на москита. Подождите здесь.

Мужчина остановил тележку и исчез в дверях фабрики.

Вскоре вместо него появился дядюшка Омори в белом фартуке. Увидев Сёдзи, он широко раскрыл глаза от изумления.

— Вот как! Сёдзи!

— Дядюшка, я за ушками пришел, — сказал Сёдзи тихо.

Дядюшка Омори в нерешительности почесал рукой подбородок. «Разве что крошки им принести?» — сказал он сам себе и скрылся в дверях.

Вскоре он вернулся, держа в руках два больших бумажных мешка. Каждый получил по мешку. Сёдзи чуть-чуть приоткрыл мешок и заглянул внутрь. Там были кусочки печеня с изюмом. Ему стало вдруг очень жарко. «Вот это да!» — весело засмеялся он.

— И это все даром? — осторожно спросила Момоко.

— А разве с малышей берут деньги? — сказал дядюшка Омори, улыбнувшись, отчего в уголках его глаз собрались морщинки. — Ну, бегите скорее домой, а то уже поздно. И будьте осторожны.

— Спасибо, дядюшка!

За воротами они еще обернулись, помахали ему руками.

Фартук дядюшки Омори уже едва белел, а здание фабрики и грузовик, стоявший перед воротами, слились в одно черное пятно.

С каждым шагом становилось все темнее и темнее.

Перед деревянным мостом они не утерпели и заглянули в бумажные мешки.

Там было много всевозможных кусочков от





печенья, и среди них попадались такие, каких Сёдзи никогда и в глаза не видел. Он взял один из кусочков и поднес к глазам. Ах как вкусно он пахнул! Сёдзи даже облизнулся.

— Моко-тян, давай съедем на ходу немножко печенья.

— Нет, я буду есть, когда вернусь домой. Ведь Такко и Какко ждут меня.

— Ну, тогда и я не буду есть.

— Давай лучше пойдем поскорее!

— Давай!

Они почти бежали, прижимая к груди бумажные мешки. Когда прошли почти всю дамбу и добрались до старого моста, стало уже совсем темно.

Сёдзи шел чуть-чуть впереди Момоко, держась за перила.

Иногда мимо них на большой скорости проносились грузовики с яркими фарами. Тогда мост сильно качался и дрожал. За грузовиками мчались трехколесные фирменные автомобили. Позванивая, проносились велосипедисты. Прохожих было почему-то мало.

Сверху, с плотины, казалось, что черные крышки заводов тянутся бесконечной чередой, как в кино, а вдаль, над пожарной каланчой, мерцал голубой огонек. Словно светлячок.

Ветер совсем стих, и стало легче идти, но тут Момоко порезала босую пятку острым листом травы. Сёдзи плюнул на указательный палец и помазал ранку слюной.

— Как темно уже!

— Сколько сейчас может быть времени?

— Можно подумать, будто в сказке, лишица водит нас за нос, путает нам дорогу...

Они все шли и шли по дамбе, казалось, ей нет конца, и знакомого переезда что-то не было видно. Над рекой пролетела, злоще крича, какая-то черная птица.

На этот раз упал Сёдзи, споткнувшись о камень.

Бумажный мешок с крошками печенья разорвался, и все, что в нем было, высыпалось на траву. Сёдзи чуть не заплакал с досады.

— Сё-тян, держись, уже совсем скоро... — прошептала над его ухом Момоко. Ее шепот показался Сёдзи далеким-далеким, едва слышным.

В траве стрекотали какие-то букашки: «Зы-зы...»

Момоко ощупью собрала рассыпавшееся печенье. Сёдзи крепко прижал к груди мешок, зажав дырку в нем ладонями, и, стиснув зубы, снова зашагал вперед. Сильно щипало колени. Наверно, ободрал кожу.

Пройдя еще немного вперед, Сёдзи внезапно остановился. Широко открытыми глазами он стал вглядываться в темноту.

Далеко впереди виднелся красный огонек — наверно, на переезде. А что это за лиловое пламя колыхается там, слева от огонька?

— Призраки! — выдал из себя Сёдзи ед-

ва слышно. От страха у него не попадал зуб на зуб. — Моко-тян! Смотри! Какие-то странные огни колыхнутся там, вдалеке.

— Что бы это могло быть, Сё-тян?

Огоньки отчетливо отражались в глазах Момоко.

— Знаешь, недавно опять на переезде чело-века задавило. Вот его душа и пляшет там. Думаешь, нет? — дрожащим голосом проговорил Сёдзи.

Ему очень хотелось сбежать с дамбы вниз и броситься прочь, куда глаза глядят. Но он же поклялся! Поклялся никуда не убегать, если увидит призрак. Ему никак не хотелось, чтобы Момоко сказала ему, что он трус.

— Что же делать?

— Пойду узнаю, что это такое. — Голос Момоко прозвучал тихо, но решительно.

— Как? Одна?

— Ну да.

— Зачем же! Я тоже пойду.

Не мог же он нарушить клятву. На трясущихся ногах он поплелся вслед за Момоко в темноту.

Он шел, глядя в спину этой коротко остриженной девочки, и думал про себя, что женщины все же сильнее духом, чем мужчины. Недаром богиня солнца Аматарасу тоже была женщиной!

Два колеблющихся пламени слева от красного огонька явно двигались им навстречу. Казалось, они ползут низко над землей.

Сёдзи отчетливо слышал стук своего сердца.

В город можно было попасть либо через переезд, либо очень дальней дорогой, в обход. Но что же делать, если впереди действительно маячат призраки? Разве не лучше пойти дальней дорогой? — подумал Сёдзи, но не решился высказать это вслух.

— Что это?! — вдруг громко вскрикнула Момоко.

У Сёдзи перехватило дыхание.

В следующее мгновение Момоко оставила Сёдзи и бросилась вперед, к переезду.

Сёдзи ошолбенел.

Он пристально вглядывался в темноту. Там, рядом с лиловыми языками пламени, шевелилось что-то черное.

— Это вы, что ли? Пришли меня встречать? А я-то думала, призраки... — облегченно вздохнула Момоко.

«Призраками» оказались сестренки Момоко — Такко и Какко. Заждавшись сестру, они вышли на дамбу встречать ее с зажженными свечами.

А сейчас, набив рты печеньем, они шумно носились и толкались. Пламя свечей ярко освещало фигурки трех сестер.

Сёдзи совсем обессилел. Он чувствовал, что вот-вот свалится с ног.

Перевела с японского Г. Ронская



# "РА-2" ПЛЫВЕТ К БЕРЕГАМ БАРБАДОСА

## 25. ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Я стоял на вахте. Вдруг услышал крик и увидел, что справа от корабля плывет наша запасная мачта. В ту же минуту на корме появился Жорж и, не долго думая, плюхнулся в воду, вынырнул, схватил веревку, на которой болтался за кормой буй, догнал мачту, оседлал ее и уцепился за веревку недалеко от буя, ожидая, когда мы его вытащим. Общими усилиями Нормана, Тура и Санти мачта и Жорж были извлечены из воды.

На другой день во время ленча Тур заявил, что дело спасения упавших за борт у нас не на высоте.

Слова попросил Норман. Он напомнил, что плавал на кораблях и сам был свидетелем падения людей за борт. Мы в один голос закричали, что все это мы слышали в прошлом году, что всего на памяти Нормана четыре случая и лишь один из них счастливо закончился.

— Хорошо, — невозмутимо заметил Норман, — тогда я расскажу о том, каков должен быть порядок. Первое, — он сделал паузу, — первое — никакой паники.

Жорж довольно хмыкнул.

— Второе, — Норман вновь сделал паузу.

— Второе, — сказал Жорж, — выбросить за борт спасательный круг.

— Нет, — возразил резко и недовольно Норман. — Второе — вахтенный должен оповестить всех, что человек упал за борт!

— Сомневаюсь, что кто-либо станет хранить это в тайне, — заметил Тур.

И мы разразились хохотом. Дальше мы выработали программу, ее в основном изложил Норман:

1. Вахтенный кричит: «Человек за бортом».
2. Ставит лодку против ветра.
3. Не отрываясь следит за упавшим (Норман очень выразительно показал, как надо следить, — он вытаращил глаза и двигал головой во все стороны).
4. Остальные должны спасать — выбросить круг, спустить «Зодиак».

В результате мне, как ответственному за спасение утопающих, пришлось два часа возиться со спасательным кругом, удлинять веревку, привязывать сигнальный огонь.

## 26. СОН

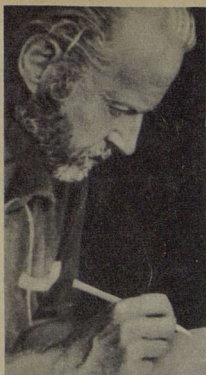
По своей медицинской программе начал проводить наблюдения за сном. Первым

обследовал Санти. Потом занялся Туром и Норманом. Они подошли к опросу с невероятной серьезностью. Особенно много хлопот им доставил вопрос о содержании сновидений. Оба не могли их запомнить и на другой день жаловались, что плохо спали и часто просыпались, все, что снилось, старались удержать в памяти.

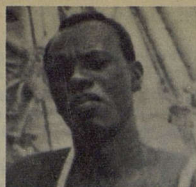
Спим мы неважно. Хижина маленькая, в ней тесно и временами душно. Я долго приспосабливал свою постель, но потом отчаялся и смирился. В прошлом году я спал на этом же месте, оно удобное, в правом переднем углу, но вылезать отсюда и возвращаться приходится по ногам спящих. Еще хорошо, что Жорж, который спит рядом, сменяет меня на ночной вахте, так что при моем возвращении его постель пустует. Собираться же на вахту гораздо сложнее — все время качает, и я падаю на Жоржа. Постель у меня неудобная. Стенка хижины прогнулась, и матрац сползает горбом, я во сне сваливаюсь на того же Жоржа. Он просыпается и толкает меня обратно, я сваливаюсь вправо и прижимаюсь к стенке хижины. А волны бьют в стенку, и я чувствую океан непосредственно на своей спине.

Как и в прошлом году, в хижине полно звуков, слышен океан, треск мачты и мостика...





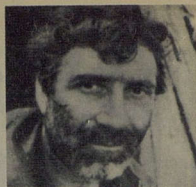
Тур Хейердал,  
Норвегия



Абдулла Джибрин,  
Чад



Норман Бейкер,  
США



Сантьяго Хеновес,  
Мексика

сил и энергии, вернее, почти всегда не полны. Наверное, это от качки, от непрерывно меняющегося биоритма и неполноценного сна.

## 28. ВСЕ НАВЕРХ!

Я шел на кухню мыть посуду. Карло спешил на корму со спиннингом. Вдруг раздался резкий треск. Словно выстрел. Так ломаются весла. Я ринулся назад — огромная лопасть левого весла спокойно плыла за лодкой. С мостика раздался призыв Тура: «Все вверх!» Я бросился к правому веслу, отрезал стопор и попытался двинуть рукоятку вправо до отказа; весло не поворачивалось. Позднее мы поняли, отчего это произошло. Весла сделаны из сосны — мачтовой отборной древесины, они очень толстые и прочные. А рогадины-вилки, в которые вставляются весла, — из железного дерева. Эти вилки еще прочнее и жестче весел, они их как бы «перепиливали» — и почти перепилили.

Через несколько минут нас развернуло и лодка стала к ветру правым бортом. Волны били по корме и хижине с невероятной силой. Все ходило ходуном. Была полная неразбериха. Норман зачем-то снял компас, который был у нас слева, и сунул мне, чтобы я перенес его на правую сторону и следил за курсом. Я растерянно стоял с компасом в руках, пока не услышал голос Тура:

«Плавучий якорь за борт, иначе нас зальет водой! Надо стать под ветер!»

Якоря были в моем ведении, и я прыгнул вниз, где уже орудовал Карло. Мы выбросили маленький якорь. Большой оказался не в порядке — веревки запутались.

С огромным трудом извлекли из воды сломанное весло. Затем решили спустить парус. Он полоскался, и было ясно: что-либо вот-вот выйдет из строя — мачта, ярд, сам парус. Но на лодке практически нет для паруса места, он неминуемо окажется в воде, намокнет и работать с ним будет еще сложнее. После долгих переговоров и перепалок решили спустить парус постепенно и брать рифы.

Лодка легла в дрейф, и мы смогли немного отдохнуть.

## 29. СЛОМАЛСЯ МОСТИК

Утром занялись переносом генератора от рации, который могла залить вода. На корме бурлил океан, волны перехлестывали через брезентовую стенку и сбивали с ног. Генератор укрепили на мостике. Тур и Норман приступили к главному делу: стали стесывать торец весла у отлома, чтобы он лег плашмя на лопасть. Долго привязывали лопасть. Только к вечеру весло было готово.

На следующий день возлизать с правым веслом, пыта-

## 27. КУДА УХОДИТ ВРЕМЯ

Меня часто спрашивают, куда в плавании уходило время, на борту ведь невозможно весь день работать. А я говорил, что все время мы были заняты. Во-первых, не менее четырех часов уходит на вахты. Три часа в день мы тратим на еду, восемь—десять часов — сон. Остается семь часов. Куда они уходят? Я попытался проследить. К примеру, сегодня я потратил четыре часа, чтобы привязать брезент на корме. Казалось бы, пустяк. Но надо брезент подготовить, потом обрезать веревки... Да и нельзя забывать, что если ты, например, пользуешься ножом, то его нужно не просто положить рядом, а укрепить, воткнуть во что-либо...

Всякое маленькое дело здесь отнимает в три-четыре раза больше времени, чем на земле. Даже писанина — ведь писать страшно неудобно. Кроме того, не всегда мы полны

5 июля  
50 дней в океане.

7 июля  
Ливень. Ветер шквалистый.

9 июля  
Волны разнонаправленные. Сильно уклонились к северу от Барбадоса.

10 июля  
Встретились в 19.00 с по-

сланным с Барбадоса судном.

11 июля  
Повернули парус. Свернули на север. Всб. Причалили. Барбадос.





**Карло Маури,**  
Италия



**Жорж Сориал,**  
Египет



**Мадани Аит Охани,**  
Марокко



**Кей Охара,**  
Япония



**Юрий Сенкевич,**  
СССР

лись поднять его, но не смогли сдвинуть с места. Решили использовать таль. И дело пошло.

Только мы закончили все и сели выкурить по сигарете, раздался треск!!! Норман закричал:

— Сломался мостик!

Я похолодел. К счастью, поломка оказалась незначительной. Мы укрепили сломанное и наконец-то пошли отдыхать.

### 30. „КАЛАМАР“, „КАЛАМАР“, КАК МЕНЯ СЛЫШИТЕ?

На тридцать девятый день плавания Тур связался по ради с Ивон. Новости у нее были такие

«Ринг Андерсон» — судно тихоходное и малопригодное для плавания в открытом океане. Поэтому капитан склонен подождать, покуда мы приблизимся к Барбадосу на расстоянии 500—600 миль, и тогда выйти нам навстречу.

Однако может быть счастливая оказия. На Барбадосе находится научно-исследовательское судно ООН «Каламар». Оно может выйти нам навстречу 26-го, встретить нас 30-го и пробыть с нами два дня, но ученые просят ответить на шесть интересующих их вопросов (вопросы касались количества и видов рыб и птиц, которые нас окружают). Если они увидят, что есть резон исследовать этот район океана, то судно выйдет.

Договорились, что ответы на вопросы Тур даст через час. За это время мы общими сила-

ми вспомнили всех рыб, которых видели по дороге.

Наконец Норман запустил движок, а мы все устремились у входа в хижину. Тур надел наушники, взял микрофон и долго говорил с Ивон по-норвежски, и мы, естественно, ничего не понимали и ерзали на скамейке, пытаясь угадать что-нибудь по выражению его лица, но он хранил крайнюю серьезность, смотрел на микрофон, будто нас и не было. Наконец Тур будто случайно увидел нас и заулыбался — мы поняли, что все в порядке. Это весьма нас обрадовало, и атмосфера на лодке резко переменилась.

### 31. ЧТО-ТО ТВОРИТСЯ С КООРДИНАТАМИ

На следующий день после ленча Норман разложил в хижине свои многочисленные карты, выбрал одну с подробными данными берега Венесуэлы, вблизи острова Тринидад, прочитал описание этого района в лощи. Решено было считать конечной точкой нашего маршрута небольшой город под названием Карупан.

На сорок четвертый день пути проснулся от звуков радио и тарыхтения движка. Норман и Тур разговаривали с «Каламаром». Условились, что встреча состоится завтра около пяти утра. «Каламар» находился в этот момент в ста пятидесяти милях от места встречи, а мы — в пятидесяти.

С раннего утра Норман торчал на верхушке мачты и через каждые тридцать минут пускал ракеты и жег аммоналовые шашки.

Мы непрерывно разговаривали с «Каламаром» по радио, обменивались координатами, — но с координатами творилось нечто странное. К вечеру вдруг оказалось, что мы и «Каламар» находимся в одной и той же точке, однако его не было видно.

Наконец решили попытаться использовать радиопеленг. Мы извлекли нашу маленькую радию и долго крутили ручки. Потом связались по большой радиции. С «Каламара» засекали «Ра» и сказали, что скоро нас догонят. Через час мы связались вновь. Они ответили, что видят нас. Тут и мы увидели их. Судно шло за нами со стороны востока.

Утро ясное и солнечное. Мы позавтракали и стали ждать, когда появится «Каламар» — дрейфую ночью, он отстал от нас.

Но вот корабль приблизился, и вскоре Тур был уже на его борту. Жорж занялся перевозками, и к нам стали поступать мешки с овощами и фруктами. Больше всего радости доставило мороженое, которое Жорж приволок в пластиковой посудине. Мороженое было съедено мгновенно.

Следующий день прошел очень приятно — мы принимали и отдавали визиты, ели фрукты, мороженое, беседовали с новыми знакомыми. Когда «Каламар» покинул нас и взял курс на Барбадос, стало грустно.

### 32. ЗЕМЛЯ! ЗЕМЛЯ!

Я помню ее — эту счастливую минуту!

Мы сидим в хижине, опустив



брезентовый полог. Душно, влажно и тоскливо. Ивон сообщила, что правительство острова Барбадос решило выслать нам навстречу небольшой корабль. Проблема сейчас в том, что мы значительно уклонились к северу, а вблизи острова течение изменяет направление и идет тоже к северу. Нам надо постараться спуститься южнее острова, чтобы потом повернуть и пристать к нему с юго-западной стороны. Удастся ли нам выполнить этот маневр?

Десятого июля в семь часов вечера появляется с таким нетерпением ожидаемый корабль.

Но одиннадцатого июля новая проблема — мы все-таки проходим мимо острова. Теперь нужно сворачивать на север.

Над нами кружится маленький самолетик — это нас встречает в океане президент Барбадоса.

...Я не помню кто, да это и не имеет никакого значения, закричал не своим, сумасшедшим голосом: «Земля! Земля! Барбадос!» Сначала мы увидели в бинокль, потом невооруженным глазом — дома и церкви, корабли на рейде, толпу у причала, суда, поднявшие все флаги расцветивания.

Торжественно гремит артиллерийский салют, сделал шаг к микрофону президент острова... А мы? Мы похожи на кучу мальчишек на перемене. Плачет навзрыд Жорж, солиднейший, чопорный Норман подпрыгивает, как молодой кенгуру, хохочет, как ребенок, Тур. Мы обнимаемся, мы целуемся, мы катаемся по палубе, мы хлопаем друг друга по плечу. Мы — экипаж «Ра-2»!

Мы сделали большую, трудную, мужскую работу. Мы кончили Путешествие.

Здравствуй, Земля!

*Литературная обработка  
Л. Эфроса*

Славна и могуча Страна Поэзии. Она простерлась по всем материкам, ее традиции уходят в глубь веков, богатства ее несметны. Однако среди ее владений нет ни обширных земель, ни сверхмогущих заводов. Эта Великая Держава владеет только одним — душой человеческой, чувствами и стремлениями людей. Воина она увлекает на правый бой, гражданина — на борьбу против несправедливости; перед пытливым раскрывает всю противоречивость мира, печального лечит гармонией; она веселит детство и утешает старость.

Подданных Страны Поэзии не охватить никакой переписью. Выдающиеся ее граждане продолжают жить и сейчас, хотя умерли столетия и даже тысячелетия назад. Разве не бессмертен греческий старец Гомер? Не дожил ли до наших дней великий итальянец Данте Алигьери? А блистательный Пушкин так и написал:

*...душа в заветной лире*

*Мой прах переживет и тленья убежит...*

В течение ряда лет наш журнал знакомил вас с одной из областей Страны Поэзии: с творчеством советских поэтов — ваших современников. Сегодня мы начинаем новое путешествие — к замечательным поэтам разных времен и разных народов. Мы не будем рассказывать биографий, — об этом вы узнаете в школе или прочитаете в книжке. Наша цель — показать, почему чувства, волновавшие поэта далекой эпохи, продолжают волновать до сих пор, почему «души прекрасные порывы» всегда современны.

## К Чаадаеву

*А. С. Пушкин*

Любви, надежды, тихой славы  
Недолго нежил нас обман.  
Исчезли юные забавы,  
Как сон, как утренний туман.  
Но в нас горит еще желанье:  
Под гнетом власти роковой  
Нетерпеливою душой  
Отчизны внемлем призыванье.  
Мы ждем с томленьем упованья  
Минуты вольности святой,  
Как ждет любовник молодой  
Минуты верного свиданья.  
Пока свободою горим,  
Пока сердца для чести живы,  
Мой друг, отчизне посвятим  
Души прекрасные порывы!  
Товарищ, верь: взойдет она,  
Звезда пленительного счастья,  
Россия вспрянет ото сна,  
И на обломках самовластья  
Напишут наши имена!



Итак: Петербург, сумрачная столица Российской империи. Дворцы, сугробы, низкое небо. Нет еще ни одного постоянного моста через Неву. Только начинают строить Исаакиевский собор. Только зарождаются вольнолюбивые декабристские общества. И Пушкин — еще совсем юноша: всего год назад он окончил лицей.

Однако восемнадцатилетний поэт уже широко известен. Он никогда не забудет того далекого дня, когда, будучи еще лицеистом, он читал стихи перед стариком Державиным и до слез тронул великого поэта. Теперь имя юного Пушкина окружено любовью уже всей читающей российской публики, он вправе питать надежды на блестящее будущее, слава уже коснулась его своими лучами. Чего еще, казалось бы, желать молодому человеку?

Но уже первые строки его послания «К Чаадаеву» прямо говорят о неудовлетворенности собственным успехом:

*Любви, надежды, тихой славы  
Недолго нежил нас обман...*

Это не поза романтического разочарования, столь свойственная молодым поэтам всех времен. Это ясное понимание невозможности узкого личного благополучия для тех, кто находится «под гнетом власти роковой». Есть, оказывается, более сильные желания: те же как будто и любовь, и надежда, и слава, но не маленькие и

тихие, а большие и громкие — они должны быть связаны с отчизной, с ее свободой, с ее счастьем.

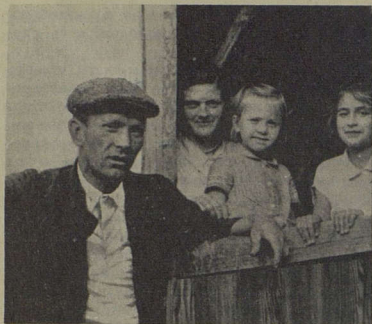
Не так уже важно, в конечном счете, что это стихотворение написано как отклик на неоднократные беседы молодого Пушкина с его старшим другом Петром Яковлевичем Чаадаевым. Да, под нарядным мундиром гусарского офицера у Чаадаева таилась душа гражданина и под бравым кивером — ум мыслителя, озабоченного судьбами России. Да, друзья не раз говорили о призывах к отчизне и о святой вольности. Но разве только к одному Чаадаеву обращается Пушкин? Разве одни только современники поэта, которым посчастливилось переписать запретное стихотворение, услышали этот поразительный по силе призыв?

*...Мой друг, отчизне посвятим  
Души прекрасные порывы...*

Это призыв ко всем, кто свободой горит, у кого сердца для чести живы. Его слышали и руководствовались им многочисленные поколения русских революционеров и свободолюбцев. И неудивительно, что, неизмеримо расширенный, он достигает и нашего слуха, пробуждая в душе самые светлые стремления.

*Г. И. Семенов  
Рисунок А. Морева*





Эту рукопись принес в «Костер» очеркист и военный историк С. П. Гладкий.

— Я увидел ее в музее 275-й ленинградской школы, — рассказал он. — Ребята этой школы собирают документы об участии советских людей в движении Сопротивления во Франции. Нашли удивительные материалы, связали переписку с интереснейшими людьми, например, с советским гражданином, кавалером ордена Почетного Легиона, который в 1945 году в Париже спас генерала де Голля — тогдашнего руководителя французского правительства — от пули фашистского террориста. Когда несколько лет назад президент Франции де Голль побывал в СССР, в толпе встречающих он сразу узнал своего спасителя и сердечно обнял его... Но меня заинтересовали больше всего вот эти замасленные, старенькие школьные тетрадки. Как ребята их достали? — спросил я. Оказалось, во время лыжного похода по Ленинградской области. Остановились на ночлег в Толмачеве. Начали расспрашивать хозяев: нет ли в округе людей, побывавших во Франции. «Володя Иванов был там в войну, — отвечали им. — Рабочий на нашей лесопилке...» Ребята встретились с Ивановым и попросили его рассказать о себе. Он это делать не любит и не очень умеет, но вот — решил передать в школьной музей свои воспоминания, написанные уже после войны.

## ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА

*В. Иванов*

В 1942 году, 17 февраля, я вступил в подполье. С этого дня начал организовываться партизанский отряд дяди Саши Зверева, и я был первым бойцом этого отряда.

Собирались мы в деревне Болото, в доме у Анисы Осиповны Жаренковой. Когда нас стало около пятидесяти, мы под руководством дяди Саши ушли в лес. Две недели готовились к первому заданию. И вот настал этот день!

Задание было — напасть на немецкий патруль на Октябрьской железной дороге и взорвать эшелон.

Нас пошло шесть человек. Ночь была холодная и дождливая, и никто из группы не сомкнул глаз.

Мы лежали на откосе и дрожали от холода, с нетерпением ожидали, когда покажется эшелон. Но эшелона все не было, а уже наступал рассвет.

На полотне железной дороги показался патруль. Все шесть наших винтовок сразу взяли его на мушку.

Патрульный заметил провод от нашей мины, который шел вдоль откоса. Ни секунды не медля, он дал выстрел, чтобы поднять тревогу. Но второй раз немец выстрелить не успел: наши ребята его сняли...

Уходили мы через болото. Немцы преследовали нас километров пятнадцать, но на болоте отстали, и мы благополучно вернулись в лагерь.

Как-то наша разведка донесла, что немцы угоняют из деревень всю молодежь в Германию. А спустя немного времени мы получили приказ пройти в деревню Табор и забрать там людей, бежавших от немцев. Пришли туда

*Рисунки А. Гетманского*

поздно вечером, только добрались до места, как со стороны Толмачева раздался взрыв, до того сильный, что можно было подумать, будто взорвали склад с боеприпасами. Мы в деревню не пошли, а остановились на берегу реки Ящеры и стали ждать связного. Посидели немного и слышим шорох на левом берегу. Мы окликнули: «Пароль!» Слышим — вместо пароля голоса: «Братцы, пароля не знаем, но мы свои».

Взяли их на прицел, командовали перейти речку вброд. Они перешли. Оказалось, что эти ребята взорвали электрическую подстанцию (главный был у них Кручинин Николай). Мы взяли их с собой, а через день переправили в штаб отряда...

Еще через некоторое время разведка донесла, что по реке Луге ходит пароход, который снабжает немцев продуктами. Он заходит в деревню Красные Горы, где расположилось гестапо. Дядя Саша отобрал группу в шестнадцать человек и приказал потопить фашистского «снабженца». Командиром группы пошел Михаил Зосимов.

Сделали засаду. Ждем ночь — парохода нет, ждем день — парохода нет. Зосимов распорядился: у кого есть что из еды — класть в общую кучу. Сложились: всего оказалось штук сорок картошек, с килограмм сухарей. Делить взялся он сам. Поделил на две части, чтоб хватить еще на двое суток, а сам сказал: «Сидеть, может, придется еще пять дней: уходить, пока не выполним задание, нельзя». Ну, это и так всем было ясно.

Прошла еще ночь — парохода все не было. А в конце следующего дня пришел приказ из



отряда сниматься. Мы нехотя стали собираться, как вдруг раздался гудок. Зосимов скомандовал: «Кругом!» Подбежали вплотную к берегу — только успели развернуться в боевой порядок, как показался пароход. Он тащил за собой баржу. На носу и на корме стояло по станковому пулемету, и два немца расхаживали по палубе.

Все замерли в напряжении. Из кают доносилось пьяное пение. Но вот мелькнула рука Зосимова, и в пароход полетели связки гранат. Раздались взрывы. Часовые нырнули в трюмы, из иллюминаторов стали стрелять. Вдруг пароход резко свернул влево и воткнулся в берег. Сел, оказывается, на мель. Операция была закончена, и мы вернулись в отряд.

С той поры боевые походы в отряде стали ежедневными.

Как-то я с группой партизан из шести человек был послан к железнодорожному мосту через Ящеру. Надо было узнать, где находятся колодцы со взрывчаткой, и найти подход к ним. Задание мы выполнили и возвращались в отряд. Кто тогда мог знать, что среди нас есть предатель и притом не кто иной, как командир группы Урбан Иван!

Мы отошли от деревни Табор километра на два. На крутом склоне Ящеры было вырыто несколько землянок. Когда мы к ним подошли, Урбан сказал: «Ночлег будет здесь».

Мы натопили печь и легли, не выставив ни одного часового.

Я проснулся в пять часов, взял котелок и пошел за водой. Набрал воды и стал подниматься к землянке. Вдруг вижу, навстречу бе-



жит овчарка. Я прыгнул к землянке и дал сигнал тревоги. Все вскочили. Урбана в землянке не было.

Мы быстро сложили все документы, отдали Садовому Ивану и отправили его в отряд с донесением, а сами залегли, чтобы обороняться. Завязался неравный бой. Примерно в девять часов мы попытались отойти, но из этого ничего не вышло.

Хозяинов Евгений прикрывал нас огнем из-за толстого пня, но вдруг он замолчал. Я подполз к нему и увидел, что Женя убит.

Степанов Анатолий выпустил обойму из своей винтовки СВТ, начал перезаряжать вторую, но был ранен в плечо. Уже раненный, он, сидя, выстрелил еще несколько раз и замолчал. Я посмотрел и увидел у него на лбу маленькое красное пятнышко.

Васильев Борис и я остались вдвоем. Мы решили биться до последнего патрона.

Около полудня Бориса ранило. Я разорвал нижнюю рубашку и перевязал его. Мы продолжали стрелять: хотели дотянуть до темноты, а ночью как-нибудь уйти. Но вышло иначе.

Немцы стали кидать в землянку пакеты со взрывчаткой. На третьем взрыве накатник землянки начал оседать. Мы попеременно поддерживали его спиной и продолжали стрелять. Потом раздался еще один взрыв. Нас оглушил. Я почувствовал, что задыхаюсь, попробовал приподняться и потерял сознание.

Когда я очнулся, то увидел, что лежу на земле, совсем не там, где шел бой, а в другом месте, и на груди у меня лапами стоит овчарка. Ко мне подошел обер-лейтенант и ударил несколько раз сапогом по голове. Я снова потерял сознание. Когда опять очнулся, немецкий солдат тер мне уши. Он помог мне подняться на ноги. Я сразу увидел своего друга Бориса Васильева. Руки у него были закручены назад.

Мне тоже заломили руки за спину и связали телефонным проводом. Потом нас поставили рядом и приказали идти вперед.

По дороге в деревнях немцы выгоняли жителей из домов, чтобы они видели, как ведут партизан.

Борис шепнул мне: «Не вешай голову, ведь мы не предатели».

Мы шли, стараясь выглядеть спокойными и гордыми. Женщины плакали, а старики тяжело вздыхали. Мы знали, что нас ждет, и хотели только одного: чтобы наши мучения поскорее кончились.

В первом часу ночи нас доставили в деревню Жильцы, в гестапо. Комендант гестапо вызвал русского полицая и приказал ему дать нам по пятьдесят плетей каждому. Нас разложили на скамейках, затащили ноги и руки ремнями и начали бить. Очнулся я в камере: было уже светло. Руки у меня были по-прежнему завернуты назад и связаны. Я огляделся во-

круг — стены забрызганы кровью, а на полу кровавый лед. Стал вспоминать, что со мной произошло, и после этого подумал, что умереть не так уж страшно: ведь я уже был один раз мертвым. Во рту все пересохло, сильно хотелось пить. Я подошел к решетке и стал слизывать снег языком, потом лег и представил себе, как буду вести себя на допросе.

Но вот открылась дверь и вошел русский полицай, фамилия у него была Гушин. Он приказал мне подняться и следовать за ним.

Меня привели в жарко натопленную комнату. Там находились офицеры и переводчик. Руки мне развязали, я с трудом протянул их вперед (кисти были совсем синие). Мне показали на стул, я попробовал сесть, но не смог. Этим я вызвал у офицеров смех. Тогда сказал им, что буду отвечать стоя.

Переводчик перевел мне: «Хочу ли я видеть своих товарищей?» Я ответил, что у меня здесь только один товарищ и встретиться с ним я всегда рад. Офицер приказал ввести его.

Дверь открылась, и на пороге появился наш командир группы Урбан Иван. У меня дрожь прошла по телу: он стоял здоровый и в новом костюме.

Немец сказал: «Вот твой товарищ, можешь с ним поздороваться». Я отвернулся. Тогда он повторил: «Ты же сказал, что хочешь видеть товарища». Я ответил ему: «С товарищем я встретиться рад, а с шакалом встречаться позорно».

Не успел это проговорить, как сильный удар по голове свалил меня с ног. Меня заставили подняться и ввели Васильева Бориса. Он еле держался на ногах, на лице запеклась кровь. Он подошел ко мне и крепко сжал мой локоть. Его повернули к нашему бывшему командиру и тоже предложили поздороваться. Борис посмотрел на него внимательно и плюнул ему в лицо. Сразу два немца ударили Бориса. Из ран на голове у него потекла кровь.

Немцы заговорили между собой, потом спросили, хотим ли мы жить. Борис ответил: «А почему бы и нет?» Тогда они приказали отвечать на вопросы.

Толстый немецкий офицер спросил меня, почему мы оказались здесь. Я сказал, что на этот вопрос им лучше ответит изменник. Немец разозлился и стукнул кулаком по столу. Потом спросил у Васильева: «Ты партийный?» Он ответил: «Пока нет, но после смерти буду коммунистом».

Толстый немец засмеялся, а за ним и другие. Потом повернулся ко мне и спросил: «Твой ответ будет такой же?» Я сказал: «Да». Немец покачал головой и спросил: «Сколько вам лет?» Я ответил: «Семнадцать». Он вздохнул и сказал: «О, юнге, юнге, вы так молоды, но я не посмотрю на ваш возраст, и если вы будете уклоняться от ответа, мне придется вас жестоко наказывать...»



— Кто был у железнодорожного моста и где находятся колодцы со взрывчаткой? — вдруг выкрикнул он.

Я ответил:

— К мосту подползал я, я знаю, где находятся колодцы.

Немец внимательно посмотрел на меня и стал что-то долго писать. Потом он приказал увести Васильева, а сам начал ходить по комнате.

— Я думаю, мы с тобой найдем общий язык, — обратился он ко мне. — Теперь скажи, много ли партизан в отряде Зверева?

Я ответил:

— Много.

Он посмотрел мне в глаза:

— Ты врешь!

Я сказал: если вру, зачем тогда спрашивать.

Он подскочил и закричал:

— Смори, щенок, одно мое слово, и тебя не будет в живых!

Я ответил, что чем скорее он скажет это слово, тем лучше для меня.

— Ах так! Тогда разговор пойдет по-другому! — фашист вызвал полиция и приказал дать мне пятьдесят плетей.

Я очнулся в камере, все тело болело. Я хотел заснуть, но никак не мог. Всю ночь провел в раздумье. Я боялся одного, что немцы насильно поведут нас в лес, и местные жители тогда подумают, что мы предали наших...

Утром меня снова вызвали на допрос. В комнате сидело пять немцев. Мне указали на стул, я думал, что больше с него не встану. Очень хотелось пить — попросил воды. Принесли в поллитровой банке и дали еще триста граммов хлеба: это был первый паек за три дня. Поел, стало легче...

Пожилый начальник гестапо сказал: «Через час тебе вынесут смертный приговор».

Я ответил, что знаю. Тогда он стал что-то говорить солдатам, все время показывая в мою сторону. Потом я услышал: «аншиссен» (расстрелять), это слово было мне знакомо, и подумал: «Только бы мне продержаться до конца», — хотя при этом слове дрожь прошла у меня по телу.

Начальник подошел ко мне и похлопал по плечу, а потом сказал по-русски: «С такими солдатами воевать можно».

После этого меня повели на базарную площадь в город Лугу и дали там пятьдесят плетей, только теперь публично.

Меня водили по площади и били подряд тринадцать дней. Я молил бога о смерти, но смерти не было, были одни мучения. А на четырнадцатый день зачитали приговор. Он был примерно такой: «Пойманный партизан, семнадцать лет от роду, присуждается гестапо к высылке в концлагерь без возврата на родину».

Когда приговор зачитали, мне дали последнее слово. Я поднялся и сказал четыре слова: «Прощай, мать! Прощай, Россия!»

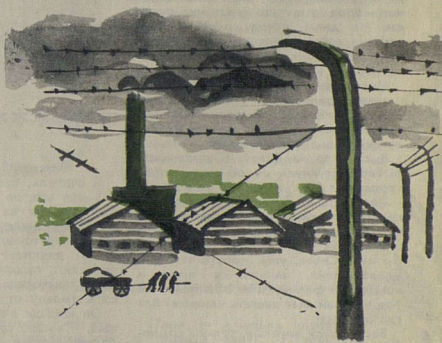
Потом меня отвели в большую камеру. Я залез на верхние нары и лег. Примерно через час дверь открылась и вошел человек с повязанной головой. Лицо у него опухло, он почти ничего не видел и шел на ощупь. Я узнал в нем Бориса и бросился навстречу. Мы обнялись. Борис рассказал, что за это время получил двести плетей. Он еле держался на ногах.

Рядом, через дощатую стену, была другая камера. Там сидели мирные жители, которых должны были угнать в Германию. Они просунули нам в щель две самокрутки. Мы затаились и совсем от этого опьянели. От радости, что встретились, мы с Борисом тихонько заплели: «Под натиском белых наемных солдат отряд коммунаров сражался...» В соседней камере подхватили.

Не успели мы кончить песню, как к нам ворвались два полиция и стали нас бить.

На следующий день нас перевели в другую тюрьму. Здесь уже были другие хозяева — эстонское гестапо. Нас с Борисом разделили. Меня отвели в одиночку в подвале.

Через некоторое время мне передали записку: «Володя, я лежу больной, на прогулку выйти не смогу. Знай, что ты не забыт, тебе будут помогать. Борис». Потом мне несколько раз кидали через решетку небольшие пакетики с табаком и хлеб.



Я узнал, что буду сидеть здесь до этапа, а этап отправляют три раза в месяц. Однажды мне передали пайку хлеба. Я разломил его и вынул оттуда записку. Борис писал: «Здравствуй, друг. Сегодня (это было 29 декабря 1943 г. — В. И.) мы идем на этап. До скорой встречи».

Окончание следует

## ШТАБ „РЕДР“

Дежурный — инженер зеленого строительства  
Ирина Нестерова Сурина

Хоть и зима, получаем о цветах. Где, что посадить, какого цвета, какой высоты?

Снова возьмем план пришкольного участка и положим на него кальку. Нарисуем на кальке палочки. На желтой трапе газонной красной цветники в виде палочек — белое пятно ледовое, красное пятно палочек и так далее. На палочках лучше сделать клубы — круглые, квадратные, прямоугольные. Только не увлекаться слишком сложными формами! Сложный узор клубов мешают полюбоваться отдельным цветком, его окраской, формой. А ведь клубы делаются ради цветов!

Теперь высчитаем площадь цветников (помните о масштабе!) и необходимое количество рассады.

Рассаду можно вырастить самим в тепличке на окне. В январе высевать в ящики бегонию вечнозеленую и клубневую. В феврале — высокие сорта львиного зева, цинерию морскую, пиретрум. Остальные детки высевать в апреле и марте. Уже сейчас надо узнать, где можно купить или получить семена.

За окнами снег. В школьном саду тишина. Но отыскать некогда. Вспред — весна!

У бегонии семена очень мелкие — как пылинки.  
Все очень мелкие семена посевать слоистым образом.

На землю в ящике перед посевной кладем слой снега. А над снег с кисточкой надо, чтобы семена — делая это легко, словно перья ели.

На белом фоне можно равномерно и дождаться семян. — вот для чего нужен снег. Затем все поливаем

водой, вместе с ним семена уходят в землю.

Если семена темные — можно снег замочить перед.

Более крупные семена (можно явить в руку от большого семени) сеют прямо на землю, например.

А семен крупнее — в бороздки или в бороздки.

Бороздки можно делать резом, присыпав их землей и слегка прижимая дощечкой. И тогда сразу же поливаем.

\*\*\*\*\*

## ЦВЕТЫ ЦИТЕЛЕТА

Я считала, что цистелета уже показана все, на что он способен. А способен он на многое. Например, умеет от дождей прятаться. Поискаясь по цистелетной стебельку, он сразу же начинает «внушать», а цветы опускают головки. «Ох!» — «уменьшай» цистелета. — Скорей надо спастись пылу от сырости.

Он вообще очень прудостотрительный. Каждое свое семечко находит белым своим приростом. Это в расвете на муравьях. Для них такие приросты — самые лучшие ошечи. Муравьи тащат их вместе с семенами в свои овощехранилища. Но по пути семена несутся и терются и прирастают на новом месте.

Все это я не раз видела своими глазами и больше от цистелета ничего особенного не ожидала.

И вдруг однажды заметила на его листьях крохотные, с булавочную

головку, зеленые шарики. Раньше я таких не видела. Уже не бутончики ли? Но ведь на листьях не бывает цветков. На всем белом свете только два растения, у которых цветы вырастают на листьях. Неужели же и наш цистелета с ними за компанию? Просто неопознано.

Я сейчас же отправилась в заросли цистелета. Искать пришлось нелегко. Нашли и бутон, и цветы, и даже зрелые стручки — и все это между дольками разрезных листьев цистелета.

Стою над кустиком удивленная и раздумываю, как это произошло? А он мне будто отвечает: «Цветки на стеблах это просто, это всякий лотик сумеет, а вот побороздить выростить их на листьях!» И будто подмигивала охорно: «А ты думала, что все про меня знаешь. Не задавайся!»

Н. Павлова

## В ПУЗЫРЬКЕ ВОЗДУХА

Кто где зиму зимует: кто в норе, кто в дупле. А кто так в пузырьке воздуха. Еще и во льду!

Раз лед не тонит, значит, он легче воды. А легче потому, что весь он набит воздушными пузырьками. Как губка, как сыр. И в этих-то пузырьках зимуют жуки тиклоиды, клопатыки, циплюлки, дафнии и прочая мимоза водная. Спит в ледяных камерах с голубыми стенками, покоем и потопком. Ни мороз им не страшен, ни зима. Спит, асну жужд.

## ПШК И БЛЕСК

Пол в клетке белого медведя блестит словно зеркальный. Пол из толстого листового железа, такой же, как и у других зверей, а блестит только у северного госта.

Я послышал за мишурой и понял, что блеск навел он сам. Когда идет снег, для белого медведя наступает праздник. Крыша в его клетке устроена так, чтобы часть снега падала в жижище. Когда снег скончился породошно, косячные хозяйки сразу же начинают увлекаться, натирать снегом уши, глаза, нос и даже затылок. Потом ложится на пол и ну ворочается, как бляха на бок, с жиката на спину. Словом, чувствует себя так, будто он не север в гонимых суррогах.

Кроме всего, он еще и покатывается не прочь. В тесной клетке, конечно, не то, что на снежной горке, но медведь приспособился: отталкивается лапами от стен и едет через всю клетку. На вид будто просто так катается, для удовольствия, а на самом деле он шубу свою снегом чистит. И блеск на полу наводит.

А. Сивякский

## У БУРУНДУКА В КВАРТИРЕ

Норка бурундука — двухкомнатная квартира. В одной комнате спальные. Здесь теплая перина из сухих травников и листьев. Вторая комната — кладовая, в ней много такого количества корма, с которым можно безбедно прожить до весны. И еще есть отгорожен — уборная. Только ванна и не ванна!

В кладовой бурундука идеальные порядки. Уложены кедровые орехи, один к одному. В углубе многого пшеничных зерен, укоренных на поле около опушки леса и перетасканных в записных мешках. Отдельно лежат сухие семки диких зюгидов растений.

Когда заполнена вся кладовая, бурундука больше уже ничего не волнует. Он уютно соприкасается на перине и погружается в спячку. Запасы ему понадобятся только во время отогрева для ранней весны. И ничего с ним за зиму не случится.

М. Зверев

## ОНДАТРОВАЯ ВЕНТИЛЯЦИЯ

Зимой рыба в озере начала задыхаться: вода израсходована кислород, подо льдом скопился вредный болотный газ. А в соседнем озере, в котором ондатры живут, рыбы поумно не задыхаются!

Разгадку быстрой нашли. Озеро без ондатр замерзло, на зиму льдом, как туго притертой пробкой. А в озере с ондатрами лед, как решето: везде на-под-лед ондатровые хатки торчат, а под каждой хаткой одушка. И всю зиму одушки эти не закрываются, ондатры за ними следят. Ведь им за нормом надо под лед нырять.

А раз есть одушки, то и вредные газы в воде не скапливаются, и свежий воздух проходит. Беспрерывно работает ондатровая вентиляция!

КОСТА ТЕРКИН



Рисунки Т. Капустинской



Наш отряд юннатов только что начинается, но мы уже собираем корушки и развешиваем их по парку, чтобы спасти олодных птиц. Выпустим два раза уже газету «Юннат».

Собираем семена всяких растений. Это семена чайной тукмы, ошуроч, помидоров, яблок; семена цветов — это анютины глазки, ноготки и др.

Новошкола Елизавета Челябинская область

В прошлом году у нас дождь было три сорочка, которые вскоре улетели. У нас также есть скорнячки, где живут скорняки. И еще была чепелка. Такая хороша! Она у нас прожила месяц и однажды вылезла из ящика и отравилась путешествовать. Большие мы ее не видели.

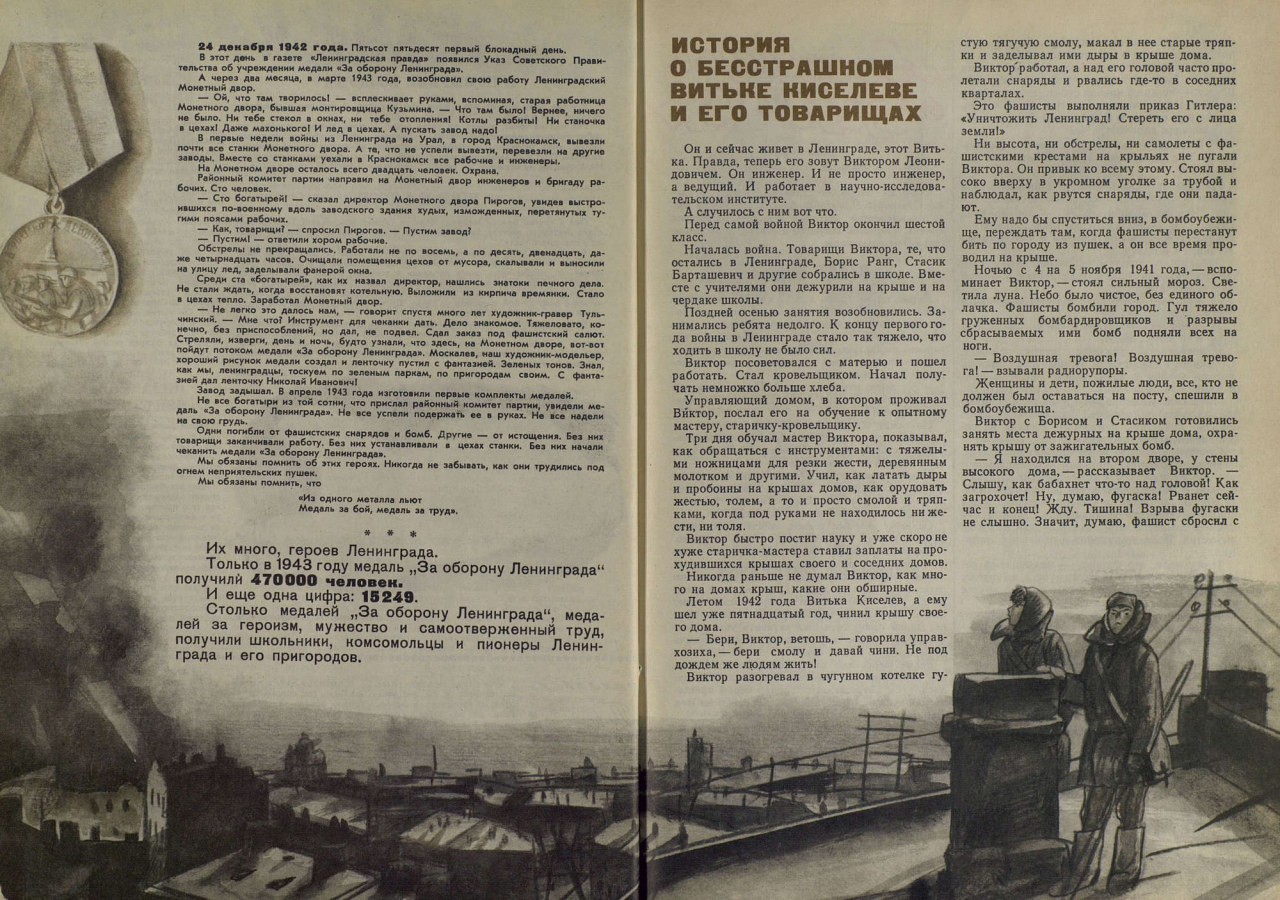
Юлия Гончаркина село Рузское Казанской ССР

Природу в нашем месте в городе зима. И хочешь знать, какая природа в других городах и деревнях. И нас очень хорошо поместить в «Костер» мой адрес: поселок Чепельный Хабаровского края, ул. Шоссейной 31, 31.

И пусть ребята, которые любят наблюдать за природой, тоже захотят, напишут мне о ней.

Смирнова Ирина





**24 декабря 1942 года.** Пятсот пятьдесят первый блокадный день. В этот день в газете «Ленинградская правда» появился Указ Советского Правительства об учреждении медали «За оборону Ленинграда».

А через два месяца, в марте 1943 года, возобновил свою работу Ленинградский Монетный двор.

— Ой, что там творилось! — всплескивая руками, вспоминая, старая работница Монетного двора, бывшая монтировщица Кузьмина. — Что там было! Бериев, ничего не было. Ни тебе стекол в окнах, ни тебе отоплений! Котлы разбиты! Ни станочка в цеху! Даже махонького! И лед в цехах. А пускать завод надо!

В первые недели войны из Ленинграда на Урал, в города Краснокамск, вывели почти все станки Монетного двора. А те, что не успели вывезти, перевезли на другие заводы. Вместе со станками уехали в Краснокамск все рабочие и инженеры.

На Монетном дворе осталось всего двадцать человек. Охрана. Районный комитет партии направил на Монетный двор инженеров и бригаду рабочих. Это человек.

— Сю богатейший! — сказал директор Монетного двора Пирогов, увидев выстроившихся по-военному около заводского здания худых, изможденных, перетянутых тугими поясами рабочих.

— Как, товарищи! — спросил Пирогов. — Пустим завод!

— Пустим! — ответили хором рабочие.

Обстрелы не прекращались. Работали не по восемь, а по десять, двенадцать, даже четырнадцать часов. Очистили помещения цехов от мусора, скальзывали и выносили на улицу лед, заделывали фенерой окна.

Среди ста «Богатырей», как их называл директор, нашлись знатоки печного дела. Не стоило ждать, когда восстановят котельную. Выкопали из кирпичи печного дела. В цехах тепло. Заработал Монетный двор.

— Не легко это далось нам, — говорит спустя много лет художник-гравер Тульчинский. — Мне что! Инструмент для чеканки даю. Дело знакомое. Тяжеловато, конечно, без приспособлений, но дал, не подвел. Сдал заказ под фашистский замок. Стреляли, извигали, день и ночь, будто узнали, что здесь, на Монетном дворе, вот-вот пойдут потоком медали «За оборону Ленинграда».

Москалев, наш художник-модельер, хороший рисунок медали создал и ленточку пустил с фантазией. Зеленых тонов. Знал, как мы, ленинградцы, тоскуем по зеленым паркам, по пригородам своим. С фантазией дал ленточку Николаю Ивановичу!

Завод задался. В апреле 1943 года изготовили первые комплекты медалей.

Не все богатыри из той сотни, что прислал районный комитет партии, увидели медаль «За оборону Ленинграда». Не все успели подержать ее в руках. Не все надели на свое груди.

Одни погибли от фашистских снарядов и бомб. Другие — от истощения. Без них товарищи заканчивали работу. Без них устанавливали в цехах станки. Без них начали чеканить медали «За оборону Ленинграда».

Мы обязаны помнить об этих героях. Никогда не забывать, как они трудились под огнем неприятельских пушек.

Мы обязаны помнить, что

«Из одного металла лют  
Медаль за бой, медаль за труд».

\* \* \*

Их много, героев Ленинграда. Только в 1943 году медаль «За оборону Ленинграда» получили **470000 человек**.

И еще одна цифра: **15249**.

Столько медалей «За оборону Ленинграда», медалей за героизм, мужество и самоотверженный труд, получили школьники, комсомольцы и пионеры Ленинграда и его пригородов.

## ИСТОРИЯ О БЕССТРАШНОМ ВИТКЕ КИСЕЛЕВЕ И ЕГО ТОВАРИЩАХ

Он и сейчас живет в Ленинграде, этот Витка. Правда, теперь его зовут Виктором Леонидовичем. Он инженер. И не просто инженер, а ведущий. И работает в научно-исследовательском институте.

А случилось с ним вот что.

Перед самой войной Виктор окончил шестой класс.

Началась война. Товарищи Виктора, те, что остались в Ленинграде, Борис Раинг, Стасик Барташевич и другие собрались в школе. Вместе с учителями они дежурили на крыше и на чердаке школы.

Поздней осенью занятия возобновились. Занимались ребята нехотло. К концу первого года войны в Ленинграде стало так тяжело, что ходить в школу не было сил.

Виктор посоветовался с матерью и пошел работать. Стал кровельщиком. Начал получать немножко больше хлеба.

Управляющий домом, в котором проживал Виктор, послал его на обучение к опыному мастеру, старичку-кровельщику.

Три дня обучал мастера Виктор, показывая, как обращаться с инструментами: с тяжелыми пожнниками для резки жести, деревянным молотком и другими. Учил, как латать дыры и пробиты на крышах домов, как орудовать жестью, толем, а то и просто смолой и тряпками, когда под руками не находилось ни жести, ни толя.

Виктор быстро постиг науку и уже скоро не хуже старичка-мастера ставил заплатки на прохудившихся крышах своего и соседних домов.

Никогда раньше не думал Виктор, как много на домах крыши, какие они обширные.

Летом 1942 года Витка Киселев, а ему шел уже пятнадцатый год, чинил крышу своего дома.

— Бери, Виктор, ветошь, — говорила управхозиха, — бери смолу и давай чини. Не подождем же людям жить!

Виктор разогревал в чугунном котелке гу-

стую тягучую смолу, макал в нее старые тряпки и заделывал ими дыры в крыше дома.

Виктор работал, а над его головой часто пролетали снаряды и рвались где-то в соседних кварталах.

Это фашисты выполняли приказ Гитлера: «Уничтожить Ленинград! Стереть его с лица земли!»

Ни высота, ни обстрелы, ни самолеты с фашистскими крестами на крыльях не пугали Виктора. Он привык ко всему этому. Стоял высоко вверх в укромном уголке за трубой и наблюдал, как рвутся снаряды, где они падают.

Ему надо бы спуститься вниз, в бомбоубежище, переждать там, когда фашисты перестанут бить по городу из пушек, а он все время проводил на крыше.

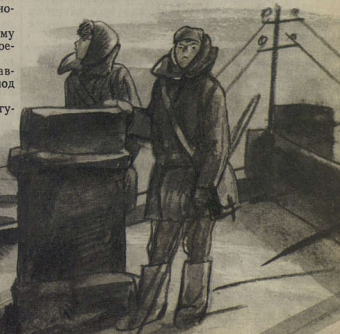
Ночью с 4 на 5 ноября 1941 года, — вспоминает Виктор, — стоял сильный мороз. Снега дуга. Небо было чистое, без длинной облачка. Фашисты бомбили город. Гул тяжело груженных бомбардировщиков и разрывы сбрасываемых ими бомб поднялись всех на ноги.

— Воздушная тревога! Воздушная тревога! — взывали радиорупоры.

Женщины и дети, пожилые люди, все, кто не должен был оставаться на посту, спешили в бомбоубежища.

Виктор с Борисом и Стасиком готовились занять места дежурных на крыше дома, охранять крышу от зажигательных бомб.

— Я находился на втором дворе, у стены высокого дома, — рассказывает Виктор. — Слышу, как бабахнет что-то над головой! Как загрохочет! Ну, думаю, фугаска! Рванет сейчас и конец! Жду. Тишина! Взрыва фугаски не слышно. Значит, думаю, фашист сбросил с



самолета ящик с зажигалками. Слышу, шипит что-то, вроде зажигательные бомбы загораются. Потом понял — парашютный шелк шуршит. Поднял голову, чтобы осмотреться. Гляжу — на краю крышки стоит, пошатываясь, человек в костюме летчика. Над летчиком повис на радиоантенне освещенный голубым лунным сиянием парашют.

— Фашист! — кричал Виктор что есть мочи. — Там, на крыше! Фашист! Летчик! С парашютом!

На крик прибежал мужчина в нижней белой рубаше и брюках, заправленных в сапоги.

— Беги за милиционером! — приказал он Стасику. — А вы, сюда, за мной, наверно! — кивнул он Виктору с Борисом и бросился по лестнице к чердаку.

Ребята понеслись следом за ним. Выскочили на крышу, видят — немецкий летчик в теплой куртке и шлеме.

— Ком хир! — крикнул летчику мужчина в белой рубашке.

А немец не то ругается, не то рычит что-то — и ни шагу с места.

Пригляделись, увидели: застрял фашист. Опускаясь с парашютом, не рассчитал, пробил ногами крышу и завяз одной ногой в пробоине.

Пришлось распороть немножко пробоину, сделать ее пошире. Только после этого смогли вытящить немецкого летчика из залопнувшего его «капкана».

Стащили фашиста вниз. Сказать по правде, тащили не Виктор с Борисом, а милиционер и все тот же мужчина в командирских штанах с кантом и белой сорочке. Но ребята помогали. И Виктор, и Борис, и Стасик, который успел вовремя привести милиционера. Виктор как схватил фашиста за рукав его куртки, так и не выпустил. Пока не привели в отделение милиции.

Там узнали, что фашист — знаменитый немецкий летчик. Ас! На груди у него, на кителе, железные кресты висели и еще разные другие ордена.

Уже позже прочитали ребята в газетах, что немецкого аса сбил над городом наш летчик — Севастьянов.

После боя у Севастьянова не осталось ни снарядов, ни патронов. Стрелять было нечем. Севастьянов погнался за немецким бомбардировщиком и винтом своего самолета отрубил хвост фашистского самолета. Протаранил его! Ночью!

За этот подвиг Севастьянов получил звание Героя Советского Союза.

А месяца четыре спустя Виктору Киселеву, Борису Рангу и Стасику Барташевичу в торжественной обстановке вручили правительственную награду — медаль «За оборону Ленинграда».

М. Лободин

# Легенды о скифах

Анна Гарф

Рисунки Б. Семенова

Скифами называли древние греки население Северного Причерноморья. У скифов не было письменности. Легенды о них — о суровых нравах, о военной хитрости и отваге — оставили нам античные авторы.

## ОТВЕТ ОРИКА

Дарий, царь персов, двинул свое бесчисленное войско на Скифию. Клубы пыли, поднятой копытами коней и сандалиями пехотинцев, сделали день подобным ночи. Лыняные покрывала, которыми персы закрывают бороду, потемнели.

Царь скифов Орик обратился к своим соседям андрофагам и неврам:

— Не дайте нам погибнуть! Персы, покорив нас, двинутся на ваши земли. Единодушно встанем на врага!

Но вожди соседних племен ответили:

— Мы прежде ничем не обижали персов и теперь не станем первые задевать их. Будем спокойно сидеть на своей земле.

Получив такой ответ, Орик счел за лучшее отступить. Отступая, он приказал скифам гнать вперед себя стада, а позади сжигать траву и засыпать источники, ключи и колодцы.

Палимые ветрами степей, персы испытывали голод и жажду, ибо все вокруг было разорено.

Перешедши скифскую равнину, Дарий приостановил свой поход и принялся строить укрепления — восемь больших стен на одинаковом расстоянии друг от друга. Пока он этим занимался, скифы обогнали его и вернулись в свою землю, очутившись таким образом в тылу у врага. Дарий принужден был оставить укрепления и повернуть свое войско назад, чтобы настичь ускользающее войско скифов.

Белые шерстяные плащи персидских всадников побурели. Их лыняные покрывала изодрались, губы потрескались. Однако персы преследовали скифов неотступно. Но как скоро ни шел Дарий, скифы уходили еще быстрее.

Отступая, Орик нарочно заманил персов во владения андрофагов и невров. Вожди племен, отказавшие в свое время скифам в союзе, теперь, встретившись с войском Дария лицом к лицу, побежали искать спасения у тех же скифов.

Растоптав царства, лежавшие на его пути, Дарий продолжал погону за скифами. И этому преследованию не предвиделось конца.





Однажды перед строем персов пробежал заяц. Внезапно несколько скифских воинов выскочили из засады и погнались за зайцем, словно позабыв о стоящих тут персах.

Увидев это, Дарий послал Орику письмо: «Зачем ты все убегаешь? Если силен, сразись со мною, если слаб — сдайся».

Орик ответил: «Узнай, перс, каков я. И прежде не бежал, и теперь не бегу. Ты ведешь войну, как умеешь, я сражаюсь, как могу. В открытый бой вступлю не в ту пору, когда ты этого хочешь, но когда нам, скифам, так будет сподручно. Этой минуты я готов ожидать долгие годы».

## БОГАТСТВО АСАРКОМА

Царь Левканор, всегда нуждавшийся в деньгах, обещал отдать свою дочь, прекрасную Мазану, в жены тому, кто всех богаче.

Женихи собрались во дворе царского дома. Волосы их были умащены ароматным маслом, украшены венками. Одетые в льняные хитоны, обутые в позолоченные сандалии, женихи возлежали на высоких ложах вокруг стола и, опираясь левой рукой о подушки, пили по эллинскому обычаю вино, разбавленное водой.

Только один гость — скиф Асарком — сидел, потому что не умел есть возлежа. Он был одет в кожаный кафтан и длинные кожаные штаны. У пояса висел меч, к правой ноге, под коленом, был привязан кинжал.

Женихи поочередно, совершив возлияние, перечисляли свои богатства. Но все смолкли, когда заговорил прибывший из Меотии царь меотийцев бородастый Адирмак. У него было много

золотых чаш, были колесницы, неисчислимые стада, необозримые земли, множество рабов и даже отец Мазан царь Левканор был его данником.

Никто не смел ни есть, ни пить, внимая Адирмаку, и лишь скиф Асарком, откинув со лба свои длинные, сплывшие от пота и пыли волосы, ел, пил и смеялся.

— Чему ты смеешься, скиф? — спросил царь.

— Тому, что здесь зовут богатством.

— А чем владеешь ты?

— Мое богатство неизмеримо.

— Перечисли, и мы сравним.

— Это несравнимо.

— Скажи, скажи нам, скиф! Сколько у тебя золотых чаш, рабов, кибиток, коней, одежды?

— Мне одением служит плащ, — отвечал скиф, — обувью — кожа моих подошв, ложем — земля. Ем я сырое мясо. А богатство мое — два друга: Макент и Лохант.

Громко закричали женихи, засмеялся царь Левканор.

Скиф встал, вскочил на коня и усакала в степь.

Прибыв в свой стан, Асарком сказал своим двум друзьям:

— Там, на Боспоре, посмеялись тому, что я не измеряю богатства табунами коней и кибитками, что дружбу ценю дороже золота.

Услыша эти слова, скифы со всей степи пришли, чтобы поддержать достоинство Асаркома. Под покровом ночи это войско подступило к стенам Пантикапея.

Навстречу им вышел из ворот города Макент.

Подняв руку, он остановил своих соплеменников и сказал им:

— Вы опоздали. Я убил царя Левканора.

При свете наступающего утра скифы, громко беседуя, возвращались в свой стан. Лишь Асарком ехал молча, ибо среди воинов он не видел своего друга Лоханта. Но вот скакавший рядом Макент указал на труп лошади.

По налобнику, кованному из серебра, по наушникам, сделанным в виде драконовых крыльев, Асарком узнал коня, принадлежавшего Лоханту.

Два друга, оплакивая гибель третьего, приближались к своему стану. Вдруг пола одной из кибиток откинулась, и, опираясь на посох, подошел к своим друзьям Лохант.

— Убегая от погони, я не щадил коня, — сказал он, — конь пал, придавив мне ногу. Но Мазая невредима, и она ждет тебя, Асарком, в твоём шалаше.

## АМАГА

Мидосаку, царю сарматов, из всех эллинских обычаев больше всего были по сердцу симпозиции — веселые трапезы после захода солнца, при свете факелов.

Выросший в степи и большую часть своей жизни проводивший верхом на коне и в кибитке, царь Мидосак считал себя лучшим знатоком заморских вин и эллинской музыки. Отдавая из своей чаши неразбавленного вина, царь учил флейтистов играть на флейте, у кифаресов отнимал их кифары и ударял с такой силой по струнам, что те лопались. Тогда он начинал бить в большие бубны, под эту музыку обучая танцовщиц новым танцам.

Ему не хватало времени заниматься государственными делами.

Суд и расправу в стране чинила жена его Амага. Она распределяла службу в сторожевых отрядах, вела войны, заключала мир, помогала одним государствам и разоряла другие.

Случилось так, что жители города Херсонеса, притесняемые кочевниками, обратились к Амаге с просьбой быть посредником в их споре с царем кочевых племен.

Амага отправила к кочевнику своего гонца. Она приказывала царю отойти от Херсонеса и явиться к ней для переговоров.

Вместо ответа кочевник дал гонцу колчан для стрел, который был набит шерстью и пряжей. Этим подношением царь как бы говорил Амаге: «Ты желаешь решать мужские дела, но ты всего только женщина, которой подобает прясть шерсть и ткать».

Амага призвала к себе сто двадцать человек преданных воинов, дала каждому из них по три лошади и, проскакав с этим отрядом за одни сутки тысячу двести стадий\*, напала внезапно на вражеский стан.

По топоту коней кочевники решили, что врагов много больше, чем было на самом деле. Воспользовавшись их замешательством, Амага ворвалась в царскую кибитку.

— Знай, — сказала она своему обидчику, — отвага может быть присуща слабой женщине, а трусом может оказаться свирепый злодей.

Утром к Амаге привели сына царя кочевников.

— Теперь ты станешь главою племени, — произнесла она. — Властвуй. Но помни, твой отец погиб, вынудив меня пойти на него, а было со мною только сто двадцать воинов. Подумай, что будет, если когда-либо ты вынудишь меня поднять весь мой народ?

\*Стадий — древнегреческая мера длины, колебавшаяся в зависимости от местности от 150 до 190 метров.





## ЭКСПЕДИЦИЯ «ГИДРОГРАФ» НАЧИНАЕТСЯ

В 1973 году «Морская газета» проводит Всесоюзную пионерскую экспедицию «Гидрограф». В экспедиции могут участвовать любые детские морские кружки, клубы юных моряков, пионеры и школьники, объединенные в отряд не менее чем из трех человек.

Отряды экспедиции «Гидрограф» будут проводить исследования местных водных бассейнов, открывать и наносить на географические карты новые земли, выполнять океанографические работы, разыскивать исторические реликвии флота и мореплавателей, проводить состязания юных моряков и судомоделистов. Летом 1973 года самые подготовленные отряды будут изучать водные бассейны своих районов.

Командует пионерской экспедицией «Гидрограф» один из старейших советских гидрографов контр-адмирал Скосырев Николай Васильевич.

Победители будут награждены памятным нагрудным значком, получают призы и ценные подарки.

### ПРИКАЗ № 1 ПО ЭКСПЕДИЦИИ «ГИДРОГРАФ»

1. Командирам сформированных отрядов доложить о готовности к экспедиции, составе отряда (фамилии, имена, возраст юных моряков), присвоенном отряду названии. Участники игры «Океан-2» могут сохранить за отрядами названия своих кораблей.

2. Рассказать о ближайшем к расположению отряда водоеме (реке, озере, море) и установленных на нем средствах ограждения навигационных опасностей.

Штаб экспедиции «Гидрограф»

### СООБЩЕНИЕ ШТАБА ЭКСПЕДИЦИИ

В очередной почте «Морской газеты» получена посылка с одного из гидрографических судов. В письме, приложенном к ней, написано: «Проводя работы в районе Гусиной Земли, мы подняли планктонной сетью странный предмет. Когда его очистили от слоя ила и ракушек, увидели глиняный кувшин, закупоренный пробкой из тюленьей кожи. В нем обнаружены плохо сохранившиеся листки бумаги. Их вместе с кувшином посылаем вам для изучения...»

Штаб экспедиции предлагает:

1. Установить, какой район Мирового океана изображен на рисунке (карте) и дать современные названия отмеченных географических пунктов.

2. Так как на карте нет компасных направлений, можно предположить, что ее составители компасом не пользовались. Можно ли ориентироваться на суше и на море по странам света без компаса? Как это делается?

### ПЕРВОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛЯМ

Отрядам экспедиции на контурных картах Мира проложить по водной системе самый интересный и кратчайший маршрут от места нахождения отряда в район Гусиной Земли. Маршрутную карту вести до завершения экспедиции «Гидрограф». Копию маршрута выслать в штаб экспедиции.

На конвертах писать:

«ЭКСПЕДИЦИЯ «ГИДРОГРАФ»

Рисунки А. Бурюшина





# МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит  
под редакцией  
капитана  
второго ранга  
С. Сахарова  
Оформление  
Р. Попова

Год издания 17-й



## СПАСЕННЫЙ ТЕНДЕР

В кают-компания «Морской газеты» рассказывает бывший командир морского охотника № 215, ныне капитан первого ранга Николай Петрович Елихин.



— Когда в 1941 году фашистские войска заминировали кольцо блокады, на осажденному Ленинграду осталась одна дорога — Ладожское озеро.



По Ладоге на канонерских лодках, баржах, катерах к городу подвозили патроны, хлеб, горючее, медикаменты, а обратно — эвакуировали детей, женщин и раненых.

Стояла глубокая осень. Холодные ветры гнали прибрежные камыши. Небольшой плоскодонный тендер с трудом шел по озеру. На палубе его, завернувшись кто во что мог, лежали беспомощные дети и старики. Их переправляли на Большую землю.

Вдруг на тендере заглох мотор и его понесло к берегу, зантому фашистами. Наблюдатели на нашем берегу заметили неладное, и на подмогу был выслан катер — морской охотник № 215. Маленькому катеру было трудно бороться с волнами. Его сильно качало, и морякам казалось, что еще мгновение — и корабль их уже не выправится.

Наконец сигнальщик катера заметил среди волн тендер.

Подожли к тендеру ближе. А по карте там, где тендер, уже малые глубины начинаются. Тендер-то плоскодонный, осадка маленькая, а катер воткнет на мель. И оба корабля на виду у фашистов. Фашисты уж из минотомов начали пристреливаться...

Только бы успеть, пока на мель не выбросит. Тогда и тендер, и катер погибнут. Подожел морской охотник, матросы буксирный конец пригитовили. Мыны уже рядом с бортом падают. Неужели не успеет? Притянул один матрос на палубу тендера, закрепил конец. Разнули моторы, потянули на глубокое место. И как раз туда, где только тендер поначинался, фашисты минували.

В тот день морской охотник № 215 спас тридцать шестерей ленинградцев от верной смерти.

## НА МАЛЕНЬКИХ ОСТРОВАХ

В. Того

Есть на свете маленькие, затерянные в морях острова. Их не на всех картах найдешь, только на морских, навигационных. Названия этих островов приятно звучат для моряков, которые возвращаются из дальних плаваний. Капитаны высчитывают их в бинокли, чтобы не ошибиться, не пройти мимо. Потому что на этих островах стоят указатели морских дорог — маяки. Они словно говорят: «Здесь держи к западу, не то напорешься на рифы! Здесь поверни на юг, иначе сядешь на подводные камни. Осторожно, казятый, к северу — коварные мели...»

В хорошую погоду маяк виден. А ночью? А в тумане? А во время шторма? В этих случаях выручит огонь маяка, заметный за много-много миль.

Продолжение следует

„Бейдвинд есть курс корабля, круто и ветру идти unavoidable, и тожко опытным шхиперам и капитанам попоручий...“

Из старинного наставления по морскому делу

## „БЕЙДВИНД“



Есть на Волге в поселке Вербовском Клуб юных моряков. Начался он с пустой комнаты мальчишкин корабль — с парусами. Потом ребят стало больше, нашлись и руководители — Игорь Александрович Черстов, знаток моря и кораблей, — клуб стал расти. Обзавелись шлюпками, в походы пошли. А идти на шлюпке, не зная такелажного дела, парусов, да и просто правила плавания по рекам, — нельзя. Так начались настоящие занятия морским делом. А те, кто пришли в клуб несмышлеными мальчишками, подростки, возглавили Совет клуба. И название придумали — «Бейдвинда».

Теперь если члену клуба шестидесять лет исполнилось, он по крайней мере — старшина шлюпки, или командир, или судоводитель-любитель. А походы на шлюпках Совет планирует в 500 и 700 километров...

## ПИНГВИНЫ ЗАБОТЫ

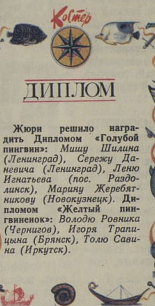
Первая забота — награды.

Вторая забота — рисунки для будущей выставки. Рисунки для выставки «Морская газета»-1973 будут приниматься до 31 декабря.

ПИНГВИН будет отвечать только тем, чей рисунок принят жюри выставки.

Третья забота — почему много плохих рисунков? На тему: что рисовать? как рисовать? на чем рисовать? Пингвин попросил выступить своего дипломанта Мишу Шляна.

«Большинство рисунков выглядит так: по чистому белому листу бумаги (а не по морю) плавает парусник под алыми парусами. Обычно подписи:



Жюри решало награждать Дипломом «Голубой пингвин»: Мишу Шляна (Ленинград), Сергея Давиденко (Ленинград), Лео Игнатова (пос. Раздольное), Марину Жеребячнюкову (Новосибирск), Дипломом «Желтый пингвин»: Володю Ровнича (Чернов), Игоря Трипича (Брянск), Тою Сави-ча (Иркутск).

«Бригантина» или «Алые паруса». Ни тебе волн, ни тебе неба... Плохонатный рисунок. А ведь сколько есть тем Буря, морские сражения, караваны торговых кораблей. Сколько интересного в работе обыкновенного портового буксира, траулера... И жизнь порта может быть так интересна...

Рисуйте на листах плотной бумаги, а не на кляксах, кляксах или страницах из тетради в клеточку. Не рисуйте «просто корабль». Решите, какой тип корабля — старинный или современного — хотите рисовать. И тогда уж не всякий, одиноко маячащий на листе бумага, корабль будет «бригантиной».

Так приятно видеть на рисунке, присланном в «Морскую газету», что-то живое, а не безжизненный силуэт корабля...

Уважающий вас Миша Шлян

## ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ленинградские юнкоры Саша Смирнов и Костя Ларионов сообщают, что выставка «Морской газеты» с большим успехом демонстрировалась в фойе Ленинградского Государственного Большого театра кунол.

## ОБОЩАЮТ ЮНКОРЫ

### Косатка

Пусть вас не пугает название «косатка». Это дельфин-косатка, убийца китов. Так у нас не Амуре зовут эту рыбу.

Водится она только в Амуре. Это музыкально-скрипучая рыба. Когда ее вытащат на берег, она начинает скрипеть своими перьями-колючками. Юнкор Витя Анисимов, Комсомольск-на-Амуре







Борис Грищенко

Права носить звездную эмблему «Готов к труду и обороне!» может добиться всякий независимо от возраста. Разница — лишь в цвете значков. Каждый из оттенков этой радуги спортивной доблести указывает на возрастную группу, к которой принадлежит физкультурник. Таких цветов — пять: зеленый, голубой, синий, белый и красный. А у каждой ступени — свой девиз.

**Девиз первый: «СМЕЛЫЕ И ЛОВКИЕ».**  
Саша Дикарев, пятиклассник, Москва.

— Я очень люблю спорт, и когда в нашей школе началась сдача норм нового комплекса, я подумал, что свой значок заработаю довольно легко. Многие считали так же, как я.

Например, Гена Винокуров, мой одноклассник, сказал: «Я, говорит, свой зелененький одной левой достану!»

Ему многие поверили, ведь он — капитан нашей дворовой хоккейной команды. Мы — ледовые рыцари. Мы — самые сильные, смелые и ловкие!



Так и пошло: ребята на тренировку, а мы — в кино или матчи «Спартака» по телевизору смотрим. Ждем, когда позовут нас, чтобы торжественно вручить новые значки.

А потом начались зачеты. Мы, конечно, впереди. Пробежать кросс — пожалуйста! Прыгнуть в длину — чего проще! Но пришел однажды наш класс в бассейн. В общем, дальше мне пока рассказывать не хочется, потому что мы, ледовые рыцари, не любим распространяться о трудностях. Мы их преодолеваем.

Лучше вернуться к этому разговору попозже. А пока что мы с Женей записались в бассейн и не пропускаем ни одной тренировки.

**Девиз второй: «СПОРТИВНАЯ СМЕНА».**  
Рубен Шириян, семиклассник из Еревана.

— На зимние каникулы я часто приезжаю к своему дяде в Москву. В этом году он сделал мне замечательный подарок: купил билеты на все хоккейные матчи, которые будут проходить во время каникул. Дядя пишет, что это мне — за успешную сдачу норм на новый значок ГТО. Когда поеду в Москву, обязательно его надею. Он очень красивый — похож на звезду, по голубому полю которой несутся золотые бегуны.



А хороший хоккей мне очень хочется посмотреть, побывать в знаменитых Лужниках. У нас этот вид спорта пока еще не очень развит, но уже строятся искусственные катки, на искусственном льду мы сможем тренироваться круглый год. Вот тогда-то нам и пригодится закладка, которую мы получили, сдавая нормы нового комплекса.

Это очень здорово, что у нас такая большая и дружная страна. Если живешь на юге, то кататься на коньках или бегать на лыжах тебя научат ребята из северных городов. Так было и со мной, когда в прошлом году я приезжал в Москву. И мы, южане, тоже в долгу не остаемся. Этим летом у нас гостили ленинградские ребята. Мы для них организовали поход к вершинам наших гор, на которых даже летом сверкают вечные снега.

**Девиз третий: «СИЛА И МУЖЕСТВО».**  
*Владимир Пирогов, рабочий ремонтно-механического завода, г. Шуя.*

— На нашем заводе, где ремонтируют текстильные машины, уже около ста человек завоевали право носить синие значки ГТО. Их получают лучшие спортсмены в 16—18 лет.

Когда я вижу человека с таким значком, я всегда вспоминаю своего друга Сашу Кондратьева из бригады, с которой мы соревнуемся. Недавно о моем товарище написали в газете, потому что он совершил героический поступок.



Шел он вечером из заводского спортклуба, возвращался с соревнования по боксу. Видит, в парке, на берегу пруда — толпа. Подошел Саша поближе и сразу понял, что случилось: сидят на льдине двое мальчишек, а льдину от берега унесло, и трещины по ней разбегаются, как весной ручейки.

Саша бросил свой чемоданчик, скинул куртку и прямо в спортивном костюме — в воду. А вода холодная, обжигает. Добрался он до льдины, спас «горе-зимовщиков». Сам, правда, простудился, но скоро поправился: спорт сделал его сильным и мужественным, и когда случилась беда, он не спасовал, не растерялся.

А товарищи из Сашиной бригады, пока он болел, выполняли и его работу. У них, как в хорошей команде, — один за всех, а все за одного!

**Девиз четвертый: «ФИЗИЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНСТВО».**  
*Сергей Александрович Петров, заведующий лабораторией Московского автомобильного института.*

— Все мы часто задумываемся над тем, каким будет человек через много десятилетий. Об этом пишут книги, эту проблему обсуждают ученые, образ наших потомков пытаются представить художники и скульпторы. Ответить на этот вопрос нелегко. Ясно, что наши внуки и правнуки будут знать и уметь гораздо больше нас. Они создадут такие машины, о которых мы только мечтали, они полностью подчинят природу, заставят ее слушаться человека. Но одно останется неизменным: люди,

как и сейчас, будут стремиться к физическому совершенству. В этом, как и теперь, им будет помогать спорт. Мне иногда приходится



слышать мнение, что, мол, настоящий спортсмен должен безраздельно посвятить себя тому виду, в котором он добился наивысших успехов. А все остальное лишь мешает, отвлекает от главной работы.

С этой точкой зрения трудно согласиться. Поясню на собственном опыте. Мне всегда помогала легкая атлетика, которую я очень люблю, многими из видов которой занимаюсь регулярно. А бассейн? Как бы ни был я занят, а всегда выкраиваю время, чтобы несколько раз измерить длину его голубых дорожек. В последние годы увлекся теннисом, не забывая о коньках и лыжах.

И каждый из этих видов чем-то обогащает, чему-то учит, укрепляет мышцы и дух. Все это вместе и способствует физическому совершенству. Путь к нему начинается на стартах ГТО. Я встречаю людей разных возрастов — студентов, инженеров, ученых, которые носят белые значки: ведь в соревнованиях под девизом «Физическое совершенство» участвуют и те, кому девятнадцать, и те, кто уже подошел к сорока. По-моему, цель, к которой они стремятся, прекрасна.

**Девиз пятый: «БОДРОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ».**  
*Петр Васильевич Дикарев, инженер-полковник в отставке.*

— Твердил я Александру, внуку своему: делай каждое утро зарядку, как я. Одного хоккея человеку мало! Куда там, не слушал меня самоуверенный пятиклассник. Пришлось доказывать свою правоту делом.

Отправился на соседний стадион. Там тренер готовил группу пожилых людей к сдаче норм ГТО. Ну, и я записался. Конечно, носиться, как Сашка, мы не носимся — годы не те, но зачеты тоже серьезные: не подготовишься как следует — норм не выполнишь.

Очень мне понравилась в группе. Все подтянутые, дисциплину и режим соблюдают, а потому и настроение у людей всегда отличное, в





точности названию нашей группы соответствует: «бодрость и здоровье».

Прихожу однажды со стадиона, а внук мой, как всегда, у голубого экрана устроился, хоккей досматривает. А у меня на свитере — новенький красный значок — только что вручили.

Как увидел Александр мой ГТО, сразу понял: опередил его деда!

Телевизор выключил и спать отправился — у них завтра с утра тренировка в бассейне.

*Рисунки Ю. Бочкарева*

## Ответы на олимпийскую викторину

В прошлом — олимпийском — году наши читатели получили возможность показать свою спортивную эрудицию. Участников в олимпийской викторине «Костра» было не меньше, чем спортсменов на играх в Мюнхене. Письма от знатоков шло из всех уголков страны. Редакция получила множество коллективных ответов — от целых классов, школьных команд и секций. Часто ответы дополнялись рисунками, таблицами, картами.

Подавляющее большинство ребят справились с вопросами по истории и географии, точно произвело расчеты, блеснуло знанием спорта. Но, как в любом состязании, определились и абсолютные победители.

«Я люблю спорт и в свободное время занимаюсь им. Очень увлекает меня история спорта. Особенно приятно, когда рассказываешь своим товарищам об удивительных, порой невероятных случаях, произошедших на соревнованиях, и видишь, как они удивляются и восхищаются этим. В нашем поселке много спортивных площадок, есть два детских и большой стадион. А наша школа не раз занимала первые места на районных и областных соревнованиях», — пишет нам Сережа Лысенков из поселка Карла Либкнехта Льговского района Курской области. Он прислал нам безошибочный, образцовый ответ, красочно и аккуратно оформил свое письмо.

Вместе с Сережей на верхнюю ступеньку пьедестала почета мы приглашаем целое семейство дальневосточников из Хабаровска. Познакомимся с ними.

«Пишут вам два брата — Вова и Юра Бакуменко и их дядя — Сере-

жа Заворотко. Вы, наверное, удивитесь, что в конкурсе для ребят участвует какой-то дядя. Но этот дядя всего на год старше меня. Юра учится в первом классе, я — в седьмом, а Сергей — в восьмом. Все мы любим спорт. Во дворе с ребятами мы играем в баскетбол, футбол, хоккей с мячом и шайбой, шахматы и волейбол».

На Олимпиаде в каждом номере программы — шесть призовых мест. Наш пьедестал почета вдвое шире. Вот остальные призеры олимпийской викторины: Таня, Галя, Клава и Сережа Котовы из г. Богородицка Тульской области; Владимир Косолапов и Сережа Рогожников из Перми; Саша Кривцов, Саша Хоменко и Валерик Смирнов из с. Никольского Амурской области; Миша Дураков из г. Кирса Кировской области; Вова Пудиков из с. Доброхотова Ивановской области; Таня Вдовина из Саратова; Олег Яковлев из Ленинграда; Саша Стародубцев из Урютинского зерносовхоза Павлодарской области; Олег Мохов из г. Орска Оренбургской области; спортивный коллектив из Козьмогородского интерната Архангельской области; Витя Шенеша из г. Снежное Донецкой области.

Два дополнительных вопроса викторины — для знатоков спринта — помогли определить самых удачливых предсказателей будущего. В. Кайшугова из г. Орска Оренбургской области и Юрий Назаров из Ульяновска безошибочно за полгода вперед назвали олимпийских чемпионов: женскую команду ФРГ — в эстафетном беге 4×100 метров и советского спринтера Валерия Борзова — на стометровке, угадав и его время в финале — 10,1 секунды (чему соот-

ветствуют 10,14 сек. на электросекундомере).

А теперь в сжатом виде ответы:

1. Олимп — горный массив в Северной Греции. Олимпия — город на полуострове Пелопоннес. 2. Олимпийские игры древности последний раз проводились в 392 году нашей эры. 3. Спортсмены состязались в Олимпиаде 292 раза. 1972 год был бы по древнегреческому летоисчислению последним годом 687-й олимпиады. 4. Пентатлон — пятиборье (от греческого «пенте» — пять и «атлон» — борьба, состязание). Панкратион — «над всем властвующий» («пан» — все, «кратос» — власть) — сочетание кулачного боя и борьбы. 5. Традиции пентатлона продолжены в легкоатлетическом десятиборье, современном пятиборье, состязаниях по бегу, прыжкам, метаниям. Традиции панкратиона на современных олимпиадах живут в соревнованиях по боксу, вольной и классической борьбе, дзюдо. 6. Инициатором возрождения олимпийских игр был Пьер де Кубертен. 7. Первым из русских спортсменов золотую медаль на Лондонской олимпиаде 1908 года завоевал Николай Панин-Коломенкин — в фигурном катании на коньках по произвольной программе. 8. Олимпиада в Хельсинки проводилась в 1952 году. Советские спортсмены завоевали тогда 22 золотые медали. 9. Футболисты СССР выиграли олимпийский турнир в 1956 г. в Мельбурне (Австралия). 10. Вячеслав Иванов на XVI играх в Мельбурне, XVII играх в Риме и XVIII играх в Токио завоевывал золотые медали на лодке-одиночке в состязаниях по академической гребле.



## СЛАДКАЯ ТЕТРАДКА

Радой Киров

Лако — слопал конфеты.  
Лако — лакомка. Это  
плохо, ибо тетрадки,  
и дневник, к сожалению,  
после банки варенья  
стали сладки-пресладки.

Перепачканы книжки.  
Притаюсь в уголке,  
очень хитрая мышка  
говорит своей дочке:  
„Я люблю все, что сладко.  
Ох, вкусна же тетрадка!“

Перевел Л. Виноградов



8

На всех восьми страничках  
«Уголька» № 1 гостит журнал  
болгарских малышей  
«Славейче»



## СОН СРЕДИ ЗВЕЗД

Димитр Светлик

Во мгле космической, морозной,  
Лети среди звезд, кораблик звездный!  
Я сам лечу с тобой во мгле,  
Друзей оставив на земле.

Они, наверно, спать ложатся  
И гасят свет, и, может быть,  
В ночное небо кто-нибудь,  
Взглянув, прошепчет: „Добрый путь!“

И я усну, когда устану,  
Но только звезд гасить не стану.  
Тебе, далеко подо мной,  
Спокойной ночи, шар земной!..

Перевел Ва. Лифшиц



## ПТИЦЫ

Ламап

Старый дедушка сидит, приговаривает:  
„Слякоть, зной ли, дождь ли, ведро ль,  
снег ли, ветер или град — но повсюду пти-  
цы с нами: меж ветвями, над домами,  
высоко под небесами — наполняют щебе-  
таньем город, поле, лес и сад и чирикают,  
и свищут, и порхают, и парят.

Вы щебечете для нас, а у нас для вас  
всегда полным-полно всего припасено:  
есть и семечки, и крошки, и зерно.

В пыльной яме воробьиная война, голуби  
воркуют у чердачного окна, а из леса  
горлица слышна.

Повезет — увидишь дятла на сосне, пес-  
ню иволги услышишь при луне в осенней  
тишине.

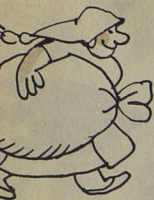
Птицы милые мои, не забывайте про  
метели, про снега и холода, прилетайте  
в города скорей тогда из лесов, с полей,  
предгорий и оттуда, где скалистых гор  
грядя небеса с землею сшила навсегда.

Птицы слушают меня и вдруг вспорхну-  
ли, взмыли в небо, и остался с носом  
черный кот, невидимый в тени ворот“.

Перевел М. Еремин

4





## ПЕТУХИ

Радой Киров

Взлетает в воздух рыжий пух —  
на петуха идет петух.  
И белый пух белеет.  
А рядом бабушка свое:  
„А ну поддай! А ну вперед!“ —  
отчаянно „болеет“.  
Радует старуху  
то, что много пуху.  
Будут у Ирины  
мягкие перины!

Перевел А. Лосев



## ЗАГАДКА

Ты хоть крыльев не имеешь,  
гордо в синем небе реешь  
и за час по небесам  
облетаешь землю сам.



7

## СЕВ

Николай Соколов

Дождик сеет, сеет, сеет.  
Ветер струи веет, веет.  
Землю нашу трактористы  
пашут, пашут, пашут —  
пусть пшеничные мониста  
на ветру заплывут!  
А на пашне вскачъ, вскачъ  
ходит важный грач, грач.  
Ходит он земли черней,  
ищет в поле он червей.

Перевел Л. Виноградов



## ТУРИСТЫ

Михаил Лакатник

Горный пик Перелик  
Неприступен и велик.  
Штурмовать пошли мы дружно  
Горный пик Перелик.  
Но устали — и присели,  
А присели — и поели,  
А поели — и уснули,  
Нам казалось, что на миг,  
Но до вечера проспали,  
И поэтому не взяли  
Что поделать, нет, не взяли  
Горный пик Перелик.

Перевел Ва. Луфшин



Вырежьте странички по сплошным линиям, согните по пунктирным, сложите по порядку номеров и сшейте книжечку.

КАК СДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ «УГОЛЕК»

3







## НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“

**рисунки  
Ксении Клементьевой**

Ксения Александровна Клементьева — художник-график, работающий в технике литографии. Литография — это рисунок на камне, переведенный затем на бумагу специальным станком. Первые работы Ксении Александровны — плакаты — были выполнены в годы гражданской войны. Когда война кончилась и началась мирная жизнь, художница обратилась к иллюстрации детской книги: иллюстри-



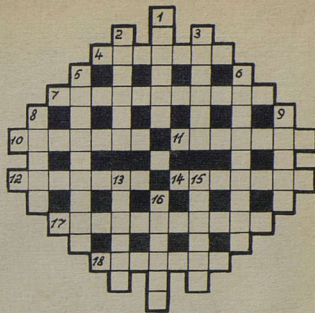


# **СЗАО СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ**

Кроссворд. Составил Димитриенко П. М. из г. Ярославля.

**По вертикали:** 1. Коллектив актеров театра. 2. Воспитатель спортсменов. 3. Сведение, хранящееся в тайне. 5. Винт аэроплана. 6. Предмет, изучаемый в школе. 8. Вид головоломки. 9. Столица одной из стран Народной Демократии. 13. Советский писатель, автор книг для детей. 15. Столица союзной республики. 16. Часть азиатской территории СССР.

**По горизонтали:** 4. Вид рыболовного судна. 7. Прибор для черчения. 10. Хищник семейства кошачьих. 11. Животное, обитающее в Австралии. 12. Картина И. Е. Репина. 14. Изображение на фотопленке. 17. Часть речи. 18. Крупная водоплавающая птица.



рвала поэмы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, рассказы и повести И. Тургенева и Л. Толстого, выпущенные Детским издательством.

К. А. Клементьева любит детей, часто рисует их, хотя это не легко, — вы ведь очень непоседливы. Но она делает быстрые наброски, в которых сохраняются первые ощущения от встреч. А уже с набросков в мастерской создаются портреты; три из них вы видите в журнале. Здесь же вы встретаетесь с листами из серии «Помни!» Они выполнены под впечатлением событий Отечественной войны. В войну гибли не только люди, но и звери, птицы, деревья. Обуглившиеся деревья, лиственные листья, с искривленными ветвями, — в России они «тоже были солдатами, по-своему сражались, укрывая партизан, превращаясь в тепло, в огонь для бойцов». Эти слова принадлежат чилийскому поэту П. Неруде, которому К. А. Клементьева послала всю серию. Сейчас серия «Помни!» находится в г. Саратове, в музее изобразительных искусств; в этом городе К. А. Клементьева родилась, там же получила первые навыки в рисовании.

В. Андреева

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Мальчик из Артека</b> рассказ о В слете Вал. Бианки рисунки Г. Ясинского . . . . .	<b>1</b>	<b>„Ра-2“</b> плывет к берегам Барбадоса главы из книги Ю. Сенкевича . . . . .	<b>39</b>
<b>Тане посвящается</b> заметка В. Шумилина . . . . .	<b>5</b>	<b>Страна Поэзия</b> . . . . .	<b>42</b>
<b>Славная Мойка — священный Байкал</b> повесть М. Глинки рисунки В. Бескаравайного . . . . .	<b>6</b>	<b>Записки партизана</b> В. Иванова рисунки А. Гетманского . . . . .	<b>44</b>
<b>Бережден — не волшебники</b> очерк Евг. Николаева фото Б. Теремисина . . . . .	<b>22</b>	<b>Зеленые страницы</b> ведет Н. Сладков . . . . .	<b>48</b>
<b>Диктант</b> стихи Р. Красновского рисунок Г. Ясинского . . . . .	<b>25</b>	<b>История о бесстрашном</b> Витяке Киселеве и его товарищах очерк М. Лободина рисунок Ю. Шабанова . . . . .	<b>51</b>
<b>Обыкновенные и необыкновенные</b> <b>приключения</b> главы из книги Н. Долиной рисунки А. Слепкова . . . . .	<b>26</b>	<b>Легенды о скифах</b> В. Иванова рисунки Б. Семенова . . . . .	<b>52</b>
<b>Сказка о добром Муравье</b> стихи К. Кулиева рисунки К. Овчинникова . . . . .	<b>32</b>	<b>Экспедиция „Гидрограф“</b> . . . . .	<b>55</b>
<b>Призраки</b> рассказ С. Кацумото рисунки В. Гусева . . . . .	<b>34</b>	<b>Морская газета</b> . . . . .	<b>56</b>
		<b>Кто в ГТО?</b> репортаж Б. Грищенко рисунки Ю. Бочкарева . . . . .	<b>58</b>
		<b>Уголёк</b> журнал для малышей . . . . .	<b>61</b>
		<b>Арчебек</b> шахматы и шашки . . . . .	<b>63</b>

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтуляев, А. И. Панипелес, А. Ф. Пахолов, Ю. Д. Порошков, Л. Н. Пожиданова, Р. П. Погонин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Теревинская (отв. секретарь), Н. А. Ходжа, Г. М. Черныкова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор  
М. С. Беломлидский

Технический редактор  
В. И. Мецатунова

Корректор  
В. А. Маевская

У рукописи и фотографии не возвращаются  
Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-17928. Подписано к печати 28/XI 1972 г. Формат 60х90/4. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. Тираж 600 000 экз. Заказ 3295. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, П-101, Кройверская ул., 7.



Рисунок  
Л. Каминского



Коля пригласил к себе на елку все свое звено и решил всех сфотографировать во время танца. Но для того, чтобы в кадр попали все ребята, ему пришлось сделать два снимка с помощью автоспуска. При этом каждый раз, как он ни торопился, Коля не успевал повернуться лицом к аппарату. Когда он проявил снимки, то обнаружил, что сфотографировал дважды не только себя, но и папу, который одет Дедом Морозом, и еще нескольких ребят. Одно только он не мог вспомнить: какой из этих снимков он сделал раньше, а какой позже. Может быть, вы можете ему, а заодно скажете, какими деталями отличаются друг от друга снимки, сколько всего ребят у Коли в звене и где сам Коля?



Было на елке двадцать четыре ветки. На четыре верхних повесили по одной золоченой конфетке. На четыре вторых, считая от макушки, повесили по две разных игрушки. На четыре третьих ветки, считая сверху, повесили по три игрушки на каждую ветку. И далее через каждые четыре ветки на ветке очередной прибавляли по игрушке одной.

А теперь подумайте и ответьте: если считать на макушке звезду, сколько всего украшений на елку повесили дети в тысяча девятьсот семьдесят третьем году?